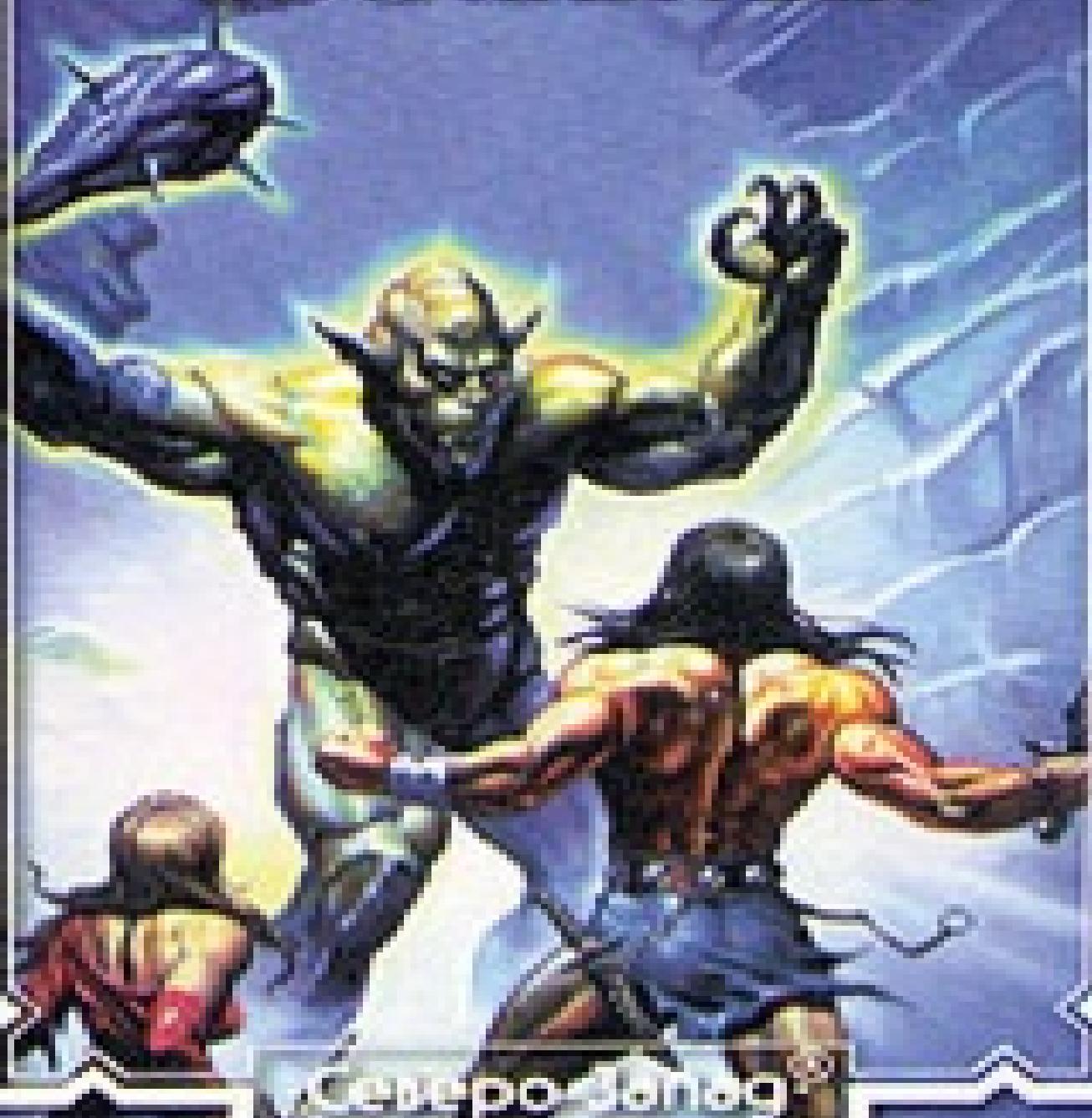

КОНДАН И ВЕДЕР ПРОКАЛЫХ

Северодвинск

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

Северо-Запад, 1997 г. Том 39 "Конан и берег проклятых"

Морис Делез. Пленники паука (роман), стр. 5-264

- [Морис Делез](#)

- [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
-

Морис Делез
Слуги паука 2. Пленники паука
(Северо-Запад, 1997 г. Том 39 "Конан и берег проклятых")

Глава первая

Очертания огромной воздушной сферы, что заключала в себе пространство, казавшееся бескрайним, терялись в невообразимой дали, и ослепительный свет, костром пылавший в вышине, не в силах был осветить весь мир, который боги сотворили внутри.

Титаническая сфера, невидимые стены которой пропадали в холодной глубине мертвого мира звезд, называлась небесным сводом, а ослепительное пламя, живительным потоком света и тепла изливавшееся с него, звалось дневным светилом, или Оком Митры — бога, вдохнувшего в этот мир жизнь. А еще люди дали ему простое имя — солнце.

Солнце исходило потоком расплавленного золота, вылизывая хрустальную оболочку сферы нестерпимым жаром, от которого поверхность небесного свода плавилась, постепенно становясь все прозрачней. Казалось, еще немного и небеса неминуемо лопнут, погубив во вселенском катаклизме робкую искру жизни, с трудом прижившуюся на крошечной Земле, которая невероятным образом удерживалась в центре сферы. Однако летели века, складываясь в тысячелетия, а все оставалось по-прежнему.

И если где-то далеко вверху бушевал огонь, то нижняя часть сферы постоянно тонула в ласкающей черноте вечной ночи, усыпанной бриллиантовой россыпью звезд, что играли всеми цветами радуги. Были они не чем иным, как прощальной игрой дневного светила в хрустале чистейшего льда и бархате инея.

Сфера медленно вращалась, и с одной стороны лед постоянно подтаивал, исходя потоками клубящегося пара, которые люди звали облаками. Едва родиввшись, облака тотчас устремлялись в долгий путь по бескрайнему голубому полю к ведомой только им цели. Временами они затевали загадочную, никому не понятную игру, принимая причудливые формы: то притворяясь диковинными растениями, то распускаясь сказочно прекрасными цветами, а иногда прикидываясь странными животными, которых никогда не видели на крошечном островке внизу, и тем самым порождали в душах людей, живущих на нем, ощущение сказки, что дарила радость и беспричинное веселье.

Но животные поедали цветы и, насытившись, уползали на темную сторону сферы, где их прекрасные белоснежные тела превращались в безобразные черные кляксы. Нежные розы становились вдруг черным лотосом, навевавшим людям страшные, тяжелые сновидения. Добродушные звериные морды ощеривались хищным оскалом, и милые зверюшки оборачивались злобными монстрами, по ночам пробиравшимися в сны. Доброе волшебство сменялось черной магией...

Твари поспешили переползти на темную сторону сферы, во владения Отца Тьмы. Они заслоняли собой звезды, и их уродливые тела на фоне бриллиантовой россыпи очертаниями напоминали нечто ужасное, прятавшееся в потаенных уголках души, что нещадно мучает человека, терзает, рвет на части, заставляя просыпаться в холодном поту, проникает в воспоминания.

Эта странная, длившаяся целую вечность игра света с тьмой могла заворожить любого. Она могла заставить позабыть обо всем, разбудив в душе неведомое человеку чувство, в котором мирно уживались несовместимые в жизни восторг и смертельный страх...

Правда, у прочих обитателей этого мира, создавших его таким, потому что именно таким они хотели его видеть, странные картины не вызывали ни головокружения, ни даже интереса, ибо они не были людьми и не боялись ничего в мире, порожденном их фантазией...

Туман был таким плотным, что невольно создавалось впечатление, будто окружающее пространство наполнено белоснежным пухом, настолько мелким и невесомым, что отдельные частицы егосливались в однородную клубящуюся массу, сквозь которую не видно было и собственной руки, вытянутой вперед в поисках хоть какой-то опоры.

Казалось, это будет длиться вечно, но в одно из мгновений вдруг что-то произошло. Поначалу изменение было почти неуловимо, но постепенно оно набирало силу, хотя, что все это значило, понять было еще нельзя.

Впрочем, нет. Внимательный взгляд заметил бы, что меняется сам туман. Вскоре он уплотнился внизу настолько, что ноги ощутили опору, правда, все еще невидимую. Выше же туман изрядно поредел и хоть и не стал прозрачным, но, по крайней мере, его уже нельзя было пощупать.

Одновременно вся масса начала перемешиваться и менять цвет. Временами ее движение напоминало снегопад в тихую, безветренную погоду, и тогда она опадала на плотный слой белоснежными хлопьями. То вдруг неожиданно налетевший порыв ветра вспенивал опавший пух, заставляя его подниматься вверх и кружиться роями разноцветных мерцающих искр. А иногда закрутившийся смерч начинал лихо отплясывать дикий, варварский танец, постоянно меняя окраску, вращая все попадавшееся на пути.

Наконец где-то в самой середине начало формироваться уплотнение, которое не сразу приняло определенные очертания. Нельзя было понять, то ли оно становится гуще, поглощая плотные слои тумана, то ли туман просто обтекает нечто возникшее внутри него в некий неуловимый момент времени, а может, и существовавшее всегда.

Вот порождение тумана шевельнулось, сдвинулось с места и сразу стало походить на человека. Оно взмахнуло руками, и хаос, так долго царивший вокруг, мгновенно прекратился. Масса под ногами еще больше уплотнилась, став неотличимой от пола, укрытого роскошным ковром с густым белоснежным ворсом, в котором ноги стоявшего утопали больше чем по щиколотку. Клубившаяся в воздухе взвесь стремительно унеслась прочь, во все стороны одновременно, обратившись на периферии пространства беломраморными колоннами, ограничившими собой зал, в центре которого остался стоять его создатель.

— Я пришел, Солнцеликий!

Слова появились словно ниоткуда, возникнув сразу во всем объеме обители Подателя Жизни, Митры. Едва ли не одновременно с ними ее несуществующие стены отразили приветствие, породив странное ощущение огромного, пустого зала, древнего и мрачного, погруженного в густую темноту, хотя это и противоречило тому, что видели глаза. Но таково уж было свойство голоса говорившего.

Митра резко обернулся.

Из-за одной из колонн появилась фигура в черном, и никто, даже стоявший в центре хозяин и создатель этого зала, не знал, как долго это существо находится здесь: появилось ли оно только что или давно уже наблюдает за работой бородача с суровым лицом. Митра ждал гостя, но не так скоро. Однако, когда Отец Тьмы увидел его лицо, на губах Солнцеликого уже играла обычная сдержанная, не выражавшая ничего, кроме вежливой доброжелательности, улыбка.

— Надеюсь, ты оторвал меня от дел не без причины? — вновь заговорил Сет. — Было бы жаль потерять время из-за безделицы, у меня накопилось слишком много дел.

Его речь словно сопровождалась шипением змеи, хотя шепелявым его назвать было нельзя.

Видимо, привычка постоянно сдерживать раздиравшую его бурю страстей придавала голосу характерные интонации, заставлявшие собеседников Темного Бога непроизвольно вздрагивать и поеживаться.

Сет поправил черный хитон и, гордо вскинув голову, с вызовом посмотрел на Митру. Виделись эти двое нечасто, но при каждой из их редких встреч он старательно копировал своего извечного соперника, перенимая его внешность и манеры, но делал это как бы наоборот: его хитон, такой же, как у Митры по покрою, только не белого, а черного цвета, был перехвачен черным поясом, сплетенным из вымоченных стеблей черного лотоса. Зачем Сет делал это, Светлый Бог не знал. Быть может, просто хотел подчеркнуть свою независимость во всем? Или досадить, до начала разговора показав свою решимость делать все наоборот...

— Злых дел накопилось у тебя слишком много.— Голос Митры был звонок, хотя и печален.

— Бесконечные заботы сделали тебя мрачным и угрюмым. Тебе недостает бесшабашной веселости.— Сет довольно усмехнулся.— Мы-то с тобой знаем, что все зависит от точки зрения, не так ли? — цинично заметил он, с оттенком превосходства взглянув на Подателя Жизни.— Ты по собственному вкусу создал для нашей встречи это прекрасное место, но и оно может выглядеть совершенно иначе, даже оставаясь таким же. Взгляни!

Широким жестом он обвел рукой окружающее пространство, и непроглядная тьма за стройным рядом беломраморных колонн сменилась ослепительным светом солнца. От пронзительной синевы небес с мерно плывущими по ним белоснежными барашками облаков невольно наворачивались слезы, а резко ворвавшийся морозный утренний ветерок заставил обоих богов судорожно вдохнуть его полной грудью и захлебнуться от восторга.

Вокруг простирался бескрайний мир. Девственные, полные жизни джунгли сменяли напитанные дождем луга с сочной травой, в свою очередь, обрывавшиеся золотистым пляжем, на который яростно накатывались изумрудные валы волн, увенчанные коронами пузыряющейся пены.

— Взгляни, как мир прекрасен! В нем есть место для буйства, борьбы, для безумства, наконец! А ты хочешь вместить его в тесные, душные рамки выдуманных тобой правил, именуемых Добром! — Сет в восторге обернулся, но увидел в устремленном на него взгляде лишь сожаление, и лицо его помрачнело.— Хорошо. Оставим это! Добро и Зло — мы судим о них по-разному. Для меня нет худшего Зла, чем твое Добро, и этого уже не изменить.— Он помолчал и, развернувшись, в упор посмотрел на своего противника.— Это мой мир! И я буду делать все, что посчитаю нужным!

— Это наш мир,— мягко поправил его Митра.— Мы сделали его таким, какой он есть, и мы за него в ответе.

— Это... Мой... Мир! — повторил Сет, на этот раз, делая ударение на каждом слове, и коснулся ладонью груди, словно надеясь этим жестом подтвердить свою правоту.— Я нашел его зародыш!

— Ты знаешь, что это не так,— вновь возразил Владыка Света.— Ты пришел прежде меня лишь потому, что я ждал, какой из миров ты выберешь!

— Как это похоже на тебя! — зло прошипел Отец Тьмы.— Но мне кажется, что я не просил о помощи!

— Это верно, — согласился Податель Жизни, — но я и так знал, что ты не справишься без меня!

— Ха-ха-ха! Какая трогательная забота! — Темный Бог замолчал, и лицо его вновь сделалось серьезным и злым.— Мог бы не беспокоиться, ты мне не нужен.

— О, нет! — возразил Митра.— Обычное заблуждение, и ты об этом знаешь. Зло немыслимо без Добра. Оно разрушает, ведет к гибели.

— Не больше, чем Добро — перебил его Сет.

— Больше! Много больше! — возбужденно вскричал Митра, словно надеялся переубедить своего извечного соперника. — Конечно, Зло подстегивает, не позволяет расслабляться, но Добро дарит людям радость и любовь! Враждуя, они дополняют друг друга. Без тебя мир станет ленивым и равнодушным. Без меня его зальют реки крови... Так уже было, и ты это знаешь. Вспомни Валузию,— добавил он мрачно,— вспомни Ахерон...

Он взмахнул рукой, и картина за рядом колонн разительно переменилась. Зверье было перебито и съедено, леса вырублены и сожжены, пастбища вытоптаны ордами варваров, а черная дымящаяся земля завалена горами полуразложившихся трупов. Бурлящий океан яростно выплевывал на обагренное кровью золото пляжа обломки боевых галер и тела утопленников.

— Да. Так было,— согласился его противник,— но вспомни: люди пришли к этому сами! Побеждают сильнейшие! И кто сказал, что это плохо?! Ты и сам придерживаешься этого правила. Но ведь были не только войны. Посмотри сам.

И вновь мир снаружи переменился. Гигантские торговые триеры упрямо бороздили мощные водяные валы, нескончаемые караваны навьюченных товаром двугорбых животных упорно преодолевали испепеляющие зноем пустыни, огромные засаженные фруктовыми деревьями и злаками площиади кормили мириады людей, которые заполонили гигантские, возведенные из камня города с роскошными храмами и рвущимися в лазурное небо башнями, с мраморными дворцами, украшенными золочеными статуями богов.

— Это был сильный, полный энергии и жизни мир, но тебе не понравилось, как живут его люди. Ты даже не попытался выяснить, кто прав, кто виноват. Ты просто взял и всех уничтожил, — с горечью молвил Сет, и обычно мрачное лицо его почернело, словно обугленное адским пламенем вселенской катастрофы.— Ты необыкновенно удачно помянул Валузию и Ахерон. Вспомни! Ты ведь проделал это дважды!

Черные глаза Великого Змея полыхнули зловещим огнем. В них отразилось всепожирающее пламя пожаров, уничтожавших леса и посевы, и Митра невольно отпрянул от него и оглянулся, чтобы посмотреть на картину мира, выстроенную Сетом. Мира, который на его глазах падал в разверстую им, Митрой, бездну. Он услышал плач детей, протягивавших руки к материам, и вопли прижимавших к себе детей женщин, тщетно моливших богов о пощаде, проклятия могучих, но бессильных помочь им мужчин и, содрогнувшись от содеянного, с трудом разлепил ссохшиеся губы...

— Иначе мир было не спасти...— оправдываясь, прохрипел он.

Митра помрачнел. Ему неприятны были воспоминания о том злосчастном времени и грозных событиях, изменивших лицо мира, тем более что он до сих пор не мог успокоить совесть и однозначно ответить на свой же вопрос: прав ли он был, поступив именно так.

— Брось лукавить! Ты, кого созданные тобою люди зовут Подателем Жизни, без колебаний отобрал ее, едва не уничтожив мир, когда что-то пришлось тебе не по вкусу!

— Поверь, я скорблю о них,— грустно ответствовал Митра, который, несмотря на все свои старания, не мог отделаться от мысли, что упрек справедлив,— но Зло слишком разрослось, подчинив себе все! Его нужно было рвать с корнем, и иначе, как почти разрушив, мир было не спасти! Так мне тогда казалось...

— Так тебе тогда казалось! — Сет патетически взмахнул руками, и лицо его обратилось в маску скорби.— Одним махом ты уничтожил всех: и правых, и виноватых,— с горечью молвил он и склонил голову, словно воспоминание о былом причинило ему нестерпимую боль. Митра так и не понял, на самом деле Сет скорбел о погибших или блестяще играл роль.— Поведай о том своим жрецам,— вновь заговорил Великий Змей,— а мне уже ни к чему твои оправдания. Слишком много лет прошло с тех пор. Поговорим лучше о делах нынешних, и мы увидим, что ты

не изменился!

— Что хочешь ты сказать этим?

Митра удивленно посмотрел на своего извечного соперника. К сожалению, слишком многое разделяло их. Пожалуй, даже все. Огромное количество людей пользовалось в разное время благосклонностью каждого из них, и всякий раз это выливалось в тайное, а иногда и открытое противоборство, но что имел в виду его противник теперь, он мог лишь догадываться.

— Ты,— Сет едва ли не ткнул пальцем в грудь Светлого Бога, испепеляя его яростным взглядом, — хвастал тем, что не вмешиваешься в дела людей, но ничто не забыто из сотворенного ни мной, ни тобой. Пришло время, и из глубины веков миру вновь явились Талисман Силы и Незримый, нежданно оказавшись в центре внимания, и тебе это пришлось не по нраву! Кто сковал Незримого, волею случая, заметь, получившего свободу?!

— В том нет моей вины.

Взгляд Митры был кроток и спокоен. Много чего было создано богами либо по воле богов в разное время, и среди них Незримый — древний демон, который жил, чтобы убивать, и убивал, чтобы жить и набираться сил. Со временем он стал слишком силен, и по повелению Митры его пленили, что вызвало ярость Сета, но на открытое столкновение Темный Бог тогда не пошел. И вот теперь благодаря невероятному стечению обстоятельств демон оказался на свободе, но в ту же ночь был скован неким варваром-киммерийцем, всерьез заинтересовавшим Митру своей необыкновенной силой, волей к жизни и неукротимостью в борьбе.

— Уж не хочешь ли ты сказать... — с вызовом воскликнул Владыка Тьмы, но так и не закончил фразы: он уже понял, какой последует ответ.

— Да. Смертный победил его, — просто ответил Податель Жизни.

— Ты лжешь, Солнцеликий, и это печально. — Сет покачал головой, изображая горестное сожаление. — Ты делаешь одно, а говоришь иное. Мне надоело твое лицемерие! Зачем ты позвал меня?

Митра невесело вздохнул: их и без того нечастые встречи неизменно превращались в постыдные перебранки, словно были они не богами, самыми могущественными в этом мире, а простыми смертными.

Сет не верил в чистоту его помыслов, такова уж была его суть, но и сам Митра, положа руку на сердце, не мог сказать, что ему не в чем упрекнуть себя. Теперь, отдаленный от грозных событий пролетевшими веками, он сознавал, что многое можно было сделать не просто иначе, но лучше, а это означало, что противник его имел право на недоверие...

— Хорошо. Оставим прежние споры, — примирительно согласился Податель Жизни и тут же вздохнул, понимая: после того, что он собирается молвить, мирной беседы уже не получится.

— Я так тебе скажу: мне не нравятся твои попытки овладеть Талисманом Силы. В опасной ситуации он должен был послужить Добру либо остаться неиспользованным. Лишь поэтому я давным-давно подсказал некоей жрице, имени которой не упомню теперь, идею Талисмана, собирающего чистую силу жизни, и позволил создать его. Именно за непонимание этой простой истины создательница его заплатила жизнью. — Он помолчал, то ли обдумывая сказанное, то ли давая возможность своему гостю сделать это, прежде чем закончить говорить. — И мне не нравится твое желание вернуть из небытия Незримого.

Митра в упор посмотрел в глаза Темного Бога.

— Вот как?! — Сет недобро усмехнулся и взгляда не отвел. — Тебе не нравится мое желание использовать твое творение, и тебе не нравится мое желание использовать мое творение. Так что же тебе по нраву, хитрый из богов? Не слишком ли много ты хочешь? Заметь, мне тоже не нравятся твои попытки овладеть Талисманом и не дать мне освободить моего слугу, но я не упрекаю тебя за твои желания! Каждый из нас волен в своих действиях!

— Я не пытался использовать Талисман,— устало повторил Митра.

Сет недоверчиво покачал головой:

— Не лукав! Не с твоего ли согласия камень копил силу так много лет? Впрочем, ты сам только что признался в этом.

— Да, это так,— согласился Светлейший,— но сила его не добра и не зла. Она просто сила, и все зависит от того, в чьих руках она окажется. Тебе это известно не хуже моего. Никто из моих слуг не пытался применить Талисман. Он просто лежал и ждал своего часа, а если бы надобность в нем не наступила, остался бы лежать на месте. Впрочем, об этом я уже говорил.

— Ты лжешь, Солнцеликий! — Лицо Сета пошло багровыми пятнами.— Ведь с твоего ведома смертная пришла в дом за Талисманом!

— Она не пришла бы, если бы не твой посланец. Ведь это ты прислал стигийца с той же целью и сделал это раньше!

— Ха-ха-ха! — расхохотался Великий Змей.— Кто из нас Сет?! Я устал от твоих загадок! Ты изворотлив, словно змей! Да! Я велел моим жрецам завладеть Талисманом и не скрываю этого. Мне надоела та протухшая идиллия, что так по нраву тебе! Ты видишь — я откровенен. Ответь и ты мне тем же!

— Ты желаешь прямого ответа?

— Да.

Они стояли друг против друга и смотрели один другому в глаза. Оба могущественные и прекрасные, хотя каждый на свой лад, и стремления их разнились так же, как и внешность.

— Ну что ж, изволь,— заговорил, наконец, Митра.— У каждого из нас свои цели. Со временем гибели Ахерона ни один из нас не мог получить решающего перевеса. Так?

— Так,— нехотя согласился Темный Бог.

— Меня это устраивало,— закончил свою мысль Податель Жизни.— Не вполне, конечно, ведь мир еще далек от гармонии, но он, по крайней мере, обрел устойчивость.

— А меня нет! — Глаза Великого Змея зло сверкнули под грозно сведенными бровями.— Я не против гармонии мира, но на более высоком уровне! Мне по душе бури и кипение страстей, а ты устроил тихое болото и доволен, что оно не увеличивается и не пересыхает, снабжая каждого порцией затхлой водицы, именуемой жизнью!

Некоторое время оба буравили друг друга взглядами.

— Можно назвать спокойствие мира и болотом. Тут многое зависит от точки зрения, как ты недавно верно заметил,— заговорил Светлый Бог.— Нам с тобой бессмысленно бороться, мы это выяснили давно. Другое дело люди! Я понимаю так, что тебе создавшийся порядок вещей не по нраву, и ты решил, что время настало: либо Незримый, либо Талисман позволят твоим приверженцам склонить чашу весов в свою сторону, а если повезет и получится и то, и другое, их преимущество станет неоспоримым!

— О, нет! — неожиданно мягко возразил Сет.— В том, что Незримый оказался на свободе, нет моей заслуги. Глупость людская привела к этому. Не скрою, я решил воспользоваться случаем, и хотя попытка не удалась, но все равно я рад, ведь это подарок от тебя! — Он насмешливо посмотрел на соперника. — Я постараюсь не расстаться с этим даром.

Митра грустно покачал головой:

— Мы ведем себя словно люди!

— Ты ведешь себя как человек! — От только что звучавшей в голосе мягкости не осталось и следа.— Не я затеял этот спор. Послушай же меня. Ты сковал моего слугу, но я сказал себе: пусть так, раз не смог защитить себя. Это ведь наш общий принцип, верно? Да и не стоило обращать внимания на подобную мелочь. После этого ты создал Талисман, и я вновь успокоил себя: не стоит торопиться, поглядим, что из этого получится, это всего лишь одна из игрушек

Солнцеликого. Теперь он созрел... Что ж, это должно было произойти. Ты говоришь, что не собирался трогать его, но позволь тебе не поверить. Ты знаешь правило: вещь, готовая к употреблению, не остается без хозяина! Посмотри на происходящее моими глазами: ты ослабил мои силы и теперь готовишься увеличить свои. Ты скажешь, что это мелочи, но ведь большое и складывается из мелочей!

— Но ты ведь знаешь, что это не так! — воскликнул Митра с горечью, понимая, что обвинение справедливо или, по крайней мере, кажется справедливым.

— Молчи, Солнцеликий! — Сет резко оборвал его.— Я не собираюсь обсуждать с тобой причины. Я говорю о следствиях, вызванных ими! Они называются фактами! Слышал такое слово? События! Лишь они бесспорны! Ты создал Талисман, дал ему набраться сил и попытался завладеть им, но твои люди сделали это настолько бездарно, что выпустили на волю Незримого. — Тут он улыбнулся.— По счастью, оба мы подвластны Року! Именно он, высший судья, видя, что ты вконец обнаглел, не дал исполниться коварным планам, которые ты почему-то именуешь Добром! Твои старания пошли насмарку: сила Талисмана скована, а твоя небрежность исправлена — Незримый вновь в плену. Но теперь их судьбы связаны неразделимо, а ситуация изменилась: ты упустил свой шанс. Теперь мой черед действовать!

— И ты намерен...

— Именно! — Теперь Сет выглядел совершенно спокойным.— Я хочу повторить то, что не смог проделать ты! По-моему, я имею на это право, ведь это только справедливо.

— Но тебе придется освободить Незримого!

Во взгляде Митры промелькнул ужас. Он однажды уже сковал демона — пожирателя душ, ставшего слишком могучим, и хорошо понимал, что случится, если тот вновь вырвется на волю.

— Ну что ж...— Сет прекрасно разобрался в буре чувств, боровшихся в груди Митры, и взгляд его стал насмешливым.— Ничего не имею против такого развития событий, хотя это и не входит в мои планы.

Некоторое время оба молчали. Светлый Бог не знал, на что решиться. Он очень надеялся на этот разговор, а результат получился хуже некуда. Правда, они высказались друг перед другом, но лучше бы им не делать этого. Что ж, пусть. Выбор сделан не им.

— Боюсь, что не смогу тебе этого позволить.

Казалось, Податель Жизни перестал колебаться, всем своим видом показывая, что не собирается уступать.

— Ты не сможешь мне этого запретить,— с ухмылкой ответил Отец Тьмы,— так будет вернее.

— Совсем как люди.

Голос, который произнес эти слова, не принадлежал ни Митре, ни Сету. Он был низким и бархатистым. Он завораживал, приковывал к себе внимание, подразумевая некую тайну, известную лишь обладателю голоса. Тайну смертельно соблазнительную, способную измотать душу! Тайну, за которую жизни не жаль...

Даже одеяние говорившей подразумевало нераскрытую тайну. Просторная белоснежная тога бережно укутывала тело богини, оставляя открытыми только нежные руки и прекрасное лицо. Как это ни странно, такая одежда не создавала впечатления недосягаемости или отстраненности, быть может, потому, что каждое движение гибкого тела умело подчеркивало его многочисленные достоинства, недвусмысленно намекая на то, что скрытое вовсе не означает недоступное.

Оба собеседника резко обернулись на голос и замерли, пораженные. Мраморная колоннада с одной стороны исчезла, открыв их взорам усыпанный цветами луг с обступившим его дремучим лесом, по которому летящей походкой к ним приближалась обладательница дивного

голоса.

— Ты права, дорогая. Я уже пожалела, что пришла.

И Митра, и Сет вздрогнули и посмотрели назад: вторая половина колоннады обернулась песчаным гrotом с ходом, уводящим в темноту, откуда, весело журча, выбегал шустрый ручеек. На огромном куске цветного песчаника, переходившего от голубого цвета у подножия к розовому в изголовье и напоминавшего формой трон, восседала та, что произнесла вторую фразу.

Ее голос был томным и ничего не таил, открыто заявляя, едва ли не крича о страстях, бушевавших в прекрасном теле, почти обнаженном. Ажурное кожаное плетение на тонких ремешках лишь слегка поддерживало роскошную тяжелую грудь, а небольшой кожаный треугольник с тисненным на нем цветком лотоса прикрывал лоно и служил, казалось, лишь для того, чтобы к нему могли прикрепиться тонкие плетеные тесемки, подчеркивавшие стройность сильных бедер и обворожительную форму длинных ног.

— Деркэто!

Митра восторженно выдохнул и замер в глубоком поклоне, а когда выпрямился и вновь посмотрел на богиню, Сет едва сдержал усмешку, увидев преображенного Подателя Жизни. Тот лишился бороды, стал выше ростом и шире в плечах, мгновенно сбросив не меньше четверти века!

— А мне ты, похоже, вовсе не рад, хоть и позвал сюда!

В низком голосе Иштар ясно слышалось недовольство. Сет резко обернулся. Теперь лицо его украшали усы и аккуратная бородка. Он тоже слегка подрос — ровно настолько, чтобы стать достойным кавалером Иштар,— но богатырских пропорций придавать своему облику не стал.

Лицо его сохранило черты прежней суровости, но просветлело, а в антрацитовой глубине глаз вспыхнули искры восторга.

— Не сердись на него, великолепная Иштар, — усмехнулся Великий Змей. — Солнцеликий никогда не отличался хорошими манерами. Я осмелюсь предложить тебе руку вместо него.

— Ты слишком торопишься, Повелитель Ночи.— Иштар гордо посмотрела на него.— Это право нужно заслужить! Особенно тебе,— добавила она, немного подумав.

И во взгляде этом, одновременно притягивающем и тут же ставящем на место любого, полыхал такой жар скрытой страсти, что Сет тут же потерял голову, словно и впрямь был не богом, а всего лишь простым смертным, готовым пасть к ногам прекрасной дамы.

— Ради тебя я готов на все!

Иштар пришла по вкусу грубая лесть, и она одарила Отца Тьмы улыбкой, которая была способна свести с ума. Сердце Темного Бога лихорадочно заколотилось в груди, темный лик его словно озарился светом, и это тоже не осталось незамеченным.

— Что ж,— точеный подбородок богини надменно вздернулся,— я запомню это!

Деркэто тем временем взглянула на Митру. В глазах ее играли веселые огоньки. Чувственный рот приоткрылся, будто для поцелуя, и сердце Светлого Бога замерло, словно боясь вспугнуть рабскую надежду — неужели?!

— Ты ничего не хочешь нам сказать, могущественный?

Несмотря на обжигающее пламя страсти, полыхнувшее в груди, Митра ни единным жестом не выдал своего возбуждения, но прекрасная искусиательница уже знала: грозный владыка у ее ног.

— Я призвал вас потому, что две силы, созданные мною и Сетом многие века назад, вырвались на волю и, хотя были обузданы, но готовы в любой миг сбросить зыбкие оковы.— Митра с трудом заставил голос не дрожать.— Это Талисман Силы и Незримый. Подобное случалось и прежде, но сейчас мир едва успокоился, и мне не хотелось бы будоражить людей.

Если кто-то может повлиять на события, оставаясь в тени, я прошу его сделать это.

Иштар, нахмурившись, посмотрела на Сета, и тот заторопился с объяснениями, хотя никто его ни о чем не спрашивал.

— Я не имею к этому отношения! — Он поднял руки, словно отгораживаясь от невысказанных обвинений.— Незримый вырвался сам. На то была лишь воля Рока, и я вижу в том его указание — демон должен вернуться в мир, нравится это кому-то или нет! — закончил он с воодушевлением, но, взглянув на Иштар, сник.— Но я готов уступить его, если мне отдадут камень и Конана.

— И я настаиваю на том же,— с улыбкой поддержала Сета Иштар,— правда, камень мне ни к чему, но мне нужны Конан и Мелия. Их любовь слишком сильна, чтобы закончиться несчастливо.

— Я не могу согласиться с этим, — воскликнул Митра,— у киммерийца иная судьба! Любовь Мелии не для него!

— Так что же ты теряешь? — запальчиво воскликнул Сет.— Если Року будет угодно, смертный останется у тебя, несмотря на все мои старания, хотя мне он тоже понравился. Должен же и я что-то получить: не Незримого, так Талисман...— Он посмотрел на Иштар.— Или Конана... Отдай мне его!

— Вы все долго и красиво говорили, но забыли обо Мне. Мне не нужен Талисман и не нужна Мелия, мне не нужен и Незримый! Делите их как хотите! — Деркэто оглядела их насмешливо, словно обладала здесь единоличной властью.— Но Конан мой! Ведь ты не откажешь мне в этом, правда?

Танцующей походкой прекрасной искусиельницы, сознающей свою власть, не сводя насмешливого взгляда с выбранной жертвы, Деркэто подошла к Митре и положила ему руки на грудь. Он заглянул в ее глаза и с трудом выдавил из себя:

— Они будут нашими. Оба.

Иштар подошла к Сету и прильнула к его груди. В конце концов, жизнь — игра, и Митра сам сделал выбор. Если ей нужна поддержка, она знает, где найти ее!

— Ты говорил, что ради меня готов на все. Теперь ты можешь доказать это. Ведь ты не уступишь им этого человека,— Иштар подняла голову и заглянула в глаза Сета,— милый?

Великий Змей почувствовал жар ее сводящего с ума тела и подумал, что наконец-то та, любви которой он добивался так долго, будет принадлежать ему, и в глазах у него потемнело.

— Ни за что! — процедил он сквозь зубы, сжимая ее в объятиях.

«Они совсем как люди,— подумала Деркэто, со сладостным стоном прижимаясь к груди Митры,— впрочем, и мы тоже».

Глава вторая

Хотя лето еще не началось, было уже по-настоящему жарко. Впрочем, и весна не спешила уступать свои права. По утрам солнце ласкало, нежно прикасаясь к остывшей за ночь земле и постепенно согревая ее, но к полудню набирало силу, и безжалостные лучи немилосердно палили, пропекая мощенные камнем мостовые и черепичные крыши домов, делая воздух жарким и тягучим.

Почти невесомая пыль, поднимавшаяся с земли от малейшего дуновения ветерка, клубилась полупрозрачной дымкой, застывая в воздухе легкими облачками. Стоило лишь выйти за порог, и жара мгновенно выжимала из тела влагу, кожа покрывалась липким потом, а вездесущая пыль налипала плотным слоем, отчего даже совсем недавно принявший ванну человек начинал чувствовать себя рудокопом, только что вылезшим из шахты.

Как это ни странно, но, несмотря на жару, улицы по-прежнему оставались людными. Правда, тем, кто добывал свой кусок хлеба трудом, было не до капризов погоды: жара ли, холод ли, проливные дожди — останешься дома, помрешь с голоду.

Лишь те, в чьих сундуках никогда не иссыкали монеты, могли позволить себе такую роскошь, как ничегонеделание.

Расположившись под пестрыми полотняными навесами, они попивали так приятно освежающее легкое кисловатое вино, охлажденное в леднике, где и в самую жестокую жару легко замерзнуть насмерть. Снисходительно поглядывая на снующих на солнцепеке прохожих, перебрасываясь редкими, ленивыми фразами с такими же, как сами, отягощенными избытком досуга собеседниками, они радовались про себя, что достаток позволяет им избежать участия обремененных заботами людей.

Но не все роптали на неожиданную жару. Были и такие, кто почитал ее за благо. Эти, довольно отдуваясь и утирая струящийся по лицу пот, смаковали ароматный зеленый чай, после каждого глотка удовлетворенно цокая языком и нахваливая гостю редкостные достоинства божественного напитка, по случаю приобретенного у заезжего торговца.

Назавтра картина, как правило, менялась. Гость становился хозяином, и наступал уже его черед старательно изображать радущие и нахваливать неоспоримые качества своего, купленного втридорога душистого чая, привезенного из далекого Кхитая, который поставщик придержал специально для него, не уступив другим покупателям.

Оба при этом и не подозревали, что потчуют друг друга одним и тем же напитком, который проныра-торгаш, расписав несуществующие достоинства, продал им с огромной выгодой для себя, пользуясь жарой и спросом.

Одним словом, жизнь в огромном городе не замирала, и не только в прохладе, хранимой каменными стенами домов, и в тени защищавших от солнца навесов, но и на улицах, где раннее лето даже не приостановило мирской суety.

Правда, днем измученное жарой нутро не принимало тяжелой пищи, зато в избытке способно было потреблять кисловатое стигийское виноградное вино, прекрасно утоляющий жажду чай, сочные туранские дыни невероятных размеров и полосатые арбузы. Многие же предпочитали аргосский темный виноград величиной со сливу, уже поспевшую в Шеме, или огромные сочные щемитские же груши, брызжущие, стоит лишь прокусить плотную шкурку, ароматным соком, нежные вендинские персики, покрытые тонкой, бархатистой кожицеей — словом все, что дарило влагу и способно было хотя бы приглушить жажду, потреблялось в неимоверных количествах.

Однако такие картины можно было наблюдать лишь днем, когда даже мальчишки, разносившие по улицам холодную родниковую воду в тяжелых вместительных бурдюках и вполне привычные к своему ремеслу, вскоре валились с ног от усталости: они вынуждены были нанизывать на шест по два, а кто постарше — и по четыре наполненных живительной влагой кожаных пузыря зараз.

Зато к вечеру все менялось, и если днем лишь жажда не позволяла людям забыть о потребностях тела, то к вечеру, когда удушающая жара спадала, желудок словно просыпался, веско напоминая о том, что на воде и чае, даже если потреблять их целыми бурдюками, далеко не уедешь.

Многочисленные духаны, таверны и кабаки, которыми изобиловала воровская столица мира, наполнялись желанными гостями, которые жаждали вознаградить себя за дневной пост. Жизнь на пропеченных с утра улицах затихала и сосредоточивалась под крышами домов, которые, впрочем, и днем не пустовали. Воздух наполнялся другими ароматами, главным из которых был запах жаркого, приготовленного на любой вкус. Словом, жизнь была ключом, не замирая ни днем, ни ночью.

* * *

Стигиец шел к центру города.

Жара не действовала на человека, облаченного в одежды жреца Сета. Тело его оставалось сухим, словно покрывала его не обыкновенная, как у всех людей, кожа, а листы равнодушного к зною древнего папируса, рыхлого от времени, что оставляет от прикосновения невидимый след, который невольно хотелось смыть как можно быстрее.

Он шел из таверны, где только что встретился с киммерийцем, и мысли его были невеселыми. Талисман, упрятанный в мягкий замшевый мешочек, лежал в кармане, но, хотя это означало, что задание свое он успешно выполнил, радости он не испытывал. Правда, и вины за собой он не чувствовал, но и это не утешало.

Вряд ли Рамсис станет разбираться, по чьей вине сила покинула камень, и Талисман оказался бесполезным, а в том, что дело обстоит именно так, сомнений нет. Это жрец почувствовал сразу, как только рука его коснулась мешочка. Почувствовал даже раньше, чем увидел потускневший камень.

Рамсис не признавал провалов и не выносил неудачников. Сам он был молод и силен. Он жаждал могущества, и его совершенно не волновало, каким образом достичь вожделенной цели. Он уже возглавлял Черный Круг, хотя и не был сильнейшим в нем, и сознание этого не давало покоя, ядовитой занозой засев в его отравленном злобой мозгу.

Он рвался к абсолютной власти, а потому черпал силу и знание везде, где только мог, не останавливаясь ни перед чем. У него не было друзей, и даже сторонники Рамсиса его боялись, а потому, будь злосчастный жрец простым смертным, вероятнее всего, он просто сбежал бы и попытался найти защиту у кого-то из могущественных врагов черного мага, но в его положении это было невозможно.

Поэтому он просто шел туда, где ждало его жестокое, хоть и не заслуженное ничем наказание, инстинктивно уступая дорогу встречным и обходя препятствия, не видя и не слыша ничего вокруг. Он шел словно заводная игрушка, какие, говорят, делают на забаву своим владыкам мастера в далеком Кхитае.

Он шел и не знал, что от самой таверны, где Конан передал ему камень, за ним неотступно следовали четыре неприметные фигуры. Стигиец еще не пересек Пустыньки, но уже подходил к ее границе, когда двое из них, мягко, но твердо взяли его под руки.

— Наш господин желает переговорить с тобой, прежде чем ты вернешься к Рамсису.

Жрец вздрогнул от неожиданности, и говоривший, желая избегнуть возможного сопротивления, шепотом добавил:

— Если ты не станешь противиться, это не займет много времени, а сам ты останешься цел.

— Он попытался заглянуть под низко опущенный капюшон плаща стигийца.— В противном случае мы все равно заберем Талисман, но ты об этом уже не узнаешь,— закончил он веско.

Говоривший так и не увидел ни глаз, ни даже лица, закрытого тканью, хотя и готов был поклясться, что заинтересовал незнакомца, на что, по правде говоря, совершенно не надеялся.

Мгновение спустя зазвучал странный, шуршащий голос, словно два куска папируса терлись друг о друга:

— Кто твой господин?

— Ты узнаешь об этом позже,— усмехнулся тот, кто говорил со стигийцем,— если пойдешь с нами.

Он потянул незнакомца за рукав, но тот не двигался с места.

— Он колдун?

Человек снова взглянул на жреца, не понимая, чего тот добивается, но в странном голосе ему послышалась удивившая его надежда и, поняв, что ответ его важен для обладателя необычного голоса, серьезно пояснил:

— Мой господин не принадлежит ни к каким «рукам» и «кольцам», но связываться с ним я бы не посоветовал никому. Это все, что я могу сказать тебе сейчас.

«Вот он — Случай!» — мелькнуло в иссущенном мозгу жреца.

— Я согласен,— прошелестел он,— ведите меня.

* * *

Последний вздох страсти вырвался из полуоткрытых уст, в последний раз содрогнулось прекрасное тело, и все стихло. Огромная кровать, только что служившая полем сладострастной битвы, приняла смертельно уставшие тела любовников в свои объятия, и лишь тогда, словно стоявший снаружи ждал именно этого мгновения, раздался тихий стук в дверь.

Конан подпрыгнул, как отпущенная пружина, словно не он, а кто-то другой только что без сил повалился на белоснежные простыни и, даже не потрудившись накинуть на вое могучее тело хоть какое-то подобие одежды, оказался рядом с дверью.

Женщина осталась лежать, так же мало, как и он, заботясь о том, что чей-то нескромный взгляд сможет коснуться ее нагого тела, в соблазнительной позе раскинувшегося на простынях.

Дверь бесшумно отворилась, и улыбающаяся веснушчатая мальчишеская рожица с хитрющими глазами просунулась внутрь, явно пытаясь заглянуть за спину гиганта. Однако, быстро поняв, что ничего из этой затеи не получится, мальчишка весело взглянул в лицо варвара.

— Там еще одна ждет своей очереди, господин!

Конан на миг прикрыл глаза и расслабился, а мальчишка мгновенно повторил свой маневр, но на этот раз гораздо успешнее. Глаза его восторженно округлились, но он тут же почувствовал, как стальные пальцы стиснули его ухо, и, обхватив руку киммерийца, но не сводя восторженного

взгляда с новой подружки Конана, повис на его руке, неестественно выгнув голову.

— Ну, ну! Пусти же! Пусти, а то скажу той, внизу, что ты здесь! — пригрозил он, когда все попытки вывернуться окончились неудачей.

— Ах ты, паршивец! — Молодой варвар и не думал выпускать жертву.— Ты же знаешь, что до вечера меня ни для кого нет.

Сказав это, Конан беззлобно и беззвучно рассмеялся и только тогда разжал пальцы. Мальчишка потряс рыжей головой и растер покрасневшее ухо.

— Хорошо,— мстительно ответил он,— скажу ей, что до вечера ты вряд ли спустишься!

— Вот я поймаю тебя сейчас...— рыкнул на него Конан, делая шаг вперед, но мальчишка со смехом отскочил.

— Давай, давай! Внизу тебя будут рады видеть!

Мальчишка окинул своего покровителя красноречивым взглядом и отпрыгнул еще на шаг, потирая горевшее огнем ухо. Не потому, что боялся, а просто так, на всякий случай. Конан погрозил ему кулаком:

— Смотри, Лисенок, вытяну уши, как у осла.

Дверь закрылась, и он услышал быстрые, легкие шаги по коридору.

— Опять она?

Женщина открыла глаза и томно посмотрела на Конана. Он молча кивнул и уселся рядом, а она быстро сменила позу и устроилась у него на ногах, обхватив за талию бедрами и уперевшись полными грудями в его мощную грудь.

Конан обнял ее, почувствовав, как вновь пробуждается желание, и коснулся губами ее уст. Сердце стучало все сильнее, но женщина вдруг отпрянула и с неожиданной тоской посмотрела киммерийцу в глаза.

— Не бросай меня, Конан.— Ее глаза расширились и влажно заблестели.— Я богата, мне ничего от тебя не надо. Только не гони!

* * *

Вечер, когда дневная жара спадала и на город опускались сумерки, Конан имел обыкновение проводить за кувшином доброго хмельного вина либо в одиночестве, либо, и чаще, в таверне Абулетеса, в компании верного Тушки, который безвылазно торчал здесь не только в темную часть суток, когда с улиц под крыши домов устремлялись толпы людей, торопившихся уголить голод, но и целыми днями, в течение которых большинство предпочитало заниматься чем-то иным.

Впрочем, с его комплекцией нечего было даже мечтать о том, чтобы выползти наружу, на солнцепек, разве только для того, чтобы подобно бегемотам, по слухам обитавшим где-то в сердце Черного Континента, плюхнуться в какую-нибудь лужу и, выставив наружу нос, наслаждаться влажной прохладой.

Конечно, за деньги такой аттракцион легко было устроить, но для этого пришлось бы покинуть привычное, такое уютное кресло в таверне Абулетеса и этот прекрасный стол, уставленный вкусной едой, расстаться с которой было выше его сил, ибо еда, а вернее сам процесс ее потребления, составляла суть существования Тушки.

И все-таки время от времени, когда деньги подходили к концу, волей-неволей ему приходилось соглашаться на предложение Конана отправиться на дело, чтобы, как он любил

выражаться, обеспечить себе скучное пропитание.

На «скучное пропитание», поглощением которого он как раз и был занят, стоило посмотреть. Нет, Тушка, как ласково звали его приятели, вовсе не был гурманом. Он просто любил поесть, быть может, не очень разнообразно, зато сытно, и внешность его по вполне понятным причинам была соответствующей. Он был не просто толст, он был необъятен.

Год назад Конан случайно повстречался с ним в Рабирийских горах, на одном из перевалов наткнувшись на почти замерзшее тело, уже припорошенное снежком. Повинуясь безотчетному инстинкту, он взвалил еле дышавшего толстяка на спину и вместе с ним спустился в долину.

Надо сказать, что подвиг сей, ничуть не умаляя силы Конана, оказался ему по плечу лишь благодаря тому, что Тушка, изголодавшийся и изможденный небывалыми тяготами, выпавшими на его долю, потерял добрую половину своего веса. Когда же через пару дней они прибыли в Шадизар и новый приятель киммерийца начал восполнять потерю, то поглязеть на это представление приходили со всей Пустыни.

К счастью, Конан был при деньгах, получив хороший куш за ожерелье, выкраденное в доме почтеннейшего Тефилуса. Он, собственно, и отправился проветриться в горы, чтобы вдали от городской суеты с ее пылью, духотой и надоедливой стражей переждать опасные дни, когда в Пустынке перетряхивали всех и каждого, тщетно пытаясь отыскать пропажу.

Конан видел во всем этом перст providения. И в том, что ему приспичило вдруг в горы, и в том, что в горах этих повстречал он странного, полузамерзшего незнакомца, которого непонятно зачем притащил в Шадизар. Впрочем, легко нажитое золото, которое он выручил за ожерелье, так же легко и покинуло его карман, полностью уйдя на кормление изголодавшегося бедняги, и это тоже показалось северянину одним из звеньев все той же цепи.

Когда деньги кончились, киммериец пожал плечами и пошел на очередное дело. Теперь, прожив в Шадизаре без малого пять лет, он стал личностью знаменитой и недостатка в предложениях не испытывал, ибо всякий в этом городе знал, что руки Конана — верные руки, не знающие неудачи. К его удивлению, Тушка попросился в напарники, и позже Конан ни разу не пожалел о том, что спас этого странного человека.

— Что скажешь, брат Конан?

На миг Тушка перестал жевать и откинулся к стене, зажав в правой руке недоеденную баранью ногу, а левой поднеся к губам объемистый кубок ароматного молодого вина. Он пристально смотрел на киммерийца, ожидая ответа.

Лисенок, маленький товарищ огромного варвара, пристроился здесь же, рядом, лениво поглощая сливы и стреляя косточками в пузатый горшок, стоявший в углу.

Конан пожал плечами и ничего не ответил. Вроде все шло неплохо, но на душе было пакостно, и он успокаивал себя, говоря, что это нормальное состояние для человека, решившего расстаться с прежними друзьями, но у Тушки, одного из этих друзей, не было причины обманывать себя.

— Не понимаю я тебя,— словно разговаривая сам с собой, проговорил толстяк,— любишь одну, спиши с другой.— Он пожал плечами.— Странно это.

Он ожесточенно тряхнул копной густых, стянутых на макушке в тугой узел черных, жестких волос и вновь принялся за жаркое. Ни слова не говоря, Конан последовал его примеру, и некоторое время оба молча насыщались. Молчал и Лисенок, прекрасно помнивший каждую из затрецин, полученных от Конана, и в их числе ту, которую отвесил ему киммериец за то, что мальчишка однажды вмешался в разговор взрослых. Теперь он лишь поглощал фрукты да бросал на своих огромных защитников хитрые взгляды.

Через некоторое время Тушка вновь отвалился к стене, ожидая, пока очередная порция тушеной баранины найдет свое место в его бездонном желудке и, чтобы она нигде не

задерживалась, влил в себя изрядную дозу вина. Покончив с этим важным делом, неожиданно для себя самого он почувствовал, что мысли его двинулись в ином направлении.

— Абулетес сказывал, что в Шадизаре видели Маргаба.

Киммериец с сожалением оторвался от жаркого:

— Маргаба?

Он нахмурился, прикидывая, что за нужда могла заставить этого мясника покинуть Аренджун, затем наполнил опустевший кубок и, проглотив его содержимое, удивленно уставился на приятеля.

— А ты стал лакомкой, Тушка? С чего это ты решил сменить аквилонское на пальмовое?

Тушка в ответ пожал плечами:

— Подношение друзей. Я не мог отказать.— Он сделал небольшой глоток, словно пробуя напиток на вкус. — А вино неплохое, хоть и слишком сладкое. — Он с удовольствием причмокнул толстыми губами.— Но ты не ответил мне.

Конан недовольно поморщился: ему вовсе не хотелось обсуждать дела славившегося своей жестокостью наемного убийцы, который неизвестно зачем появился в Шадизаре.

— Какое мне дело до Маргаба?

— Как какое? — Толстяк поставил на стол кубок, из которого только что собирался пить, и бросил обглоданную кость в стоявший в углу горшок с завидной точностью.

Лисенок недовольно поморщился, ибо горшок, по его мнению, предназначался исключительно для сливовых, а вовсе не бараных косточек, но промолчал, памятую еще об одной затрещине, полученной от Конана в подкрепление простой мысли: все, что делают взрослые, правильно и, следовательно, подлежит не критике, а подражанию.

— Как это какое? — повторил свой вопрос Тушка и недоуменно посмотрел на приятеля.— Он ведь, пожалуй, не уступает тебе в силе?

— Пусть не уступает,— равнодушно отозвался киммериец.

Заинтересовавшись и мгновенно позабыв о горшке, Лисенок оторвался от слив и удивленно посмотрел на Тушку.

— Да и ростом он будет повыше тебя,— тем временем продолжал гигант.

— Пожалуй,— задумчиво согласился северянин.

Глаза Лисенка округлились от удивления: ему и в голову не приходило, что кто-то может не то, что превзойти, просто сравняться с Шадизарским Львом!

— А в плечах шире,— разбил иллюзию восторженного мальчугана Тушка.

— И руки у него длиннее, а ноги короче,— примирительно добавил Конан, и удивление в детских глазах сделалось безграничным.— Ты прав,— закончил северянин.— Не понимаю я лишь одного: почему это должно меня заботить?

При этих словах Конана лицо мальчишки вытянулось, рот открылся, а слива выкатилась и упала на пол.

— Вот! — Тушка ткнул в него пальцем.— Мальчик правильно все понял, хотя он еще мал и глуп!

Мальчишка поспешил захлопнуть рот, звонко щелкнув челюстями, и возмущенно посмотрел на толстяка, досадуя на себя за невыдержанность. Конан окинул Лисенка быстрым взглядом, проглотил прожеванный кусок и усмехнулся.

— А ты ждал, что у меня изо рта вывалится кусок баранины, а потом я откусу себе язык?

Он пренебрежительно хмыкнул, чем заставил мальчишку покраснеть, и запил съеденное изрядным глотком из кубка, который тут же опустел. Киммериец повертел его в руках, словно удивляясь про себя, как напиток мог кончиться так быстро.

— Хозяин! — оглушительно зарычал он.— Принесет нам кто-нибудь сегодня вина или нет?!

— Несу, несу!

Из двери в углу зала, за которой, Конан знал, находилась лестница, ведущая в погреб, мгновенно появился жирный кабатчик с запотевшим кувшином в руке. Таких гостей, как Конан и его друзья, он всегда старался обслужить сам.

— А ну-ка, присядь.

Конан указал рукой на скамью, и Абулетес покорно сел, не выразив ни малейшего неудовольствия, потому что знал: с молодым варваром лучше не спорить. Впрочем, причина была не только в этом: дружба с киммерийцем и его друзьями приносила ему немалую выгоду. Вся компания столовалась у него, а эти люди знали толк и в еде, и в хорошей вышивке, не говоря уже о том, что никогда не скучились при оплате, будь то еда или свежие сплетни.

— Так что ты говорил о Маргабе? — Конан пристально посмотрел в хитрые глазки кабатчика.

— Ничего, господин. Ничего, кроме того, что он появился в Шадизаре,— ответил Абулетес, и глаза его привычно забегали по сторонам, словно ему было что скрывать.

— Не играй со мной, старый плут.— Конан демонстративно оперся о столешницу тяжелым кулаком.— Говори, что знаешь!

— Как можно, достойнейший! — Кабатчик изобразил на лице обиду.— Старый Абулетес сказал все, что знает!

— И тебе нечего добавить? — Киммериец продолжал буравить его тяжелым взглядом.

— Старый Абулетес сказал все, что знает,— повторил тот и нервно облизнул губы,— но может сказать еще о том, что слышал.

Он вопросительно посмотрел на Конана, ища в его взгляде ответа на свой вопрос.

— Говори! — Глаза киммерийца полыхнули холодным синим пламенем.

— Могу ли я в рассказе коснуться некоторых,— он закатил глаза и пошевелил толстыми губами,— щекотливых моментов?

— Можешь,— милостиво разрешил Конан,— можешь говорить о чем угодно.— И закончил зловещим шепотом:— Но учти, терпенье мое истощается.

— Я все понял, о могучий Шадизарский Лев,— при этих словах Лисенок прыснул в кулак,— и начинаю.— Он еще раз вздохнул и помялся.— Знакомо ли тебе имя Мелия?— Тушка укоризненно покачал головой, словно у него на глазах толстяк-кабатчик затеял дурацкую игру с кисточкой на хвосте могучего Шадизарского Льва. Конан скрипнул зубами, маленький паршивец еще раз сдавленно прыснул, но тотчас затих под строгим взглядом киммерийца, а Абулетес как ни в чем не бывало продолжил: — Вижу, что знакомо. Вероятно, знакомо тебе также и то, что отец ее, почтеннейший Тефилус, дом коего ты почтил год назад своим посещением, занимает пост Главного Королевского Дознавателя при дворе в Аренджуне?

Конан грозно посмотрел на кабатчика, демонстративно поигрывая рукоятью кинжала.

— Кром! А известно ли тебе, пес, что терпенья у меня осталась последняя капля?!

— И я ясно вижу, что капля эта вот-вот готова иссякнуть,— спокойно добавил Тушка и вонзил зубы в новую порцию жаркого.

Абулетес разочарованно вздохнул: вновь, в который уже раз, торопясь вытянуть из него то немногое, что он знал, ему не дали насладиться стройным рассказом — но, памятую о том, что жизнь дороже, предпочел не искушать судьбу.

— Так вот, Тефилус этот объявил в Аренджуне награду за твою голову, так что, вполне возможно, Маргаб появился здесь неспроста.

Абулетес значительно посмотрел на Конана и замолчал, представляя северянину возможность самому делать выводы из сказанного. Как видно, слова его оказали нужное действие, потому что некоторое время молодой варвар молчал, потом посмотрел на старого

кабатчика и коротко спросил:

- Велика ли награда?
- Десять тысяч золотых, несравненный! — восторженно воскликнул он.
- Негусто,— хмыкнул Конан.
- Так ведь турецких золотых! Это большие деньги,— возразил Абулетес,— на это золото можно купить стадо в полсотни верблюдов!

И, дабы подчеркнуть значительность сказанного, кабатчик поднял вверх указательный палец. Однако результат оказался вовсе не таким, на который он рассчитывал. Конан сгреб его за грудки, и кабатчик почувствовал, что ноги его оторвались от пола, а лицо неожиданно оказалось на одном уровне с лицом варвара, которому коротышка-толстяк доставал лишь до плеча.

— Да как ты посмел, осёл облезлый, сравнить меня с верблюдом!

— Так ведь целое стадо!..— просипел полузадавленный кабатчик, не понимая, что так разозлило киммерийца.

Лицо Конана налилось краской гнева.

— Задавлю!

Тушка, усмехнувшись, скользнул мимолетным взглядом по зашедшему звонким смехом Лисенку и насилиu придал лицу серьезное выражение.

— Пощади его, несравненный. Наш почтенный хозяин всего лишь хотел сказать тебе приятное.

Конан нахмурился:

— Это так?

— Так, могучий лев,— просипел полузадущенный бедняга.

Руки разжались, и Абулетес без сил рухнул на скамью.

— А раз так, то прости и ты меня, почтеннейший, я не со зла. На вот — запей.

Он плеснул в пустой кубок вина и пододвинул его неудачливому рассказчику. Тот сделал несколько жадных глотков и почувствовал себя значительно лучше. Увидев, что представление закончилось, публика занялась своими делами. Впрочем, особой тревоги никто не выказал: подобные сценки в любом кабаке, таверне или духане Пустыньки были отнюдь не редкостью и в большинстве случаев заканчивались безобидно, хотя бывали и исключения.

— Это все? — спросил Конан, едва Абулетес пришел в себя.

— Хвала Митре, все.— И, поймав на себе удивленный взгляд Конана, поспешил добавить:
— Старый стал, на вторую новость меня бы уже не хватило.

Киммериец усмехнулся про себя, но виду не подал, а, наоборот, придал лицу зловещее выражение, еще больше напугавшее беднягу.

— Если узнаешь что новое, почтеннейший, прошу не утаивать.

— Как можно, несравненный, как можно! — запричитал тот.— А теперь, прошу простить, но мне пора. Посетителей становится все больше.

И, не переставая кланяться, он спешно юркнул за занавеску и в тот вечер больше не показывался в зале.

— Мелия...— задумчиво повторил Тушка.— Это не та, что разыскивает тебя по всему городу?

— Та.— Конан мрачно кивнул.

— И что ей надо?

Северянин пожал могучими плечами:

— Хочет женить меня на себе.

Тушка был так удивлен, что даже подавился куском.

— Так ведь ты говорил, что и сам неравнодушен к ней!

Конан мрачно кивнул.

— Ты ее любишь. Она любит тебя и хочет за тебя замуж, а ты прячешься от нее и спиши с другой.

Конан молча кивнул, подтверждая, что так оно и есть. Толстяк закатил глаза и пошевелил губами, пытаясь понять суть происходящего, но отчаялся и только спросил:

— Так чего же тебе надо?

— Сам не знаю.— Киммериец пожал плечами.— Не по душе мне это.— Он помолчал и добавил: — Уйду я. Вот потрачу деньги поганого стигийца и уйду.

— Правильно! — обрадовался Лисенок.— И я с тобой! Надоело мне в Шадизаре. Пыль да жара круглый год!

— Ладно, ладно,— толстяк привстал и дружески хлопнул Конана по плечу, так что тот едва не рухнул на пол,— не раскисай. Та, наверху, хоть стоит того, чтобы... — Он замялся, не зная, как закончить начатую фразу. — Ну, в общем, стоит того?

— Стоит, сам видел! — с видом знатока ответил за Конана мальчишка.

— Ах ты...

Рука Конана метнулась вперед, но поймала лишь воздух. Паршивец уже стоял в дверях и корчил смешные рожи. Киммериец махнул рукой — разве такого поймаешь!

— Ладно, иди обратно.

— А за ухи таскать не будешь? — подозрительно поинтересовался Лисенок.

— Нет.

— Честно?

— А куда ты мне с ослиными ушами? — усмехнулся молодой варвар.— В любой толпе тебя заметят.

Довод был настолько бесспорным, что Лисенок вернулся, покорно сел на место и принялся снова поедать сливы.

— Я вижу, что-то тревожит тебя, — вновь заговорил Тушка, не сводивший пристального взгляда с приятеля.

Северянин поморщился:

— Я думаю, в одном почтенный наш хозяин прав — обезьяна спустилась с дерева, и это неспроста.

— Ну, особенно бояться-то не стоит, может, он и не по твою душу заявился сюда, — успокоил приятеля толстяк.

— А я и не боюсь,— Конан пожал плечами,— но неохота последние дни провести, озираясь по сторонам и, как трусливая баба, вздрагивая от каждого шороха.

— Вряд ли это у тебя получится,— хохотнул Тушка,— даже если б ты захотел. Трусливый Конан — это что-то новое, но проявить разумную осторожность, конечно же, не помешает.

Киммериец промолчал, да и что он мог сказать, если и сам думал так же?

— Теперь ты видишь,— с серьезным лицом сказал Тушка, обращаясь к Лисенку, хотя в глазах его плясали веселые огоньки,— как все высоко ценят Конана. И ты должен поменьше бедокурить и относиться к нему с почтением, ведь он для тебя как отец родной.

— Ладно, перестань,— поморщился киммериец, хотя и видно было, что ему приятно.— Для его отца я слишком молод, но в одном ты, быть может, и прав.

— В чем же?

— Придется тебе завтра побегать по городу, — он повернулся к Лисенку,— и выяснить все о Маргабе. Но смотри, не попадись ему на глаза!

— Я все сделаю, как ты сказал, отец родной!

Сорванец хитро улыбнулся и исчез за дверью.

Харат, один из четверки Посвященных Малого Круга, метался из угла в угол, не находя себе места. Он знал, что такое поведение роняет его достоинство, но ничего поделать с собой не мог: он нервничал, и волнение его усиливалось тем, что причина была ненужной, а ответственность огромной.

Шутка сказать, впервые со времен падения Ахеронской империи у жрецов Затха появилась надежда получить силу, равную тем, которыми свободно манипулировали древние, и задача, возложенная на него братьями, была очень и очень серьезной.

Ему предстояло дождаться воплощения Памелы в тело ее правнучки Зиты и доставить девушку в храм Кара-Затха в Сура-Зуде — тайном городе жрецов Затха, двойнике Йезуда, о котором знали даже не все жрецы в самом Йезуде. Там ее должны принести в жертву, и великий Затх, чье тело хранится нетленным в храме Кара-Затх, богини-матери, оживет, и то величие, и ту силу, которую получат его жрецы, а среди них первым он, Хараг, просто невозможно представить...

Мир падет к ногам бога-паука. В нем не останется места ни Митре, ни Сету, не говоря уж обо всех прочих! Когда-то давно, еще при жизни, Памелу пытались заставить отдать свои силы ради того, чтобы пробудить к жизни Затха, уже тогда бездну веков просидевшего на своем троне в Сура-Зуде, но она не согласилась, предпочтя смерть, однако зная о том, что воплотится вновь в одном из своих потомков. Тогда силой отступницы не смогли воспользоваться против ее воли, но теперь времена изменились, и воплотившаяся в Зите Памела, может сопротивляться сколько угодно, у нее ничего не получится.

И сам Хараг, и все жрецы Малого Круга считали, что на этот раз неудача им не грозит и все пройдет гладко. Но как жестоко все они ошиблись! Не признать этого нельзя. Что уж там произошло в этом доме, он не знал, но гром среди ясного неба на заре и молния, ударившая в крышу, недвусмысленно показали: что бы это ни было, ничего хорошего ждать не приходится. Так оно и случилось.

Шестеро вернувшихся утром стражников сообщили, что дом покинули лишь двое из четверых молодых людей, которые пришли туда накануне вечером. Войти внутрь, чтобы выяснить подробности, эти олухи побоялись. Сперва Хараг рассвирепел, но потом подумал, что, быть может, оно и к лучшему. Что могли найти там, где проявили себя высшие силы, эти мужланы, способные лишь размахивать остро отточенными полосками стали?

Впрочем, каждому свое.

Жаль, конечно, что нельзя было схватить девчонку раньше. Кто знает, не сумел бы прознать дух Памелы об учиненном насилии и не выбрал бы иное время и иное тело для возвращения в этот мир? А скольких неприятностей это позволило бы избежать! Харат вздохнул и подумал, что теперь уже ничего не изменишь. Остается лишь ждать, какие известия принесут двое посланных в дом жрецов, хотя он не был уверен, удастся ли им вообще узнать хоть что-то.

Однако были у Харата и свои интересы. Это могло показаться странным, но несколько лет назад приезжал к ним из далекой Стигии Рамсис — молодой, но честолюбивый жрец Сета с просьбой помочь ему организовать тайные святилища Великого Змея в Шадизаре.

Тогда именно Хаагу поручили оказать эту помощь. Однако, общаясь с Рамсисом, он уловил интерес гостя к древним рукописям и хроникам, богатым собранием которых славились храмы

Йезуда. С разрешения верховного жреца, Грабаха, он повел стигийца в хранилище, где в образцовом порядке содержался архив Йезуда.

Позже, узнав, что именно читал гость, он обнаружил много весьма интересного, о чем предпочел умолчать в доверительной беседе с Грабахом. В частности, он обнаружил упоминания о Талисмане Силы, о котором ничего прежде не слышал.

С этого времени он начал свои поиски, и чем больше фактов оказывалось в его распоряжении, тем запутанней и непонятней представлялось ему это дело. Харагу стало доподлинно известно, что в разное время появлялись послушники, проявлявшие интерес к древним рукописям, а по прошествии некоторого срока исчезавшие бесследно. Точнее, пытавшиеся исчезнуть, ибо далеко не все смогли это сделать. Он так и не узнал, что удалось вытянуть из пойманных, и понял: раз нет отчетов, значит, есть архивы, к которым не имеет доступа даже он.

Сперва это разозлило Харата, но потом он лишь пожал плечами, Все, что ему нужно,— это время и настойчивость. И еще удача. Так оно и случилось. Он не терял ни надежды, ни веры, и ему повезло — он стал Посвященным Малого Круга, о существовании которого не знал даже Грабах, а со временем и возглавил его.

Он побывал в Сура-Зуде и в хранилище храма Кара-Затх нашел то, что тщетно искал долгие годы. Он узнал, что многие ведали о существовании Талисмана Силы и подошедшем сроке, и все-таки в Шадизаре появился лишь Рамсис.

Хараг так и не понял, отказалось остальные от претензий или посчитали Талисман всего-навсего легендой? Не смогли найти место, где он хранится, или не решились вступить в борьбу с сильным противником?

Но зато жрецы Черного Круга неожиданно повели себя так, словно здесь Стигия и хозяева тут они. Харат усмехнулся. Что ж, пусть тешатся. Правда, великий Грабах предлагал применить силу. Старый дурень считал, что Рамсис прибыл сюда исключительно ради души Памелы!

С трудом ему удалось доказать, что хитростью можно добиться гораздо большего и с меньшими потерями. И вот теперь именно ему поручили это дело, чего он, собственно, и добивался. Правда, при этом предупредили, что если затея его окажется пустой, то головы ему не сносить. Конечно, игру он затеял рискованную, но и награда была хороша. За нее стоило побороться.

Хараг понимал, что великий Грабах просто побоялся вступать в открытую схватку с адептами Сета — что ни говори, а сила их велика и общизвестна — и обрадовался возможности получить в лице Харата козла отпущения, на которого в случае неудачи можно будет свалить все, начиная с собственной нерешительности. Зато в случае победы весь куш он намеревался загрести себе, но тут старый паук явно просчитался, позабыв простое правило: если желаешь чего-то для себя, то и делай это сам! Ну что ж, пусть мечтает. Время покажет, у кого из них больше шансов на успех.

И хотя Хараг понимал, что в случае неудачи головы ему не сносить, он пошел на такой шаг, потому что иначе Грабаха, который связывал его по рукам и ногам, было бы не сбросить. А такая необходимость давно назрела. Жрецы Затха играли все менее заметную роль не только в мире, но и в своей стране. Нужно было что-то менять, и это понимали многие, но старики вполне устраивало теплое местечко Верховного Жреца Затха, и он не намеревался покидать его. Зато теперь, когда Талисман окажется в их руках, все пойдет иначе!

Только бы все получилось! О, Великий Затх! Помоги своим смиренным слугам, и жертвы, принесенные тебе, будут неисчислимые!

Одним словом, волноваться было о чем! Удивительно ли, что Хараг метался, как загнанный в клетку зверь. Успокаивало Главу Малого Круга лишь то, что он предусмотрительно удалил всех

и остался в одиночестве. Воистину это был мудрый шаг. Впрочем, в любом случае нужно держать себя в руках и быть готовым к неожиданностям, на которые так щедра злодейка-судьба!

Подумав так, он заставил себя сесть и успокоиться. После этого сосчитал до ста и приказал принести себе вина. Как всегда, повеление его было исполнено с быстротой, о которой не могли бы даже мечтать напыщенные индюки, мнящие себя владыками.

Он взял покрывшийся испариной бокал, с наслаждением отхлебнул ледяного огня и попытался оценить события последних дней.

В Шадизар он прибыл пять дней назад, не взяв с собой обычного эскорта. Лишь двух своих подручных, десяток слуг, да три десятка воинов, то есть то скромное сопровождение, без которого ни один человек не способен обойтись.

Святилище Затха в Шадизаре, где он не был уже несколько лет, неприятно поразило его убогостью и нищетой. Некогда роскошное здание оказалось запущенным до невозможности. Украшавшие фасад прекрасные барельефы, которые могла достать чернь, были сколоты. Великолепные фигуры, до которых не сумели дотянуться нечистые руки, и которые были слишком велики и тяжелы, чтобы представлять интерес для воров, загадили птицы. Прекрасная мозаика пола потускнела.

Словом, нет денег, нет и порядка, а денег нет, потому что нет веры, а веры нет, потому что... На миг Харат задумался, пытаясь отыскать причину, по которой люди перестали верить в бога-паука, и понял, что причина могла быть только одна — люди перестали бояться. Перестали бояться, перестали приносить дары, перестали делать пожертвования.

Он сам прошел накануне по храмам Митры и даже Бела, где жертвенные чаши были полны меди и серебра, а нередко среди монет проблескивало и золото...

Почему? Как это произошло? В какой миг они упустили из рук власть, ведь были времена, когда Митру никто не знал, да Белу долгое время поклонялись тайком! Из дошедших из древности летописей Хараг хорошо знал о событиях прошлого.

Когда-то давно, в незапамятные времена, вдруг поползли по стране, словно тараканы, служители Митры, и начали рассказывать, как это прекрасно — поклоняться Солнцеликому, дарящему свет и тепло! Поначалу никто не обращал на них внимания, но постепенно число приверженцев Митры росло. Жрецы упорно гундели о своем, и им верило все больше народа, как будто до того солнце не светило всем и каждому!

Им бы отловить чужаков! Ах нет. Верховный жрец, не желая портить отношений с Аквилонией, где культ Митры уже широко распространился, решил поступить «мудро»: пусть себе ходят, все равно никто не поверит в рассказываемые ими бредни. А в результате оглянувшись не успели, как всюду начали появляться сперва скромные, а затем и все более роскошные святилища, в которые повалил народ. Люди стали бояться, что их не увидят в храме хотя бы раз в седмицу, а жрецы, обладавшие великолепной памятью, заметят, что ты просто так прошел мимо чаши с пожертвованиями.

Да, страх — это великая сила! Ну, да ничего. Скоро они получат свою долю страха!

И все-таки что-то тревожило Харата. Он еще раз задумался и вспомнил. Да, верно. Жрецы Черного Круга — единственные, кто не отказался от борьбы за Талисман, или единственные, кто продолжал верить в его существование.

Харат знал, что они пришли в Шадизар, знал, что они наняли славившегося своей ловкостью в подобного рода делах варвара-северянина выкрасть камень, но то не беда. Он все учел. Он знал, что Зита должна была взять Талисман, и знал, что Конан должен его выкрасть, и решил спокойно ждать, справедливо рассудив, что если девушка овладеет камнем, то по доброй воле или по принуждению, но она вернет его. Если же камнем завладеет варвар, то... И на него найдется управа. Говорят, ему нет равных в быстроте и искусстве обращения с мечом. Что ж,

стрелу, пущенную верной рукой, еще никому не удавалось обогнать.

Впрочем, поразмыслив, Харат решил поступить проще: подождать, пока камень попадет к стигийцу, а уж с ним разобраться как придется. По любви или без оной — все едино!

* * *

В то же самое время, в том же самом городе Рамсис, тайно прибывший сюда одновременно с Харатом, словно они уговорились о встрече, тоже ждал известий. Вернее сказать, он ждал Талисман и ничуть не сомневался, что получит его еще до наступления ночи. В отличие от жреца Затха он не позволял своим чувствам вырваться наружу, хотя так же, как и он, был один в тайном святилище и мог не опасаться, что его увидят позорно мечущимся из угла в угол.

Для Рамсиса Талисман значил гораздо больше, чем для его соперника, хотя Хараг и занимал более двусмысленное положение в жреческой иерархии Затха, будучи одновременно общепризнанным преемником Грабаха и главой Малого Круга — тайного сообщества посвященных более высокого ранга. И все-таки несмотря на скрытое противостояние Грабаха, справедливо опасавшегося, что молодой, энергичный наследник дел его захочет ускорить неизбежное и занять его место раньше срока, положение Харага было прочным.

Совсем иначе обстояли дела Рамсиса. Официально он считался человеком Тот-Амона, но втайне от всех лелеял собственные, далеко идущие планы, конечной целью которых было свержение верховного жреца. Однако метил он на высокое место не ради удовлетворения собственного тщеславия. Он мечтал распространить культ Сета на весь мир, и хотя Тот-Амон поддерживал его идеи, одобряя религиозное рвение своего помощника, Рамсис считал это недостаточным, однако открыто обвинить Тот-Амона в чрезмерном увлечении устройством собственных дел опасался.

Он знал, что открытая схватка между ними неизбежно произойдет, но, понимая, что результатом может быть как победа, так и смерть, предпочитал действовать тайно, выжидая, когда исход поединка будет однозначно предрешен в его пользу. Время это близилось, и одним из весомых аргументов в борьбе должен был стать Талисман Силы.

Вынужденный действовать тайно, Рамсис не мог рассчитывать ни на чью помощь. С другой стороны, в этом была и своя выгода, ведь, если он потерпит сейчас неудачу — о чем он и думать не хотел,— некому будет спросить с него за допущенные промахи, без которых наверняка не обойдется, хотя виной всему все та же вынужденная скрытность его действий.

И все-таки он ни о чем не жалел и, если бы представилась возможность повторить все сначала, скорее всего, вновь избрал бы тот же тернистый путь. Пусть трудности больше и риск проигрыша выше, но и куш не придется ни с кем делить. А ставка велика: если все пройдет, как задумано, он не просто потеснит, он сметет, уничтожит всех, кто осмелится встать на его пути!

Да, пожалуй, это единственно верное решение. Десять лет назад, когда ему повезло наткнуться на древний манускрипт, повествующий о существовании Талисмана Силы, он не обратил на него внимания. Ну, талисман и талисман!

Мало ли атрибутов могущества было создано древними! Все они безвозвратно потеряны, погребены в бездне времен и событий, надежно укрывших собой страшные тайны могущественных предшественников.

Он и сам, проводя бессонные ночи среди покрытых пылью папирусов, чудом уцелевших в подземных святилищах Сета, надежно упрятанных глубоко под пирамидами благословленной

Великим Змеем Стигии, натыкался на сотни упоминаний о магических предметах, принадлежавших даже атлантам и лемурийцам, не говоря уже о более поздних ахеронцах. Он скрупулезно прочел тысячи свитков с описаниями бесчисленных попыток отыскать и овладеть ими, и среди них нашлись всего лишь сотни, если не десятки с описаниями удачных!

Но не это оказалось самым поразительным. По мере того как Рамсис постигал невосполнимость и гигантские размеры утерянного знания, а также не прекращавшиеся и по сей день попытки вернуть хотя бы часть его, он, к собственному удивлению, обнаружил две закономерности.

Первая заключалась в том, что подавляющее большинство таких попыток приходилось на последнее время. Причем если на протяжении пролетевших со временем Малой Катастрофы тысячелетий мало кто искал атрибуты древних магов, то в ближайшие два-три века попытки эти нарастили лавинообразно, пока в последние годы не приняли прямо-таки гигантских размеров. Могло показаться, что утерянные знания не искал теперь только ленивый. Словно люди лишь сейчас вспомнили о них, оценив по достоинству их важность.

Вторая же закономерность показалась ему еще более удивительной. Число удачных поисков оказалось неизмеримо меньшим, чем общее число попыток, правда, в этом-то как раз Рамсис не видел ничего необычного. Наоборот, было бы странно, если бы люди запросто находили надежно скрытое от них бездной времени, а подчас и самими владельцами в предвидении близкого конца. Удивительным было то, что люди, в силу знаний, упорства, наконец, просто удаливости, добившиеся желаемого, никогда не могли надолго удержать сокровище в своих руках!

Почти все они сразу лишились только что обретенной вещи. Правда, некоторым везло и они расставались с ней не сразу, но, как правило, и эти редкие счастливчики не успевали воспользоваться ею, и времени владения им хватало лишь на то, чтобы порадоваться бесценному приобретению, да иногда изучить его свойства и тут же расстаться с ним, чаще всего заплатив страшную цену в виде собственной жизни! Лишь считанные единицы умудрялись пустить находку в дело!

Именно такова была страшная логика бесконечной цепочки поисков, находок и потерь, повергшая Рамсиса сперва в изумление, а потом в задумчивость. Он долго размышлял над этими фактами, пытаясь найти разумное объяснение.

Сначала он сваливал все на неточность хроник, которыми пользовался, но вскоре понял, что это заблуждение. Он знал, какой обширной сетью открытых и тайных святилищ были охвачены все страны к северу и западу от Стигии, проникнув даже на восток, с какой скрупулезностью собирались все факты, которыми он пользовался. Все это вместе взятое исключало возможность столь многочисленных ошибок. Он понял, что причину нужно искать в другом.

Он продолжал искать и не переставал думать, и постепенно пришло понимание сути происходящего. Да, Ахерон пал, но ничто не исчезает бесследно. Уцелевшие и появившиеся вновь колдуны не стремились к овладению чужими секретами! Для претворения в жизнь своих планов им вполне хватало собственных сил.

Однако летевшие годы складывались в века, и многочисленные тайны исчезали из мира. Одинокие отшельники не брали учеников, опасаясь с их стороны вероломства. Молодые ленились искать, предпочитая пользоваться плодами чужих трудов. Началась повальная охота за древними реликвиями, но каждая из них, храня память о своем создателе, постепенно становилась вещью в себе, не желая служить никому, и тут требовались упорство и осторожность, а большинство «счастливчиков» действовали как раз наоборот, стремясь как можно быстрее подчинить себе желанное приобретение.

Чем все это должно было закончиться, нетрудно догадаться. Дело усугублялось еще одним:

те, у кого не хватало ума для самостоятельной работы, обычно не обладали и необходимой сдержанностью, способностью хранить тайну о том, что до поры до времени известно лишь им. В результате даже те немногие, кому из прихоти улыбалась удача, не могли удержать ее, лишаясь зачастую вместе с желанным приобретением и жизни.

Рамсис действовал не так. Быть может, природная скрытность помогла ему в этом. Наверное, так. Иначе в Стигии, в среде жрецов, где все пропитано духом слежки и доносов, он бы просто не выжил. Он же не только не пропал, как многие из его соучеников, но и стал одним из приближенных Главы Черного Круга, а теперь поставил себе цель занять его место.

К своей цели он шел долгие годы, но теперь час настал! Если он сумеет овладеть Талисманом Силы, никто не посмеет противопоставлять себя его воле ни открыто, ни тайно! Он расправится с противниками внутренними и примется за врагов внешних. Он всем покажет, что вера в ложных богов не приносит ничего, кроме неприятностей. Он распространит культ Сета на весь мир!

Он долго и осторожно шел к сегодняшнему дню, бережно храня тайну. Больше десяти лет назад он впервые наткнулся на упоминание о Талисмане Силы, и хотя первоначально не придал этому значения, но, против ожидания, коротенькое известие о камне, бездну лет копившем силы, собирая ее по крупице от всего живого, не давало ему покоя.

Он вернулся к первоначальному рассказу о жрице Затха, сотворившей камень, возжелавшей возвыситься над всеми, оживить и заставить служить себе бога-паука и сожженной за это на костре. С него начал поиски, действуя по старой пословице: коли хочешь к обеду рыбу, иди к реке, зверя же ищи в лесу. Он отправился в Замору, справедливо рассудив, что если где-то и отыщутся следы, так, скорее всего, там.

Судьба, словно действуя с ним заодно, подыграла ему тогда, предоставив возможность покинуть на время Стигию, не навлекая на себя подозрения в тайных умыслах. Поездка оказалось на редкость удачной во всех отношениях.

Ему была поручена ответственная миссия — организовать в Шадизаре и Аренджуне, заморийских городах, где еще не совсем забыт культ Затха, тайные святилища Сета, которые смогли бы исподволь, осторожно овладевать умами людей. Излишне говорить, что с задачей своей он справился как нельзя лучше. Больше того, он обратился за содействием в Йезуд и нашел там полное понимание, что было немудрено — Грабах, Верховный Жрец Затха, люто ненавидел культ Митры и рад был любой возможности ослабить влияние жрецов Солнцеликого на умы людей.

При этом Рамсис не забыл и своих интересов. Получив доступ в хранилище, где в чистоте и порядке содержались архивы, он нашел подробные отчеты о сожжении Памелы и обо всем, что сопутствовало ему.

Вернувшись в Стигию, он на некоторое время прекратил всякую деятельность, ожидая, пока закончится принятая в таких случаях обязательная проверка, хотя ему не терпелось заняться делом. Так или иначе, но к тому времени, когда пришла пора всерьез взяться за поиски Талисмана, се необходимые факты были собраны, осмыслены, а план действий тщательно продуман.

Памятая о людском вероломстве, он не стал искать себе помощников среди людей, хотя и понимал, что в одиночку ему будет справиться тяжело. Особенно в ситуациях, когда надо пребывать одновременно в двух местах.

Конечно, знал он наперед о том месте в жреческой иерархии, которое со временем займет, он вряд ли стал бы усложнять себе жизнь, но и теперь, по прошествии времени, не мог упрекнуть себя в чем-то. Все было тщательно подготовлено, оставалось только действовать. Теперь у него был верный слуга, который, Рамсис не сомневался в этом, никогда его не предаст.

Это была мумия Тхон-Тона, наследного принца шестой династии, которому так и не довелось взойти на престол, ибо был он отравлен еще в юношеском возрасте своей мачехой, видевшей на его месте своего малолетнего сына.

Рамсису силой колдовства удалось оживить искусно забальзамированное десятки веков назад тело юноши. Тхон-Тону была обещана жизнь, если он как следует справится со своим поручением, и хитроумный стигиец не без оснований считал это достаточной гарантией не только добросовестности, но и верности своего помощника, на которую не очень-то можно было рассчитывать, подыскивай он себе соратников среди людей.

Впрочем, за прошедшее время он успел обзавестись сторонниками и среди жрецов, примкнувших к нему. Двоих из них отправились с ним в Замору. Рамсис твердо знал границы допустимого доверия и обстоятельства, при которых можно ждать измены.

В Шадизаре он остановился в тайном святилище Сета, которое сам же и учредил. По совету местных жрецов, он направил Тхон-Тона к Конану, некоему варвару-северянину, слышавшему лучшим и самым удачливым среди шадизарских воров, по рассказам, не знавшему неудач.

Неожиданно Рамсис поймал себя на мысли, что пора бы уже Тхон-Тону вернуться, а он что-то задерживается. Нет, он не испугался и не всполошился, но червячок сомнения шевельнулся где-то глубоко внутри, и это не понравилось жрецу. Предчувствия никогда еще не обманывали его. Что-то пошло не так, но что — этого он не знал, и обеспокоился еще сильнее. Обеспокоился настолько, что позвал слуг и велел идти навстречу Тхон-Тону, ругая себя за то, что не сделал этого раньше.

* * *

Хараг остановился то ли на полу шаге, то ли на полуфразе невысказанных размышлений и обернулся на звук открывшейся двери. Четверо стражников из числа тех, на кого он мог положиться, ввели человека, который, как было ему известно, нанял Конана. Судя по всему, он уже получил Талисман и нес его Рамсису. Если и здесь его постигла неудача, тогда... «Тогда придется бежать без оглядки», — ответил он сам себе. Впрочем, оставался еще Сура-Зуд!

Человек, остановившийся напротив Харага, производил неприятное впечатление. Снаружи стояла изнуряющая жара, а он был с ног до головы укутан грязно-серым плащом с капюшоном, накинутым на голову. Опытным взглядом Хараг отметил, что и стражники сторонились незнакомца, пытаясь, правда, делать это незаметно, да и сам он чувствовал, что глядеть в темный проем, где должно было находиться лицо, вместо которого чернела дыра, ему неприятно.

Небрежным жестом он отоспал воинов, которые с видимым облегчением удалились, и шагнул вперед.

— Откройся, я хочу видеть твое лицо.

Ни слова не ответив, медленным усталым движением человек сбросил капюшон. Ткань медленно скользнула, и Глава Малого Круга непроизвольно напрягся, ожидая увидеть неизвестно что, но тут же облегченно вздохнул и выругался про себя.

Лицо как лицо. Гладко выбритый череп, глубоко посаженные глаза, широкие скулы, маленький подбородок и, конечно же, огромный нос, больше напоминающий клюв попугая Ара, — неизменная принадлежность каждого стигийца. Вот разве что кожа, покрывающая лицо и бритую голову, больше напоминала листы выцветшего от времени пергамента...

— Ты нес Талисман Рамсису?

Человек молча кивнул.

— Он по-прежнему у тебя?

Новый кивок.

— Ты согласен отдать его мне?

Хараг ждал, что в ответ последует еще одно медленное утвердительное движение головой, но вместо этого незнакомец неожиданно заговорил, и звук его голоса поразил жреца не меньше, чем внешность. Он напоминал шелест все того же пергамента, словно некто старательно тер друг о друга пару листов.

— Прежде чем тебе ответить, я хочу спросить сам. Кто ты?

— Я Хараг, один из четырех Предвечных Жрецов Затха, посвященный Малого Круга. Скажу сразу: Талисман важен для меня. С его помощью я собираюсь стать Верховным Жрецом. Я понимаю, ты что-то потребуешь взамен. Назови цену!

— Жизнь!

Незамедлительно последовавший ответ удивил Харага.

— Чью жизнь ты хочешь получить? — уточнил он.

— Ты не понял, жрец. — Незнакомец поднял голову, и Хараг невольно вздрогнул, увидев, что собеседник его слеп. — Точнее, глаза у него были, но они казались выточенными из камня. — Я не человек. — При этих словах брови Харага удивленно приподнялись. — Я мумия Тхон-Тона, возвращенная к жизни Рамсисом. Мне отпущен месяц срока, и, я боюсь, Рамсис не станет продлевать его. Хараг поднял руку:

— Я понял тебя, Тхон-Тон. Человек — это душа. Чтобы жить, душе нужно вместилище. Ты получишь тело. Любое тело на выбор. У Затха не счастье рабов. Но сделать это я смогу не раньше, чем мы вернемся в Сура-Зуд, а произойдет это не позднее, чем через пол-луны. Ты согласен?

— Да.

— Талисман.

Хараг протянул руку, и странный незнакомец, на этот раз без колебаний, опустил в нее замшевый мешочек, только что полученный им от Конана.

Глаза Харага засветились восторгом, который тут же угас, едва кулак его сжался, охватив камень.

— Но я не чувствую в нем силы. — Жрец Затха бросил на Тхон-Тона гневный взгляд. — Ты обманул меня!

— Нет. Это он. Посмотри сам. — Тот, к кому было обращено это гневное обвинение, оставался совершенно спокоен.

Некоторое время Харат продолжал испытующе смотреть на Тхон-Тона, пока не понял, что тот не лжет. Он подошел к столу, стоявшему в центре, и, благоговейно бормоча себе под нос охраняющие заклятия, выкатил круглый камень на бронзовый поднос, наполненный песком, и поставил его на жаровню.

— Тир-ра огэн, тир-ра затх! — Он величественно воздел руки над жаровней и заговорил уже спокойно. — О, сила огня, именем Затха, Повелителя Силы, Великого и Ужасного, заклинаю тебя, войди в песок времен!

Оживший мертвец замер, пораженный происшедшем, став на время неотличимым от обычного человека. Едва Хараг произнес свое заклинание, пространство над подносом наполнилось прозрачным, колеблющимся маревом, в котором плыли, хаотично возникая и тут же пропадая, неясные образы.

Временами ему казалось, что еще немного, и он поймет суть происходящего, но нет, едва он думал, что близок к отгадке, видение таяло, сменяясь иным, не менее таинственным образом, порожденным колдовской силой Главы Малого Круга.

Хараг взялся за края подноса, легко поднял его, и по лицу жреца вовсе не было видно, что в руках он держит раскаленный бронзовый диск. Он медленно пошел к жертвенному треножнику и благоговейно опустил на него поднос.

— Мир-ра хорн, тамир-ра затх! — Он вторично воздел руки над подносом и вновь на понятном Тхон-Тону языке высказал свое повеление.— О, всемогущее время, тебе известно все, что было, все, что есть, и все, что будет! Заклинаю тебя именем Затха, Владыки Иллюзий, Великого и Ужасного, покажи мне, что сокрыто в этом камне!

Рука его указала на лежавший в центре песчаной равнины круглый полупрозрачный камушек.

Жаркое марево, плававшее над подносом, начало окрашиваться в радужные тона, которые кружились и переплетались, рассыпаясь цветным песком, и море песчинок взлетело в призрачном танце, постепенно разделяясь по цветам, складываясь в непонятные поначалу образы.

Тхон-Тон ничего не понимал, хотя и видел, как постепенно образовывались два уплотнения — шар, переливавшийся всеми цветами радуги, и черное пятно, окруженное белым ореолом.

— Кар-ра хорн, гар-рами затх! — вновь прокричал Хараг и в третий раз воздел руки над непонятной картиной.— Я вижу две фигуры, но не узнаю их! Именем Затха, Великого и Ужасного, Хранителя Знаний, заклинаю — сокрытое открой!

И образы отклинулись...

Переливающийся шар остановил вращение, и цвета начали группироваться, складываясь в нечто, но во что именно, пока угадать было нельзя. Тхон-Тон почувствовал, как ледяная рука страха сжала его вырванное бесчисленные века назад сердце.

Темное облако также меняло свои очертания, и хотя по нему тоже было не распознать, что за образ ждет своего воплощения в конце череды превращений, но возникшее чувство страха все усиливалось. Очертания черного, как ночь, облака стремительно менялись, и каждый новый образ был отвратительней предыдущего, пусть даже Тхон-Тон ни за что не смог бы описать словами, что он видел.

— Не смотри! — Хараг предостерегающе поднял руку перед лицом своего гостя, и тот вздрогнул, словно очнулся от страшного сна.

— Что это былой — прошелестел он своим жутким голосом.

— Это Незримый,— бросил жрец, не оборачиваясь.— Не смотри на него.

Тхон-Тон с трудом перевел взгляд на искрящуюся, радужную фигурку, и на душе у него потеплело, но лишь на миг. В следующее мгновение он увидел искаженное болью и страданием прекрасное девичье лицо. По щекам ее текли слезы, уста беззвучно раскрывались, выкрикивая слова мольбы.

— Бан-нара затх! — крикнул жрец в последний раз.— Достаточно! Именем Затха, Властителя Душ, Великого и Ужасного, заклинаю — пусть все останется, как было!

Черная душа Незримого в последний раз сменила облик, исторгнув на прощание безмолвный вопль, от которого шарахнулся прочь искаженный ужасом девичий лик. Потом все перемешалось, закружилось и пропало.

— Что это было, повелитель? И кто этот человек?

Двоих вошедших жрецов оторопело уставились на Харага, изредка бросая удивленные взгляды на бритоголового незнакомца.

— Сперва ответьте вы, что удалось узнать? — вопросом на вопрос ответил Глава Малого Круга.

— Прошу прощения, повелитель.

Оба вошедших склонились в запоздалом поклоне, хотя говорил лишь один.

— Мы не нашли ничего, кроме двух трупов. Один из них принадлежал девушке, ради которой ты приехал, другой неизвестному нам старцу.

— Старцу? — Хараг выглядел удивленным.— Но в доме не было стариков, лишь пятеро молодых людей, из которых вернулись только двое.

Харат переводил взгляд с одного на другого, ожидая от своих помощников разъяснений.

— Все верно, повелитель, но верно также и сказанное мной.

Жрец склонился в поклоне, показывая, что больше ему поведать нечего.

— Странно, странно. Некоторое время Хараг в задумчивости ходил по залу, потом, видимо решив что-то для себя, повернулся к вошедшим:

— Пятеро пришли, двое ушли. Не вернулись девушка и двое молодых людей. Девушка умерла — ее труп остался в доме, один из молодых людей, перед тем как дух его отошел на Серые Равнины, расстался с жизненными силами, превратившись в старца, от второго не осталось ничего.— Довольный своими рассуждениями он обернулся к жрецам: — Все верно?

— И да, и нет, мой повелитель,— отозвался жрец и, видя удивление, смешанное с досадой, застывшее на лице Главы Малого Круга, поспешил объяснить: — Ты просто не мог знать этого. Те двое, чьи трупы мы нашли в доме, не умерли. Их души не ушли на Серые Равнины.

— Вы уверены?

— Да, повелитель. Ты ведь знаешь, что по глазам...

Договорить ему не дал нетерпеливый жест Харата.

— Знаю, но это не имеет значения. Душа девушки в этом камне.— Он указал на талисман.

— На остальных мне наплевать.

— О, беда,— простонал, покачав головой, один из жрецов.

— Вовсе нет,— оборвал его Харат,— благодарите этого человека, который принес нам Талисман. Вот если бы он отдал камень Рамсису, действительно бы была бы беда!

Двое уставились на незнакомца.

— Это человек Рамсиса,— пояснил Харат и тут же поправил себя: — Хотя, что я говорю! Он не человек, он мумия Тхон-Тона, оживленная Верховным Жрецом Сета. Он должен был принести ему Талисман, но принес нам. За это я обещал подыскать ему новое тело.

— Но ведь это крах, повелитель. Что толку нам с души, заточенной в камне? Нам нужна живая Зита, в которую должна воплотиться Памела!

— Все пропало,— обреченно подтвердил его товарищ.

Хараг рассмеялся:

— Вот если бы у Зиты не было сестры, ты оказался бы прав, но у нас есть Мелия и время до следующей полной луны! Мы переселим душу Зиты в тело Мелии, дождемся воплощения Памелы и принесем ее в жертву Затху с соблюдением всех обрядов!

— Но сила...— едва слышно прошептал один из помощников Харата.

— Сила сковывает Незримого, удерживая его в камне. Я изгоню демона, и сила вновь станет доступна!

И он торжествующе расхохотался, гордый сознанием собственной силы и грядущего величия.

* * *

Рамсис опустился на колени и замер в этой позе, согнув в локтях поднятые вверх руки,

повернув их ладонями вперед. Он неотрывно смотрел на огромного бронзового змея, свившегося кольцами на жертвенном алтаре.

Массивная приплюснутая голова змея нависала над жрецом, клыкастая пасть была хищно оскалена, раздвоенный язык замер, алые рубиновые глазки пронзительно сверкали зловещим огнем в свете развешанных по стенам факелов.

Жрец общался со своим богом.

В голове Рамсиса крутился один и тот же вопрос: что случилось? Все его мысли сосредоточились на этой простой фразе, и сам он перестал существовать, обратившись в зрение и слух.

Вопрос был задан, и он знал, что будет и ответ. Он знал, что все зависит от того, как скоро он сумеет докричаться до своего бога, а в том, что великий Сет ответит, жрец не сомневался.

Оставалось ждать.

Время перестало существовать для него. Окружающий мир превратился в ничто. И наконец, в тот миг, когда он перестал ощущать свое тело, наступило слияние. Рамсис почувствовал себя единственным целым с грозным божеством, его маленькой частицей, хотя продолжал видеть перед собой оскаленную морду Великого Змея Ночи.

Пришло знакомое ощущение, что он услышен, а вслед за этим последовал ответ на вопрос:

— Камень попал к Затху. Тебе придется пойти к Главе Малого Круга, но прежде пошли людей в дом, где хранился камень. Там бродит потерянная душа. От нее ты узнаешь все, что тебе надлежит знать.

— Но почему ты сам не скажешь мне об этом? — в волнении выкрикнул жрец, но ответа не получил.

Он огляделся и увидел, что стоит в святилище перед замершим в неподвижности бронзовым изваянием Сета и понял, что это все. Что было нужно, Сет сказал, остальное он узнает в свое время.

Он встал с колен, подошел к столу, взял маленький молоточек и ударил им в небольшой бронзовый гонг. Мелодичный звон поплыл по залу, на звук его тотчас вбежал раб и замер в почтительном поклоне.

Глава третья

Прошла седмица с той памятной страшной ночи, когда Мелия потеряла сестру.

Несколько дней после тех незабываемых событий — пока родственники Фабиана и Эмерика пытались выяснить, что же произошло тогда в доме, что случилось с Фабианом и куда девался Эмерик, — превратились для нее в настоящий кошмар.

На счастье, кто-то из умудренных опытом родственников погибших сообразил, что в чем бы ни заключалась истина, но, учитывая обстоятельства, лучше, чтобы о ней знало как можно меньше народа. Это была очень здравая мысль, с которой не могли не согласиться даже самые непримиримые.

А когда тот же умный человек добавил, что хорошо, если об этом не узнает вообще никто, Мелию наконец-то оставили в покое.

Тело Зиты в тот же день было предано сожжению. Точно так же поступили родственники Фабиана. Что лежало в гробу, предназначенном для Эмерика, Мелия предпочла не спрашивать.

Жрец поднял факел, пропитанные благовониями поленья вспыхнули, и жертвенная свеча, отмечавшая время перехода душ усопших на Серые Равнины, успела дрогнуть до середины, когда жрец торжественно возвестил:

— Митра принял их души!

По древней традиции горку еще горячего пепла подели ли на три части, зарыли в землю и посадили омелу и два дубка.

На этом все закончилось.

* * *

С утра Мелия бродила по городу, стараясь отыскать Конана. Она занималась этим уже третий день, но все её отчаянные попытки ни к чему не привели.

Начиная свои блуждания по Пустынке, девушка не сомневалась, что найти такого человека, как Конан, не составил труда, но теперь, на исходе третьего дня, когда солнце клонилось к закату, она поняла, что жестоко ошибалась.

Везде, где она побывала, ей вежливо, но твердо отвечали, что да, он бывает здесь, бывает часто, но сейчас, к величайшему сожалению, его нет и ничем помочь нельзя, но если он появится, ему обязательно передадут, что его разыскивает Мелия, дочь почтенного Тефилуса.

Один раз Мелии показалось, что удача улыбнулась ей. Веснушчатый, рыжий сорванец сказал, что сейчас поднимется и посмотрит, не ушел ли Конан, ведь ночевал он именно здесь. Мальчишки не было довольно долго, и Мелия уже обрадовалась, надеясь, что, не будь киммерийца в таверне, мальчуган давно бы уже вернулся. Она даже перестала обращать внимание на двуногих плотоядных самцов, которые, услышав, что она ищет Конана, сразу прекратили приставать к ней, продолжая лишь ощупывать необыкновенную красавицу липкими взглядами.

Ее это нисколько не удивило, потому что повсюду его имя оберегало ее не хуже десятка крепких телохранителей, вот только самого Конана найти не удавалось. И здесь произошло то же самое. Мальчишка вернулся ни с чем и поинтересовался лишь, что передать Могучему

Шадизарскому Льву, когда он вернется.

— Если вернется,— добавил он поспешно, когда увидел, как она оживилась.

Никогда прежде Мелия не бывала в этой части города, звавшейся Пустынькой, хотя, безусловно, знала об ее существовании. Теперь же, впервые попав сюда, она была неприятно поражена грязью и нищетой, которая, впрочем, царила не везде. Мелия быстро научилась обходить стороной трущобы беднейших кварталов, издалека узнавая их по запаху нечистот, висевшему в воздухе.

Однако Пустынька все равно произвела на девушку гнетущее впечатление. Бродя по кривым улочкам, которые заполнял всевозможный сброд, она не раз вспомнила настоятельные советы Мэгила, старого знакомого матери, бывшего жреца и человека опытного во всех отношениях, с которым Мелия с детства привыкла делиться своими маленькими секретами, не ходить в этот притон, где порядочной девушке делать нечего.

Мелия настаивала на своем, и тогда он, вздохнув, посоветовал ей, по крайней мере, неходить туда одной. Она уже не раз благодарила светлого Митру за то, что вняла советам и, больше чтобы успокоить Мэгила, пообещала взять с собой двух рослых рабов, вооруженных внушительного вида посохами. Теперь она понимала, скольких бед смогла избежать благодаря тому лишь, что они неотлучно следовали за ней.

Солнце перевалило далеко за полдень, когда девушке показалось, что одного человека она видит слишком часто. Сперва она не обратила на это внимания: мало ли кому вздумалось походить за ней. И прежде случалось, что ее высматривали до дома, а потом надоедали приставаниями, пока не понимали, что лишь понапрасну тратят время.

Правда, случалось и иначе. Иногда настойчивый кавалер пробирался за стену, и тогда или собаки спускали с наглеца штаны, или слуги обламывали о его спину и бока полдюжины палок.

Когда, обернувшись пару раз, Мелия увидела мужчину, неотрывно следовавшего за ней, она подумала, что опять придется остужать пыл навязчивого воздыхателя, и тут же забыла о нем. Но потом вдруг сообразила, что на нем плащ жреца Затха — а жрецы, как всем известно, не ухаживают за девушкиами, даже очень хорошенными,— и не на шутку встревожилась.

Она повернула к дому, невольно ускоряя шаг, потому что в голову ей лезли всякие мысли, одна страшнее другой, и Мелия не знала, на какой остановиться. О жрецах бога-паука и их культовых обрядах ходило столько жутких историй, что, когда девушка невольно припоминала их, холодок пробегал по телу, несмотря на жару.

* * *

Паланкин остался на улице, а с ним и восемь темнокожих невольников, которым стигиец доверял перемещать по Шадизару свое укрытое от солнца бесценное тело. Их остались охранять двенадцать копейщиков. С собой же жрец взял лишь тех, в ком нисколько не сомневался.

Извилистая, усыпанная красноватым песком дорожка провела его между деревьями запущенного сада. Рамсис остановился у входа в дом, а двое сопровождавших его жрецов замерли в паре шагов сзади. Четверо воинов расположились чуть в отдалении и теперь нервно переминались с ноги на ногу, с неодобрением поглядывая на своего господина: хоть и прибыли они в Шадизар недавно, но слухи о мрачных событиях, произшедших в этом доме, Я дошли и до них.

Жрец даже не обернулся, чтобы проверить, не взбрело ли кому-нибудь в голову отправиться

за ним следом. Еще дома он принял необходимые меры, обострившие до невероятности все его чувства, и по ударявшим его в спину волнам недовольства, густо замешанного на страхе, понял, что останавливать никого не придется.

Он все хотел видеть сам, непременно в одиночестве, и не желал, чтобы из-за какой-то нелепой неожиданности кто-то из его подручных невольно узнал нечто такое, что знать им не положено. Как бы он ни доверял им, но каждый из его людей обязан знать свое место.

Что же касается неожиданностей, то тут Рамсис не питал иллюзий. Раз сам Великий Змей направил его сюда, значит, он должен идти один. Он все-таки не удержался и посмотрел назад, но, поймав на себе озабоченные взгляды, лишь высокомерно кивнул и равнодушно отвернулся.

Стигиец еще раз припомнил все, о чем говорил ему Сет, ощупал склянку за поясом, распахнул предварительно отпертую слугами дверь и едва успел войти в полутемный коридор и осмотреться, как почувствовал, что он здесь не один, хотя и знал, что все его люди остались снаружи.

Жрец внимательно осмотрелся и в глубине коридора, уводящего внутрь дома, увидел слабо мерцающий силуэт.

Впрочем, могло ли быть иначе, если сам великий Сет поведал ему о Неприкаянной Душе? Он едва заметно, одними уголками губ, усмехнулся. Ну, до чего же все просто! А ведь в глазах обывателей все выглядитсовешенно иначе: грозные и кровожадные духи несправедливо повергнутых в прах людей бродят вблизи места своей гибели, охраняя его от нескромных глаз. Горе рискнувшему приблизиться! Кара настигнет его неотвратимо и будет ужасна!

Стигиец еще раз ухмыльнулся, вспомнив невольный страх, застывший в глазах его стражей, опытных и умелых воинов, за плечами каждого из которых не один десяток сражений и вновь посмотрел на приближившийся, больше похожий на полупрозрачное облако призрачной взвеси, силуэт и, уловив, исходящую от него волну робости и немой мольбы, едва не расхохотался.

— Подойди ближе. Тебе не от кого прятаться.

Трусливое привидение — что может быть забавнее! Впрочем, призрак — это всего лишь слепок с души умершего, и если человек был трусом, то стоит ли удивляться, что такова и его по каким-то причинам не отошедшая на Серые Равнины душа? Да и не самый трусливый мог бы испугаться, почувствовав волну силы, исходившую от слуги великого Сета.

Призрак тем временем остановился в двух шагах от стигийца, не решаясь заговорить с ним, но Рамсис и без его усилий ясно слышал каждую мысль, посещавшую его немого собеседника.

Жрец с интересом воззрился на Неприкаянного. Он вовсе не сочувствовал этой душе, выдранной из чьего-то тела, но где-то в недрах слабо мерцающей оболочки, доступной лишь взглядам посвященных, пряталось знание фактов, которые он любым путем должен вытянуть из стоявших перед ним жалких останков, прежде чем отправится к Харагу.

Так сказал великий Сет, и так будет!

Стигиец тут же пожалел, что не может столь просто проделать того же и с человеком, чьи сокровенные тайны надежно защищены живой плотью. Правда, есть особые методы, но все они сложны, отнимают уйму времени, не говоря уже о необходимости предварительно подавить волю человека, без чего успех невозможен.

Проклятая воля!

Благословенная воля!

Как много от нее зависит в жизни каждого! Вот только далеко не всякий подозревает об этом. Рамсис вновь посмотрел на туманный силуэт:

— Кто ты, Неприкаянная Душа? Вернее, кем был?

«Мое имя Фабиан. Я знатен... Был знатен. Меня убили недавно в этом доме».

Рамсис задал свой вопрос, как сделал бы это при разговоре с живым человеком, и

мгновенно уловил ответ. Услышал его мозгом, а не ушами, и хотя призрак старательно открывал рот, пытаясь произнести фразу вслух, ни звука не раздавалось в полутемном коридоре.

— Так ты знаешь, что произошло здесь?

Дух едва заметно шевельнулся:

«Если ты говоришь о событиях, связанных с Незримым и Талисманом Силы, то да».

Рамсис кивнул и тут же подумал, что они уже обменялись несколькими фразами, а дух ни разу не назвал его господином, что явно свидетельствовало о его принадлежности к знати, у которой принято к любому обращаться как к равному. Это разозлило жреца, сына простого ремесленника, который был вынужден долго и болезненно пробиваться к занимаемому сейчас положению.

— Расскажи мне, что произошло здесь! — резко приказал он. Быть может, более резко, чем следовало бы.

«Охотно, но лишь если ты поможешь мне обрести новое тело».

Это был вовсе не тот ответ, который обязан давать каждый смертный могущественному слуге Сета. Тем более какой-то трусливый дух! Хотя жрец прекрасно понимал, что бедняга вполне естественно жаждет нового воплощения, и ничто иное его не интересует. Однако ему было мало дела до чужих бед, его интересовали лишь свои проблемы, и кто-то посмел противиться осуществлению его планов.

Рамсис нахмурился, и желваки заиграли на его скулах. Его руки непроизвольно коснулись пояса, а грозный взгляд уперся в призрачный силуэт.

— Ты скажешь мне все, что я потребую,— отрезал он.

«Только в обмен на тело!»

Привидение вовсе не склонно было уступать, и это еще больше разозлило жреца, никак не ожидавшего сопротивления от трусливого духа. Он уже приготовился без труда узнать обо всем, что его интересовало.

— Условия ставлю я!

Рука сама собой вытащила из-за пояса небольшую плоскую склянку и бросила ее под ноги незримому собеседнику стигийца. Жалобно звякнув, тонкое стекло разбилось, и невидимая в полумраке жидкость разлилась по каменным плитам пола, источая резкий, неприятный запах.

Непроизвольно ноздри жреца чуть заметно дрогнули, а губы недобро искривились в некоем подобии улыбки, когда его внимательный взгляд встретился с бегающими в страхе глазами ничего не понимающего призрака.

Повеяло холодом. Стены едва заметно засеребрились инеем. Рамсис отступил на шаг, с наслаждением наблюдая как проявляется Неприкаянная Душа, словно вмороженная колдовским снадобьем в воздух. Холод набирал силу, и одновременно призрак становился все зримее. Правда, и теперь его можно было заметить лишь с трудом, но внимательный взгляд различил бы едва заметную муть посреди коридора, и если бы невольному наблюдателю пришла в голову мысль отойти подальше, он с удивлением отметил бы, что мутное пятно напоминает фигуру огромного ростом и необыкновенно широкого в плечах молодого мужчины. Он смог бы даже различить черты его лица и, возможно, нашел бы его красивым.

Жрец удивился: это было необычно. Впрочем, он ведь совсем недавно стал духом, и тонкое тело, в точности повторяющее очертания плоти, еще не успело рассосаться, потерять форму. «Вскоре он усохнет и станет неотличим от прочих Неприкаянных», — по привычке отметил про себя Рамсис.

— Ты скажешь все! — злорадно прошипел жрец, уловив бешеный хоровод кружившихся в голове призрака панических мыслей. Ему, и прежде ясно видевшему своего собеседника магическим зрением, теперь дух предстал почти облаченным в физическую плоть. Рамсис

подошел к нему вплотную и заглянул в наполненные ужасом глаза, устремленные мимо него, куда-то в невообразимые дали пространства.

— Условия ставлю я! — повторил он.

«Да, да! Я скажу все!» — прокричал призрак, и во взгляде его мелькнуло отчаяние: он понял, что не может шевельнуть губами.

Несколько долгих мгновений стигиец наслаждался паническим страхом, который сменил слабое и недолгое сопротивление Неприкаянного.

— Ты уже не можешь говорить, но я знаю, что слышишь меня, а я читаю каждую твою мысль. Теперь ты знаешь, что я волен поступить с тобой как мне заблагорассудится, и, если не хочешь, чтобы тебя постигла более страшная участь, рассказывай, что здесь произошло, да побыстрее.

Жрец услышал безмолвный вздох облегчения и весь обратился в слух, как только призрак начал рассказывать. Перед глазами его поплыли картины прошедших здесь событий. Стигиец не просто слушал рассказ, он видел все глазами живого Фабиана. Он тонко чувствовал, где правда, а где Неприкаянный лукавил, пытаясь скрыть собственную трусость, или слабость, или похоть. Тогда он заставлял призрака возвращаться к неприятному для него эпизоду и пересказывать его заново.

По правде говоря, его мало интересовали переживания умершего мужчины, но он хотел знать все, что было известно Фабиану, понимая, что любая упущенная мелочь может сыграть впоследствии неожиданно важную роль.

Эпизоды следовали один за другим, иногда складываясь во вполне связные рассказы. Иногда же образы хаотично сменяли друг друга, и в водовороте событий поначалу трудно было разобрать, с кем борются люди. Постепенно картина прояснилась, и стало ясно, что из пятерых людей, которых судьба свела той ночью в доме, лишь двое выживших были достойны такого финала, хотя основным борцом оставался огромный варвар-киммериец, нанятый, чтобы украсть Талисман Силы. Остальные вели себя как стадо идиотов, выпущенных на свободу.

Молодой человек, погибший первым, похоже, сам упорно шел к страшному концу и не заслуживал даже мимолетного внимания. Стоявший перед жрецом молодой красавец оказался отъявленным трусом. Его резкие и непонятные перепады настроения казались необъяснимыми, но лишь до тех пор, пока Рамсис впервые не услышал о Незримом.

Сперва он не поверил своим ушам, хотя это и ставило все на свои места. Древний демон — пожиратель душ вновь вернулся в мир, и человек, освободивший Незримого из тысячелетнего плена, стал его первой жертвой.

Молодая колдунья тоже выглядела не лучшим образом... Впрочем, для нее, похоже, все эти магические книги и талисманы были всего лишь игрушками, а с такими вещами не шутят! Это правило она должна была усвоить с самого начала, но не сделала этого, и расплата не заставила себя ждать

Постепенно все события выстроились стройной чередой, за исключением одного — как вообще кому-то из них удалось уцелеть?

Он с нарастающим интересом ждал развязки, — которая сперва поразила его, а потом заставила задуматься: кто этот человек, осмелившийся не просто противостоять могучему творению Сета, но и победить его! И если не уничтожить, то заточить в плен не менее надежный, чем тот, из которого ему чудом удалось вырваться. И все это заняло лишь одну ночь — от заката до рассвета!

А ведь в свое время, когда Незримый набрал огромную силу — слишком большую, как показалось богам, — потребовалось вмешательство самого Митры, повелевшего одному из своих слуг заточить демона в темницу. И это оказалось совсем непросто! С тех пор прошел не один

десятка веков, и о Незримом остались лишь смутные предания, в которые мало кто верил.

Рассказ подошел к концу, и Рамсис задумался.

Только что поведанная ему история, краткая и неправдоподобная, могла даже непосвященного повергнуть в изумление. Для него же, человека, привыкшего бережно относиться к вещам, так или иначе связанным с магией, сознававшего бесценность всего, что создали предки, происшедшее выглядело просто дико.

Сперва молодая колдуны. Ей в руки попала книга мудрости, о которой сам он не подозревал, но за которую уплатил бы сколько угодно, ибо знания, хранившиеся в ней, попросту бесценны. А эта юная идиотка оставила священный фолиант без присмотра, что само по себе немыслимо, и спокойно ушла!

Оставшемуся в одиночестве молодому повесе хватает времени на то, чтобы напиться до такого состояния, когда невольно испытываемый любым нормальным человеком страх перед высшими силами без следа улетучивается, и он решает шутки ради прочесть какое-нибудь заклинание!

Просто так! Чтобы скоротать время!

Он пьян настолько, что даже не задумывается о том, что за этим может, нет, должно последовать! Но и этого ему мало — он читает заклинание дважды...

В то, что такое могло случиться на самом деле, Рамсис никогда бы не поверил, если бы только сам не заставил Неприкянного листать перед ним книгу своей памяти и читать из нее избранные места, а книга эта никогда не лжет. С другой стороны, для такого недоверия были основания, ведь жрец не мог знать о том, что Эмерик, случайно вытащив Незримого из бездны небытия, спокойно заснул счастливым, пьяным сном, а потому не видел вызванных его глупостью последствий.

Впрочем, подумав, он, скорее всего, поверил бы в этот нескладный рассказ: трудно на заказ придумать столь идиотскую историю. К тому же несколько силовых штормов, пронесшихся той памятной ночью над Шадизаром и вызвавших его недоуменное смятение, прекрасно укладывались в дурацкую картину, нарисованную Неприкянным. Рамсис еще раз покачал головой. Он знал, что Шадизар слывет воровской столицей мира, и половина города здесь населена ворами. Теперь он узнал, что вторую его половину населяют кретины.

Жрец вновь задумался. Как видно, в этом доме в ту ночь столкнулись интересы высших сил, иначе этой череды невероятных событий не объяснить. Но такое случается, хотя и не слишком часто. На этот раз пересеклись пути Талисмана Силы и Незримого.

Теперь, по крайней мере, Рамсис понял, почему Великий Змей не захотел ничего объяснять, а лишь направил в нужное место, чтобы дух Фабиана, видевшего все собственными глазами, рассказал ему о происшедшем, ведь даже боги не в силах уследить за всем.

И он понял еще одно, и это было очень важно.

Незримый — порождение Сета, а сила Талисмана, светлая сила Митры, накопленная им за прошедшие века, теперь скована демоном, и освободить ее не так просто. Нужны мощь Сета и его дозволение, для того чтобы освободить его создание. Без этого задача неимоверно усложняется. Это может оказаться сильным козырем в предстоящем разговоре со жрецами Затха.

Эта мысль словно пробудила его, подсказав, что пора действовать. Он огляделся: стены покрывал толстый слой инея. Инеем же покрылась и фигура, все так же неподвижно стоявшая в коридоре, теперь больше походившая на вылепленного из снега человека, каких, говорят, делают для своей забавы дети в далекой Киммерии. Каждый выдох жреца повисал в стылом воздухе медленно рассеивавшимся туманным облаком.

Обернувшись к Неприкянному, он окунул его насмешливым взглядом.

— Ты, кажется, мечтал о теле? Жаль, здесь нет зеркала, но, поверь, тебя не отличить от

человека, правда, смертельно замерзшего! — Удовлетворенный своей шуткой, он расхохотался.— Тебя даже можно потрогать.

В подтверждение своих слов он схватил фигуру за кисти рук и сжал их. Раздался хруст, и осколки льда попадали на выстланный инеем пол.

— М-да.— Рамсис скептически покачал головой.— Вышло так, что я тебя обманул. Все-таки до человека тебе далеко,— философски заметил он,— быть может, расколоть тебя, раз все равно не получилось? Впрочем, — он усмехнулся — Митра учит нас быть милосердными. Оставляю тебя как есть. Ты заслужил свободу.

Он быстро покинул дом, и оба жреца, терпеливо дожидавшиеся на солнцепеке его возвращения, вскинулись в ожидании приказаний.

— Мой паланкин! Быстро! — Он повернулся к десятнику — И скажи своим людям, что я не желаю вновь пробиваться сквозь толпу черни, как по пути сюда! Если история повторится, каждый получит по сотне палок!

* * *

— Мама!

Мелия вбежала в комнату и бросилась на шею матери.

— Что случилось, дочка?

Она подождала, пока девушка немного успокоится и, тихонько отодвинув ее от себя, встревожено заглянула в испуганные глаза. Совсем недавно она потеряла младшую, Зиту, но к той трагедии была готова, смолоду зная о пророчестве Памелы — проклятия их рода. Не ведала она, лишь когда и в каком обличье заглянет к ним беда, как не знала и того, с кем из дочерей произойдет предсказанное.

Она сознательно старалась держать дочерей на расстоянии желая уменьшить грядущее горе, хотя сердце ее и обливалось кровью. В результате старшая, любимая, дочь отошла от семьи, какказалось матери, навсегда и она поняла, какую глупость совершила, позабыв о том, что все предназначеннное так или иначе должно совершиться. Раз ей суждена боль, то ее не уменьшишь ничем.

Как ни странно, смерть Зиты вновь сблизила мать и дочь, и Аниэла вознесла благодарение Иштар за то, что богиня услышала ее мольбы и сжалилась, вернув любовь старшей, после того как Митра забрал жизнь младшей.

— Я была в городе, искала Конана.

Попав домой, почувствовав на себе целительную нежность рук матери, Мелия вздохнула свободней, хотя сердечко ее никак не могло успокоиться.

— Этого... парня, с которым вы выбрались из дома?

Голос принадлежал сухонькой старушке, лет восьмидесяти пяти, невысокой и не по годам бодрой. Начав говорить, она запнулась, подыскивая слово, которое не обидело бы чувств внучки. Мелия молча закивала.

— Где же ты искала его? — требовательно спросила старушка, подозревая самое худшее.

— В Пустыньке,— полуслепотом ответила девушка, переводя испуганный взгляд с бабки на мать.

— Совсем потеряла стыд нынешняя молодежь! — покачала головой почтенная Сиотвия.— Девки бегают за парнями, которые прячутся от них по помойкам! Фу! Какой стыд!

Мелия горестно вздохнула, но промолчала. Да и что она могла сказать? Наверное, так оно и выглядело со стороны!

— Ну, зачем ты так, мама! — с укоризной посмотрела на мать Аниэла.— Девочке и без того плохо. И потом, с чего ты взяла, что он прячется?

— Ха! — Старушка гордо вскинула голову.— Знаю я, как это бывает. Сама была молодой! Получил свое и в кусты! Получил ведь?!

Она грозно посмотрела на внучку, та густо покраснела, и спрятала лицо на груди матери.

— Ма-ма!

Аниэла с укором посмотрела на мать, но та не унималась:

— В нашем роду корявых нет, и ты это знаешь, сама еще способна крутить головы мальчишкам! Не должна была забыть, как это случается!

— Ма-ма!

— Что мама? — Старушка в сердцах топнула ногой.— Этот, как его, Конан, должен был бы сейчас валяться у меня в ногах, вымаливая руку Мелии, а где он?! — Глаза ее гневно сверкнули.
— Молчишь?! Вот то-то и оно!

Мелия, смущенная, оторвалась от груди матери, прижавшись к которой выслушивала эту перепалку, подошла к разбушевавшейся Сиотвии и обняла ее, прекрасно зная, что буре этой суждено пронестись мимо.

— Он любит меня, бабушка, любит. Просто... Он очень гордый.

— Гордый...— проворчала старушка вполне миролюбиво, потом подняла седую голову и посмотрела Мелии в глаза.— Точно любит?

— Любит,— кивнула Мелия,— я знаю.

— Ну что ж,— взгляд бабки потепел,— за любовь нужно побороться! — Мелия обрадовалась неожиданной поддержке.— Но не след забывать и о гордости! Больше ты туда не пойдешь,— возвестила она и свысока посмотрела на внучку.— А что касается нелепой слежки, которую ты, скорее всего, просто придумала сгоряча,— Сиотвия пожала плечами,— даже если и так, не в первый раз. Не понимаю, чего ты испугалась.

— Это был жрец.— Лицо Мелии помрачнело.

— Жрец? — Аниэла посмотрела в глаза дочери, и в груди ее шевельнулось нехорошее предчувствие, хотя она и не понимала, чем это может обернуться.

— Да. Жрец Затха.

— Но что Затху могло понадобиться от тебя?

— Не знаю, — Мелия покачала головой, — но я сразу вспомнила предания о нашей знаменитой прабабке, и мне сделалось страшно.

— Но какая связь?

Сиотвия меньше дочери и внучки была подвержена эмоциям и в первую очередь задумалась о возможных причинах.

— Не знаю.— Мелия покачала головой.— Я тоже сразу подумала об этом, но ничего не придумала, и мне стало еще страшнее.

— Да, это верно. Там, где мелькнула пронырливая фигура жреца, не жди ничего хорошего. Уж я-то знаю.

Старуха задумалась, и Мелии с матерью, одновременно обеим, явилась одна и та же мысль: она думает о чем-то таком, о чем они обе не имеют ни малейшего представления.

Так оно и было на самом деле, но старшая из трех женщин, собравшихся в этой комнате, не спешила делиться с ними своими мыслями.

— Нужно немедленно послать гонца в Аренджун, и хотя лично я уверена, что от Тефилуса не будет проку, может оказаться нeliшним, если и он хоть иногда станет принимать участие в

семейных делах! — Она посмотрела на дочь и посчитала нужным высказать до конца свое отношение к зятю.— Он строит из себя героя, но там, где не добиться успеха криком, его возможности подозрительно быстро иссякают. Пусть проявит себя и докажет, что это не так. Прости, дочка, но неудачного ты выбрала себе мужа, а это означает, что рассчитывать мы можем лишь на самих себя. Так что же нам делать? — Она вопросительно взглянула на внучку и дочь.— Молчите, курицы?

— Мама! — Аниэла укоризненно покачала головой.

— Бабушка, я не узнаю тебя! — Глаза Мелии изумленно округлились.

— Не узнаешь? — Старушка усмехнулась.— Это хорошо — не терплю быть одинаковой! Но к делу. Я скажу вам, как быть. Нужно пойти к твоему Конану. Если я правильно тебя поняла, он и силен, и умен, а это как раз то, что нам нужно.

Мелия устало вздохнула:

— Где же его найдешь...

Почтенная Сиотвия усмехнулась и снисходительно, но ласково потрепала внучку по щеке.

— Ты помнишь заведение, где мальчишка бегал узнавать, на месте ли твой друг?

— Помню...— Мелия недоуменно посмотрела на бабку.— Там еще было такое длинное и смешное название, что я невольно запомнила его. Звучит оно так: «По-настоящему пьяным станешь лишь в этом духане!». Я еще подумала, что духанщик, похоже, обладает чувством юмора и склонен к рифмоплетству.

Старушка поморщилась, потом рассмеялась.

— Название говорит о желании духанщика выделиться из толпы. Уверена, что внутри гораздо чище, чем в прочих местах, где ты побывала.

— Верно! — удивилась девушка.

— Значит, там он и ночует,— уверенно заключила Аниэла.— Сейчас же иду туда.

— Правильно, дочка. Ты еще красива, но уже умна, ты уговоришь его!

— Бабушка! — Мелия бросилась к старухе.— Ты неподражаема!

* * *

Двое слуг, склонившись в вежливом поклоне, открыли перед ней дверь, и Аниэла вошла в заведение, над дверьми которого висела вывеска, утверждавшая, что именно здесь она сможет напиться как надо.

Она еще осматривала довольно чистый и просторный зал, а пара ее слуг уже освободила от прикорнувшего пьянчужки уютный столик в углу, справа от входа, еще двое заканчивали переговоры с хозяином заведения, а двое оставшихся замерли перед ней в ожидании приказов.

Она расположилась на жесткой деревянной скамье с таким достоинством и величием, словно то был трон королей Заморы, а не простое сиденье в одном из духанов Пустыньки, пусть и не самом бедном.

Духанщик и сам уже успел рассмотреть красивую, выглядевшую не более чем на тридцать пять лет женщину в сопровождении шестерки вышколенных слуг, но не подал виду, что знает, кто она такая. Впрочем, случалось, и не столь уж редко, когда люди высшего круга интереса ради, в поисках новых ощущений, появлялись в воровском квартале, но обычно это была молодежь.

Однако, когда двое из шестерки, сопровождавшей странную посетительницу, прямо заявили

ему, что хозяйка желает переговорить с ним с глазу на глаз, он не замедлил исполнить ее просьбу и мгновение спустя уже стоял перед дамой, удивительно напоминавшей девушку, которая утром искала здесь Конана, и согнулся в почтительном поклоне.

Дама с интересом посмотрела на него, приветливо улыбнулась и кивнула.

— Присядь.— Она подождала, пока он устроится на краешке скамьи.— Я могу говорить с тобой откровенно, не боясь, что кто-нибудь нескромный нас услышит?

Хозяин заведения судорожно сглотнул:

— Безусловно, госпожа. Я весь внимание.

— Я ищу одного человека. Его зовут Конан.

Она пристально смотрела в глаза духанщика, но ни один мускул не дрогнул на лице пройдохи.

— Никогда не слышал о таком.

Ни единственным движением не выказав разочарования, Аниэла положила на стол увесистый золотой кругляш, и вновь вопросительно посмотрела в плутоватые глаза духанщика, словно не расслышав его ответа.

— Мне говорили, что он иногда ночует здесь.

Почтенный Кирилл бросил мимолетный взгляд на полновесную турецкую монету. Это была подходящая тема для разговора.

— Да простит меня госпожа, но он ночевал у меня лишь раз, прошлой ночью, оттого я и не сразу вспомнил названное тобой имя. Прошу прощения, как ты его назвала?

— Я сказала: Конан, — спокойно ответила Аниэла. — А как зовут тебя, духанщик?

— Кирилом кличут, ваша милость.— Он почтительно склонил голову.

— Послушай, Кирилл, — вновь заговорила гостья,— я хочу встретиться с Конаном. Раскосые глаза на круглом лице посмотрели в разные стороны, видимо изображая разочарование, и Аниэла на мгновение растерялась: она не поняла мимики собеседника. К счастью, духанщик не заметил ее реакции.

— Конан — человек непростой,— ответил почтенный хозяин, когда глаза его закончили исследовать противоположные углы комнаты и вернулись на место,— его здесь знают все, но попробуй същи киммерийца, когда он нужен,— простодушно добавил он, немало не смущаясь тем, что всего несколько мгновений назад уверял свою собеседницу в том, что никогда не слышал такого имени.

Впрочем, он не чувствовал за собой вины. У него был товар: кой-какие знания о молодом варваре. У этой знатной женщины были деньги для того, чтобы купить его товар, и его задача — взять за него хорошую цену.

Однако дело это было более деликатным, чем выглядело на первый взгляд, ведь Конан не тот человек, о котором можно распространяться направо и налево. Нужно сперва выяснить, не причинит ли он вреда киммерийцу, да и вообщем рассердится ли варвар на него, а то рука у северянина тяжелая, меч острый и расправа быстрая, и если он окажется недоволен... Тут уж никакие деньги не помогут.

Похоже, дама, сидевшая напротив, хоть и не могла знать всего, подспудно угадала его опасения, потому что на первый кругляш аккуратно легли два таких же.

Едва Кирилл услышал легкое позывкливание, лицо его приняло странное выражение. Правый глаз прощелыги продолжал выражать прежнее сожаление, в то время как левый с любопытством взорвался на заметно подросшую стопку желтых кругляшей.

— Если он появится здесь,— поспешил заверить духанщик,— я тотчас дам ему знать.

То, что лежало на столе, составляло сумму, которую ему вовсе не хотелось терять. За такие деньги, пожалуй, можно даже рискнуть...

— Он нужен мне не когда-нибудь, а срочно.

Еще три монеты, мелодично звякнув, увеличили стопку. Едва это произошло, правый глаз Кирима перестал печалиться и присоединился к левому, чтобы получше рассмотреть неожиданное богатство. «Похоже, все без обмана», — решил духанщик и облизнул пухлые губы.

— Можно послать кого-нибудь поискать Конана, — выпалил он и тут же насторожился: — А зачем он тебе? Да еще так срочно!

Кирим подозрительно взглянул на женщину. Он хорошо знал о неразворотливости дознания в Шадизаре, но знал он также и о том, скольким влиятельным в этом городе людям успел досадить киммериец, и кое-кто из них вполне мог пойти на значительные траты и непривычные уловки, лишь бы поймать знаменитого вора и предать его публичной казни.

— А какая тебе разница? — удивилась светлейшая Аниэла.

— Это может существенно повлиять на быстроту поисков, — веско заметил духанщик, и лицо его на миг приняло серьезное, естественное выражение, но тут же вновь исказилось хитроватой гримаской. — Исполнить твою просьбу, госпожа, непросто.

— Хорошо. Я буду говорить прямо. Я жена Главного Королевского Дознавателя, Аниэла. Моей дочери, Мелии, угрожают, но мужа нет в городе, и нас некому защитить. Мы решили нанять Конана, с которым моя дочь знакома.

— Конан не занимается подобными делами! — выпалил духанщик и тут же подумал, что не его это дело. Его задача решить, свести их или нет, а там дальше пусть киммериец сам разбирается, как ему поступить.

— Да, я слышала, — вздохнула женщина, — но нас просто некому защитить, кроме Конана.

— Она вновь поймала бегающий взгляд хитрых глаз духанщика. — Я бы очень хотела видеть его.

Дверь хлопнула. Вошел щуплый человечишко с такими же хитрыми, бегающими, как и у хозяина, глазами, и на его вопросительный кивок коротко ответил:

— Все чисто.

Вслед за этим кабатчик вновь услышал ласкающий ухо мелодичный звон и, скосив глаза, увидел, что стопка монет выросла вдвое, превратившись во внушительных размеров столбик. Тут же до его ушей донесся мягкий голос женщины:

— Я хотела бы увидеть его еще сегодня.

— Если так, то эти деньги мои?

Последовал величественный кивок. Кирим облегченно вздохнул и быстрым движением сгреб кругляши в карман.

— Чего проще.

Глаза прекрасной Аниэлы округлились от удивления, когда она услышала эту фразу и увидела, как хитрый Кирим сгреб в карман ее золото.

— Эй, Лисенок! — Духанщик посмотрел вглубь зала. — Не делай вид, что тебя здесь нет! Я знаю, что ты подслушиваешь!

Тут же дверь во внутреннюю часть дома отворилась, и в ней показалась рыжеволосая голова мальчишки лет десяти. Его шкодливое, веснушчатое лицо улыбалось, а внимательные, цепкие глаза тут же впились в княгиню изучающим, любопытным взглядом.

— Ты все слышал, так что дуй наверх и скажи Конану, что к нему пришла дама.

Мальчишка мгновенно исчез. Аниэла изумленно посмотрела на духанщика:

— Так все это время Конан был здесь?

— Да, госпожа, — скромно ответил Кирим.

— Почему же ты не позвал его сразу, плут?

— Конан пришел как раз перед тобой, госпожа, и поднялся, чтобы переодеться. Он все равно не смог бы спуститься неодетым. И потом... — Кирим сморщился, изображая некое

подобие улыбки.— Ведь это мое заведение, и всякий пришедший сюда непременно должен оставить здесь толику своих денег. Иначе я просто пойду по миру.— Он сокрушенно развел руками.

Изумление Аниэлы было настолько велико, что она не выдержала и рассмеялась.

— По миру?! Да если б мне кто предложил дюжину туранских золотых за короткий разговор, я бы и то не отказалась, хотя и не бедна!

Лицо Кирима расплылось в приветливой улыбке.

— И я был рад беседе. Если госпоже нужно будет узнать еще о ком-то, милости прошу!

В это мгновение послышались тяжелые шаги, дверь резко распахнулась и в проеме появился гигант с головой, увенчанной гривой иссиня-черных волос. Плечи же его были столь широки, что застряли в проеме, и ему пришлось развернуться, чтобы пройти в зал.

— Ну, старый пройдоха, кому ты меня продал на этот раз?

— Что ты, Конан, как можно?! Мать Мелии, почтенная Аниэла сильно хотела тебя увидеть и привела столь весомые доводы, что я не смог отказать!

Он кивнул в сторону углового столика. В несколько шагов Конан оказался там, и двое чернокожих невольников преградили ему путь, но резкий окрик Аниэлы заставил их отступить.

— Садись, Конан.

Киммериец сел и сразу обернулся к Кириму:

— Что стоишь, старый хитрец? За те деньги, что ты вытянул из госпожи, мог хотя бы угостить ее фруктами и вином. На дворе жара, не продохнуть.

Лицо духанщика снова сморщилось в характерной улыбке.

— Уже несут.

Это было правдой. Не успел он закончить фразы, как люди духанщика засуетились, и на столе, словно по волшебству, появился огромный серебряный поднос, на котором живописной горкой были уложены румяные яблоки вперемежку с янтарными грушами. Отдельно лежали сливы и альча, несколько огромных, дышавших свежестью, кистей полупрозрачного винограда от янтарно-желтого до почти черного. С краю выстроилось пять узких и высоких графинов с вином на любой вкус. Рядом стояли два пузатых хрустальных бокала.

Конан вопросительно взглянул на женщину, которую видел впервые, но та, взяв со стола персик, отрицательно покачала головой, и он налил только себе.

— Кром! Вот уж не ждал в твоем свинарнике увидеть нечто подобное,— проворчал Конан, наполняя объемистый бокал.

Кирим скромно потупился:

— Чего не сделаешь ради порядочных гостей.

Конан попробовал вино и, узнав в нем свое любимое пуантенское, сделал большой глоток. Аниэла подождала и, видя, что собеседник ее не отличается многословием, заговорила сама:

— За Мелией следят.

Конан пожал плечами:

— За хорошенькой девушкой всегда следят.

— Ты не понял. Это не просто тайный воздыхатель.— Аниэла попыталась поймать взгляд киммерийца, но ей это не удалось.— Она боится.

— Прикажи слугам отлупить нахала.

Конан знал, что уже несколько дней Мелия ищет его по всей Пустыньке, но старательно избегал этих встреч, что было не так уж сложно сделать. И теперь он видел в приходе ее матери всего лишь еще одну попытку девушки добиться своего. Поэтому он пил вино и продолжал старательно избегать ее взглядов. Аниэла вздохнула:

— Боюсь, это не поможет.

Конан ухмыльнулся:

— Поможет, еще как поможет!

— Ты не понял, это не воздыхатель,— повторила она,— это жрец Затха!

Конан поставил на стол кубок, из которого только что собирался отпить, и впервые посмотрел знатной dame в глаза.

— Что понадобилось жрецам Затха от твоей дочери?

— И нас это заинтересовало.

— Ну, и?..

— Мы не знаем. Мелия боится. Очень боится. Она хочет, чтобы ты защитил ее. Она просит...

Конан покачал головой:

— Я ухожу из Шадизара.— Он помолчал и добавил:— Обратись к наместнику. Его прямая обязанность — защищать жителей города.

— Я готова заплатить. Любую сумму.

Аниэла настаивала, но Конан лишь снова покачал головой:

— Я ухожу.

— Когда?

В ее взгляде впервые промелькнула обреченность, и Конан поспешил отвел глаза.

— Еще не знаю.

— Ну что ж...— Женщина поднялась, показывая, что понимает бессмысленность дальнейшего разговора, и напоследок попросила: — Не откажи мне в просьбе.

— Хорошо.— Конан кивнул.— Что же за просьба?

— Пообещай встретиться со мной завтра, здесь, в это же время.

Киммериец поморщился, но слово было сказано, а отступать он не привык.

— Обещаю.

Она кивнула ему на прощание. Двое слуг открыли перед ней двери, и, царственно величественная, она удалилась.

* * *

Хараг встал навстречу вошедшему:

— Рад приветствовать тебя, мой собрат. Мы давно не виделись, и мне приятно узнать, что ты по-прежнему в добром здравии. Что привело тебя ко мне на этот раз?

Хараг лицемерил. Он прекрасно понимал, зачем явился Рамсис, но желал услышать, что тот скажет.

— Я пришел за камнем, любезный Хараг, и льщу себя надеждой не услышать, что ты не знаешь, о каком именно камне идет речь.

Он улыбнулся улыбкой змеи, предвкушающей сытный обед, и посмотрел жрецу Затха в глаза. Тот понял, что разговор предстоит серьезный, и улыбнулся еще шире.

— Я понимаю.

— Рад слышать.— Рамсис кивнул.— Надеюсь, ты не откажешься его вернуть.

Хараг начал злиться, но, быть может, именно поэтому улыбка словно приклеилась к его лицу. Как человек рассудительный, он не желал ненужной стычки и готов был на уступки, но на разумные уступки, а не на потерю всего.

— Вернуть? — улыбка, наконец, покинула его лицо, уступив место удивлению.— Разве Талисман Силы прежде принадлежал тебе? — И, видя, что Рамсис готов вспылить, предостерегающе поднял руку.— Прежде чем применять силу, давай попробуем договориться, ведь когда-то мы неплохо понимали друг друга.

Некоторое время Рамсис стоял, словно обдумывая его слова, пока не решил, что Хараг прав и забрать Талисман силой он всегда успеет.

— Говори!

— Хорошо.— Хараг кивнул.— Ты наверняка знаешь, что Талисман создан Памелой, жрицей Затха, а значит, и принадлежит Затху. Разве не так?

— Не так, и по двум причинам,— спокойно возразил Рамсис.— Ты должен помнить, что жрецы Затха сожгли Памелу за неповинование, исключив тем самым из своих рядов. А сила, заключенная в Талисмане, не принадлежит ни Сету, ни Митре, ни тем более Затху! Сила нейтральна до тех пор, пока ее не заставят служить. Лишь тогда она становится чьей-то.

— Что ж, — усмехнулся Хараг, — в твоих словах есть доля правды, но если ты так блистательно доказал, что Талисман не имеет никакого отношения к Затху, хотя создан его жрицей, пусть и бывшей, то расскажи мне о своих правах на него.

И он внимательно посмотрел на стигийца, ожидая, что тот скажет. Рамсис сжал челюсти, ибо понял, что ему ничего не собираются отдавать. От него хотят лишь мирно отделаться!

— Я послал человека, который нанял одного из здешних воров, уплатив ему сполна, а ты, судя по всему, перехватил его! Так?

— Так, — спокойно согласился Хараг.

— Значит, ты украл его у меня!

— Не совсем.— Хараг улыбнулся и довольно потер руки.

— Хватит! — Рамсис нахмурился. Взгляд его словно прицелился в противника.— Мне надоели твои увертки! Верни украденное, или я заберу его силой!

— Ну, ну, уважаемый, умерь свой пыл. Нам ли, облеченым силой и властью, вступать в постыдные споры, уподобляясь простым смертным?! Дойдет и до драки,— он улыбнулся, словно вел обычную светскую беседу,— быть может.— Внезапно лицо его посерезнело.— Ты силен, я знаю, но здесь не Стигия. Здесь я в своем праве.— Тут он вновь улыбнулся и закончил: — А пока дело не приняло иного оборота, давай договорим.

Рамсис взял себя в руки:

— Я слушаю.

— Так вот, никакого ограбления не было. Твой человек или не человек, впрочем, это неважно, сам отдал его мне. Не считаешь ли ты, что это сильно меняет дело?

Неожиданно улыбнулся и Рамсис, и это не понравилось Харагу. До сих пор все шло так, как он задумал. Он заранее предвидел приход жреца Сета. Он знал, что Рамсис силен, но был уверен, что тот не пойдет на открытое столкновение, не попытавшись получить то, что считает своим, путем переговоров, под которыми понимает набор требований, подкрепленных угрозами. Он знал, что может позволить себе зайти достаточно далеко, потому что, несмотря на наглость и несдержанность, Рамсис умен и не может не понимать, что тот, кто решился противиться ему, должен обладать реальной силой. Именно поэтому, памятуя о том, что гнев — плохой советчик, он сознательно разжигал в своем противнике злость, надеясь, что Рамсис совершил какую-нибудь ошибку. Он сознательно шел на то, что расстанутся они врагами, но при этом он останется с Талисманом, а стигиец уйдет ни с чем.

Это была опасная игра, но до сих пор все шло так, как он задумал, и вот произошел сбой. То ли противник разгадал его игру, оказавшись умнее, чем он думал, то ли подготовил ответный удар.

Хараг ничем не выдал своих мыслей. Он стоял и спокойно смотрел в лицо Рамсису, ожидая, как тот поведет себя. — Я предлагаю прекратить спор, — сказал вдруг стигиец.

— Ты решил отказаться от претензий? — Хараг недоверчиво покосился на служителя Сета.

— Вовсе нет, — Рамсис улыбнулся, — просто я предлагаю разрешить это дело без споров. Насколько я знаю, ты должен был увезти из Шадизара девушку, душа которой оказалась в Талисмане? Без нее тебе нет пути назад?

— Верно. — Хараг был неприятно удивлен осведомленностью Рамсиса в его дела, но никак не выдал этого.

— Так вот, ты не получишь эту душу, если не отдашь Талисман мне. — Он улыбнулся. — Тебе не обойтись без помощи, так прими же ее и отдай камень! Пусть каждый из нас получит то, что ему нужно!

— Я не нуждаюсь ни в чьей помощи! — гневно вскричал Хараг, сам не заметив, как оказался в роли, уготованный им противнику. — Затх сам справится со своим делом!

— Порождения Сета послушны лишь Сету! — наставительно произнес Рамсис. — Чтобы добраться до души Зиты, нужно справиться с Незримым, и ты, конечно, сможешь сделать это, но есть ли у тебя на это время? Подумай.

Рамсис замолчал. Он сказал все, что хотел, и теперь ждал. Хараг тоже не спешил. Он понял, что попался в ловушку, которую в спешке просмотрел, а раз так, не мешало заново взвесить все за и против. А он-то мнил себя хитрецом! Впрочем, ловушка ли это? Разве имеет Рамсис отношение к драме, произшедшей в заброшенном доме? Вряд ли он стал бы так все усложнять.

И все равно он допустил досадный промах, не подумав о том, что избавиться от Незримого — задача действительно не из простых. Он прикинул, что сможет справиться с этой трудностью, и тут же забыл о ней, не подумав о проклятом времени, которого на самом деле становилось все меньше и меньше. Тут, пожалуй, стигиец прав. Как не жаль, но в его положении не принять предложенную помощь было бы самоубийством.

— Хорошо, — он улыбнулся, словно не произошло ничего необычного, — признаю, что твоя помощь мне нужна, а потому даже не стану говорить, что делаю тебе одолжение.

— Рад, что ты это понял. — Рамсис сдержанно кивнул.

— Но мне кажется, что Талисман — слишком высокая плата за помощь.

— Что предлагаешь ты?

— Я получаю душу Зиты. Ты получаешь Незримого. — Их взгляды встретились. — Разве это несправедливо?

Рамсис сделал вид, что задумался. Не потому, что его не устраивало предложение заморийца, но он рассчитывал завладеть и самим Талисманом и теперь прикидывал, как вести себя дальше.

Хараг же принял его размышления за колебания.

— Ты не согласен? Но ведь ты остаешься в явном выигрыше. Незримый — невероятно мощная сила. Душа же Зиты всего лишь послужит удовлетворению прихоти Грабаха, жалкого глупца, не понимающего, что между принесением в жертву Памелы и ее воплощением в теле этой девушки огромная разница. Жертвоприношение обратится дешевым представлением и не принесет ничего, кроме стыда.

— Не скромничай, мой друг. — Рамсис улыбнулся. — В любом случае ты на коне. Либо приношение обернется фарсом, как ты сказал, и ты станешь Верховным Жрецом Затха, либо оно удастся, и тогда нужно подумать, как обернуть дело себе на пользу. Я мог бы помочь тебе в этом, но ты сам понимаешь...

— Тебе понадобится для этого Талисман. — Рамсис согласно кивнул. — Впрочем, с Талисманом я и сам управлюсь со своими затруднениями. На самом деле все еще проще. Ты

правильно заметил, что жертва может и удастся. Я не собираюсь рисковать.

— Что ты хочешь сказать?

— Грабах приготовился к встрече, но я уверен, что, как только попаду в Большой Жертвенный Зал в Йезуде, тут же окажусь не у дел.

— Что ты собираешься делать?

Хараг немного поколебался:

— Ты когда-нибудь слышал об Изгнанниках?

— Тех, что пятнадцать веков назад ушли в горы?

— Верно. — Хараг с уважением посмотрел на стигийца.— Я, Глава Малого Круга, возглавляю их. Я мечтал сбросить Грабаха и объединить братьев, но если великий Затх хочет иначе... Мы отправимся в Сура-Зуд и там освободим силу Талисмана, решим его судьбу и принесем жертву!

— И это окажется тем проще, что я буду один, в окружении преданных тебе людей! — иронично воскликнул Рамсис.

— Ты мне не веришь?

— Верю, конечно, но хочу быть уверенным.— Стигиец задумался.— Поступим так: я составлю договор, скреплю его властью Сета, и мы оба его подпишем. По этому договору ты получишь душу девушки, я — Незримого.

— А Талисман? — Хараг в волнении облизнулся.

— Он останется в общем владении до тех пор, пока мы не договоримся, как с ним быть. Попытавшийся единолично воспользоваться силой Талисмана в трехдневный срок отойдет на Серые Равнины.

— Но камень будет храниться у меня! — выпалил Хараг, не без оснований опасавшийся подвоха.

— Камень будет храниться у тебя.— Лицо стигийца вновь стало похожим на морду улыбающегося питона.— До тех пор, пока договор будет действовать, мы сможем пользоваться им только сообща.

— А если мы не договоримся? — быстро спросил замориец.

— Если мы не договоримся, то опять-таки сообща сожжем договор, который будет действовать после этого еще три дня, и по истечении этого срока любой из нас сможет в одиночку воспользоваться его силой.

— Хитришь, змеепоклонник! — Хараг хищно оскалился.— Этак через три дня я становлюсь полноправным владельцем Талисмана! И ты идешь на это добровольно?! Что-то здесь не так!

— Верно,— спокойно согласился стигиец.— Не все так просто. Ты забыл о трех днях, в течение которых должен будешь исхитриться не утратить две вещи.

— Какие же? — Глаза Харага яростно сверкнули.

— Камень и жизнь,— усмехнулся Рамсис.— Я тебя убедил?

Жрец Затха задумался. То, что он услышал, мало походило на непродуманное предложение и еще меньше на глупую шутку, а гораздо сильнее смахивало на правду.

— Хорошо.

Как только он произнес это, Рамсис достал из широкого рукава свернутый в тонкую трубочку свиток и, развернув его, подал Харагу.

— Вот текст. Надеюсь, ты уже видишь, что на нем нет никаких обманных заклинаний. Только те знаки, что нанесены на пергамент вполне обычным способом. Прочти и убедись в том, что текст соответствует нашему уговору.

— Ты даже это предусмотрел? — удивился замориец.

— Правильнее будет сказать, что как раз с этим я и шел, — усмехнулся Рамсис и добавил: —

Ведь если бы я надеялся на силу, то не появился бы здесь.

Хараг кивнул, бегло пробежал документ глазами, перечел его еще раз, но уже внимательнее, обмакнул калан в раствор чернильного орешка и вывел на пергаменте затейливый вензель. Рамсис повертел в руках предложенное ему тростниковое перо и поставил рядом свой росчерк.

— Ну что ж,— стигиец выглядел довольным,— камень остается у тебя. Надеюсь, ты не против, если договор останется у меня?

И, не дожидаясь кивка Харага, спрятал его обратно. В это мгновение в зал, низко кланяясь, вошел один из жрецов Затха.

— Я ведь приказал меня не тревожить!

Глаза Харага полыхнули огнем, но услышанное тут же остудило его гнев.

— Прошу прощения, мой повелитель, но новость показалась мне важной. Только что пришла Сурия — молодая служанка из дома Мелии. Ее мать, Аниэла, отправилась просить Конана охранять dochь.

Хараг помрачнел и жестом отпустил слугу, но Рамсис остановил его.

— Подожди, ты еще понадобишься.— Он повернулся к заморийцу.— С твоего дозволения. Тот кивнул, и стигиец спросил:

— Не тот ли это Конан, что сковал Незримого? Он может сильно помешать нам!

— Клянусь, ты больше не услышишь о нем! — зло огрызнулся замориец.— Я сейчас же пошлю людей, и Шадизар избавится от присутствия грязного варвара!

— Постой! — остановил его сообщник.— Сила не всегда хороша, а с этим северянином справиться не так-то просто, не говоря уже о том, что его еще нужно отыскать.

— Чего ты хочешь? — недовольно проворчал Хараг, которому совсем не нравилось, что разговор происходил в присутствии слуги.

— Я предлагаю действовать хитростью. Зачастую хитрость приводит к цели быстрее силы. Я знаю, что последние несколько дней Конан встречается с Марленой, дочерью одного из королевских советников. Она мне понадобится.

— Ты ее получишь! — коротко бросил Хараг.

— Когда?

— Еще сегодня! — отрезал жрец бога-паука, и стигиец довольно кивнул.

— Значит, Конан не доживет до утра. И еще одно, пока я не ушел. В твоем доме находится один мой должник, и я желаю получить долг.

— Кто это? — заинтересовался замориец.

— Тот, кто нес камень! — зло процедил Рамсис.

— Он твой! — Хараг обернулся к замершему в ожидании приказаний жрецу.— Ты все слышал. Немедленно пришли ко мне Тхон-Тона. Ничего ему не говори. Любым способом доставиши сюда Марлену. Сроку тебе — два часа. Кого-нибудь посмиреннее видом отправь в дом Мелии. Пусть предложит ей добровольно стать жрицей великого Затха. Дасть ей два дня на размышление. Все!

— Ты всерьез веришь, что она согласится?

— Нет,— пожал плечами Хараг.— Но раз уж они знают... Надежды мало, но ее согласие избавит нас от множества неудобств и сбережет немало времени.

— Что ж, мысль здравая.

Дверь вновь отворилась, и, согнувшись в поклоне, на пороге возник другой жрец.

— Тхон-Тон, повелитель.

И, так же согнувшись, удалился.

Стигиец вошел и, едва увидел Рамсиса, замер. Бледно-желтое лицо его сделалось серым.

— Я вижу, ты узнал меня? Тем лучше.— Голос Рамсиса звучал ровно, без тени злости или

раздражения.— Значит, ты должен помнить и о том, что я предупреждал тебя, какая судьба ждет предателя.

— Я не предавал, — почти беззвучно, одними губами прошептал несчастный.

— Вот как? Не предавал? — расхохотался прекрасно понявший его Рамсис.

Бедняга, увидев, что никакие оправдания не помогут ему, повернулся к Харагу.

— Ты обещал помочь мне!

— Я обещал лишь подыскать тебе новое тело и вселить в него душу, но не более того.

Он равнодушно пожал плечами и посмотрел на Рамсиса.

— Какую же смерть ты заслужил? — заговорил стигиец.— Быть может, сжечь тебя? Или посадить на кол? Выбирай! — Злобная улыбка застыла на его лице.— Молчишь? Тогда выбирать буду я. Петля или плаха — все это слишком милосердно,

Тхон-Тон стоял, не шевелясь, застыв от страха, а стигиец продолжал говорить, и ужас потихоньку начал проникать даже в душу Харага.

— Бездну веков твоя бренная плоть пролежала в песках, пока я не нашел ее и не вдохнул в твои никчемные останки искру жизни, а пообещал еще больше, попросив взамен лишь твою верность. Чем же ты отплатил мне? Предательством.— Он помолчал.— Так изойди прахом! Песком, который уходит сквозь пальцы дураков, не способных удержать его в ладонях!

Он поднес руки к лицу, сделал странный жест, закончившийся движением, каким выпускают птицу на волю, и успокоился.

Прошла минута, другая — ничего не происходило. Приговоренный недоверчиво озирался, не понимая, помиловали его или нет. Он посмотрел в лицо стигийцу, и тот злобно ухмыльнулся. Тхон-Тон почувствовал что-то неладное, но что именно, еще не мог понять. Он поднял руку и посмотрел на ладонь, попробовал пальцы на ощупь — все оставалось по-прежнему. Разве что кожа показалась ему еще суще. Он потер палец о палец, и мелкий песок тонкой, едва заметной струйкой посыпался на пол.

Несчастный опустил голову и увидел, что пол вокруг ног уже покрылся тонким слоем мелкого песка, и лишь тогда впервые почувствовал легкий зуд. Он пошевелился, и легкая ткань обожгла его, словно огонь. Тхон-Тон лихорадочно рванул с себя тогу и бросил ее на пол — тела опять коснулось разъяренное пламя.

И тогда он завопил, страшно и протяжно. В крике этом не было ничего человеческого, словно голос принадлежал некоему магическому существу. Оно выло от боли, кричало о своих страданиях, и было их столько, что даже Хараг болезненно поморщился. Рамсис сделал еще один жест.

— Мертвцу не пристало издавать непристойные звуки!

Крик оборвался, но не прекратились страдания. Обнаженное тело дрожало мелкой дрожью, исходя песком, который все обильнее сыпался на пол, и так же нарастала боль.

И без того тощее тело мумии превратилось в костяк, покрытый лишь тонким слоем ссохшейся плоти, пока не исчезла и она.

Мгновение спустя посреди зала остался трясущийся скелет с запрокинутым черепом и отвисшей в немом крике невыносимого страдания нижней челюстью. Отдельные кости начали отваливаться одна за одной, мягко падая в песчаную горку, выросшую у ног, пока, наконец, весь он не осыпался вниз. Оскалившийся череп откатился в сторону, но в следующее мгновение и он превратился в горстку серого праха.

— Мама, он согласился? — Мелия с надеждой посмотрела в глаза матери.

— Нет.

Аниэла виновато отвела взгляд, словно не сделала всего, что можно было требовать от нее. Девушка вздрогнула, как от удара хлыстом.

— Но почему? — В голосе ее послышались обида и отчаяние.

— Он считает, что опасности нет,— Аниэла устало вздохнула,— что все это лишь пустые страхи.

Мелия без сил опустилась в кресло и обреченно пролепетала:

— Это конец.

Мать упала перед ней на колени и, лихорадочно покрывая лицо дочери поцелуями, зашептала:

— Успокойся, милая, все будет хорошо.

Мелия разрыдалась, а вслед за ней и мать. Она обняла дочь, прижала ее к себе.

— Успокойся, милая, завтра я пойду к управителю, он поможет. Он обязан помочь!

Она повторяла слова Конана, сама в них не веря, цепляясь за них, как утопающий в панике хватается, за что попало, не видя реальной возможности спастись.

Некоторое время обе молчали, пока немного не успокоились. Молчала и Сиотвия. Она не проливала слез, она ждала, пока наплачутся дочка с внучкой.

— Хватит слезы лить, слушайте, что я скажу.— Взгляд ее был суров, а губы плотно сжаты.— Ни к какому управителю ты не пойдешь: он и пальцем не шевельнет, если не завалить его золотом по самую макушку, а у нас нет таких денег, значит, не стоит и времени тратить понапрасну.

Пока она говорила, мать с дочерью немного пришли в себя. Аниэла горестно вздохнула:

— Тефилус должен приехать.

Она виновато посмотрела на мать.

— Брось! — Старуха махнула рукой.— Твой муженек годится лишь горло драть!

— Но, мама!

— Да, да, и не спорь со мной.— Сиотвия топнула ногой.— Только горло драть, да и то если уверен, что не получит сдачи!

Аниэла замолчала, понимая, что, как это ни печально, а мать права. Сиотвия тем временем продолжала:

— Ты знаешь, что, пока тебя не было, приходил жрец, который таскался за Мелией?

Аниэла вздрогнула:

— Он сказал, что ему надо?

— Сказал, сказал,— проворчала почтенная Сиотвия, а Мелия вновь залилась слезами,— но лучше бы не говорил. Он хочет, чтобы Мелия стала жрицей Затха. Не больше и не меньше! Каков нахал!

— И что ты ему ответила? — с трудом выдавила из себя Аниэла.

— Я сказала ему, что, если он заявится еще раз, я прикажу рабам гнать его палками через весь город! — с гордостью выпалила старуха.

— Ах, мама, мама! — Аниэла укоризненно покачала головой.— Ну, зачем ты! Быть может, нужно было...

— ...Вина ему предложить — на улице такая жара!— ехидно закончила за нее Сиотвия, и тут же взгляд ее посуворел.— Пусть уходит, откуда пришел и скажет, что здесь его никто не боится!

— Ну, хорошо,— вздохнула дочь.— Что же он тебе ответил?

— Дал два дня на размышление, наглец! — фыркнула она и тут же сменила тему: — А что тебе ответил Конан?

— Сказал, что уезжает из Шадизара.

Мелия ахнула. Старушка уперла руки в сухонькие бока:

— И ты его отпустила!

— А что я могла сделать?

Но Сиотвия уже не слушала ее.

— Твою дочь грозят забрать эти паучьи прихвостни, а ты отпускаешь единственного человека, способного защитить ее?!

— Завтра мы встретимся еще раз, быть может, тогда...

— Свидание, значит, назначила.— Старушка смерила дочь ехидным взглядом,

— Мама, как ты можешь! — Аниэла вспыхнула от стыда и возмущения, а Мелия, несмотря на то, что всего минуту назад ревела на плече у матери, не выдержала и рассмеялась.

— Я завтра пойду! — Старуха топнула ногой.— А ты мне его покажешь!

Глава четвертая

Если бы сознание, изгнанное черным снаряблением, не покинуло тела, то обладатель его обнаружил бы, что затекшие руки намертво закреплены в цепях, свисающих с потолка, а онемевшие ступни притянуты к крючьям, вделанным в пол. Случись это, страх неизбежно сковал бы разум, а может, и наоборот — побудил бы к поискам спасения. Если бы... Но сознание спало.

Второе тело было точно так же сковано в десяти локтях справа, но разум его обладателя не дремал, а глаза на выражавшем полнейшее безразличие лице внимательно следили за тем, что происходило вокруг.

Цепи, растягивавшие конечности, жрец укоротил до предела — так ему было удобнее — и теперь сосредоточенно рисовал на теле несчастного загадочные знаки, понятные лишь посвященным в тайные знания. Рамсис уже и сам не помнил, как долго это длилось: окунувшись с головой в работу, он полностью отрешился от всего. Это был тяжелый, кропотливый труд. Магия не прощает небрежности, и это жрец Сета твердо усвоил с младых ногтей и на всю жизнь. Он знал, сколько неудач потерпели его предшественники из-за допущенных в самый ответственный момент неточностей.

Сегодня неудачи быть не должно. Не для того он потратил столько сил и столько лет, чтобы теперь в конце очередного, очень важного, этапа пути все пошло прахом, а ошибиться было очень просто.

Не только каждая часть тела, но и каждый орган, скрытый внутри него, надо скрупулезно описать, а это не просто. Когда вторая мерная свеча уже догорала, вся поверхность тела покрылась затейливым узором, придав коже необычный вид змеиной чешуи.

Наконец последний значок лег на свое, известное лишь жрецу, место, и Рамсис, устало разогнувшись, удовлетворенно осмотрел результат своего труда. Он несколько раз обошел закрепленное на растяжках тело, выискивая неточности, но все было сделано, как всегда, идеально.

Видя, что дело закончено и стигиец отошел к столу, чтобы смочить пересохшее горло вином, Хараг мрачно кивнул: чужое мастерство, даже когда оно не относилось к магии, всегда вызывало у него острое чувство зависти.

— Что теперь?

Стигиец ничего не ответил. Лишь поставил пустой бокал на стол и посмотрел на Харага взглядом, заставившим того прекратить расспросы.

Он еще раз медленно обошел вокруг, в последний раз проверяя, не упустил ли чего, потом взял со стены факел и ткнул им в висевшее тело, которое тут же вспыхнуло, словно то была кукла, набитая соломой, а не живой человек из плоти и крови.

Лишь теперь, в последний предсмертный миг, сознание вернулось, оглушив несчастного острой болью. Крик, полный ужаса и невыразимого страдания, ударил по ушам, и Рамсис, поморщившись, раздраженно крикнул:

— Молча, молча подыхай!

Крик смолк, и жрец тут же пожалел о своей несдержанности. Теперь творение его будет лишено голоса.

Глаза второго человека округлились, и лицо его впервые непроизвольно дрогнуло, когда он почувствовал холодное прикосновение страха, ибо понял, что теперь настал его черед, но чего ждать, не ведал.

Рамсис посмотрел на пылающее факелом тело и вернулся к столу. От волнения у него вновь

пересохло в горле, и он налил себе вина — ледяного стигийского, которое приятно освежало и утоляло жажду.

Он знал действие этого колдовства и, не дожидаясь, пока жертва догорит, начал готовиться к следующему этапу. Подойдя к другому несчастному, он попробовал цепи и нашел их недостаточно натянутыми. Тогда он взялся за рукоять ворота, несколько провернув ее, зафиксировал в новом положении и повернулся ко второй жертве.

— Замри.

Это простое приказание было немедленно выполнено. Человеческое существо только что с ужасом взирало на факел, который уже додорел и осыпался теперь серым пеплом, но, едва прозвучал голос жреца, посмотрело на него и вдруг застыло, словно живая статуя, с ужасом осознавая, что не в силах не только шевельнуть, ни рукой, ни ногой или повернуть голову, но и даже просто отвести взгляд.

Лишь чувства по-прежнему жили в нем, и он ощущал, как что-то влажное, липкое и холодное медленно, равномерным слоем покрывает тело, наплывает на него, стремясь поглотить. Ощущение оказалось настолько омерзительным, что волосы на голове поднялись дыбом, но даже ни стона не вырвалось из плотно сомкнутых уст.

Рамсис обошел неподвижную фигуру, внимательно оглядывая ее тело, и удовлетворенно кивнул, не обнаружив ни одного пятнышка, не покрытого составом. Всё тело, начиная от макушки идеально выбритой головы и заканчивая стянутыми стальными браслетами ногами, стало грязно-зеленым от покрытого состава. Лишь глаза на равнодушной маске оставались живыми, и в них плескался страх.

Однако Рамсису не было дела до чувств жертвы. Он бережно собрал остатки пожранной пламенем плоти и начал посыпать облепленную неведомым Харагу составом фигуру. Пепел ложился таким ровным слоем, что казалось, будто омерзительно пахнувший состав на теле живой статуи сам притягивает буровато-серый порошок, не позволяя даже мельчайшим крупицам его упасть на пол.

После изнурительно долгого ожидания, когда Рамсис разберется с первым телом, Хараг подготовился к столь же длительному и нудному второму этапу, но эта часть работы заняла у стигийца несравненно меньше времени. Жрец Затха не успел даже толком рассмотреть все ее детали, а тело уже покрылось ровным слоем порошка.

Он вопросительно взглянул на своего сообщника.

— Конец, как я понимаю, будет тем же? — спросил он, и вопрос его породил дикий ужас в глазах несчастного.

— Ты, как всегда, проницателен.

Рамсис усмехнулся и некоторое время стоял перед растянутым в цепях телом, наслаждаясь страхом жертвы, и, когда зрачки бедняги расширились настолько, что глаза его стали черными, ткнул факелом в обращенное его колдовством в живой камень тело, и оно вспыхнуло так же мгновенно, как и первое. Но не тем ослепительным, яростным пламенем, что так скоро пожрало первую жертву, обратив ее в бурый порошок, а неярким, мертвенным, призрачно-зеленоватым огнем, какой можно иногда видеть на болоте, в местах, где нечисть, вызванная из его зловонных недр черным колдовством, выходит на поверхность для свершения своих гнусных дел.

Не в силах преодолеть наложенного колдуном заклятия и пошевелиться, тело дрожало мелкой дрожью, сотрясаемое приступами неодолимой боли.

Прошло совсем немного времени, и пламя поменяло цвет. Мгновение назад четко различимые контуры тела стали расплывчатыми. Их словно поглотила пелена полупрозрачного тумана, тонким слоем укутавшего тело. Мимолетное удивление накатилось волной, но в следующий миг Харат понял, что это было. Порошок начал исходить белесым дымом, который

становился все гуще, укутывая собой плоть, пряча ее от взглядов людей.

Рамсиса мало интересовали эти превращения. Его волновал лишь конечный результат, а для этого нужно было время, поэтому он разлил вино по кубкам и один протянул Харагу.

— За удачу нашего общего дела!

Они подняли бокалы, и Хараг жадными глотками выпил вино, лишь теперь поняв, что его давно уже мучит жажда.

— Твое колдовство впечатляет.— Хараг оторвался от бокала и вопросительно посмотрел на стигийца.— Но что должно получиться в итоге?

— Что должно получиться? — переспросил Рамсис.

Ничем не выдав своих мыслей, он был немало удивлен тем, что жрец Затха, рвущийся к верховному владычеству, обладает столь неповоротливым мышлением.

— Да.

Рамсис прикинул про себя, что времени прошло достаточно, чтобы колдовство его подошло к успешному завершению, и позволил себе усмехнуться.

— Посмотри назад!

Хараг резко обернулся, и глаза его округлились от изумления и восторга.

— Великий Сет! — только и смог прошептать жрец Затха.

* * *

Конан не спал, но причиной тому были не бессонница, ему вовсе не знакомая, не ночная духота, которую он научился просто не замечать. И уж никак не могла повлиять на его сон усталость, хотя нынешней ночью Марлена, и прежде не отличавшаяся умеренностью, была особенно ненасытна и похотлива. Сегодня же она сумела измотать даже его, не знавшего себе равных в таких делах. Впрочем, о том, какой она бывала обычно, киммериец вряд ли мог судить правильно, ведь это была всего третья ночь, которую они провели вместе.

Киммериец не знал, откуда появилась эта женщина. Быть может, сама судьба свела их для каких-то своих, только ей ведомых целей. Его последняя подружка уехала на пару дней по делам, и он уже подумывал о том, кого из крутившихся вокруг красоток выбрать на ночь, как вдруг встретил ее...

Северянин невольно припомнил тот вечер.

Мгновение назад жизнь в духане текла своим чередом. Привычный, монотонный гул голосов нарушился лишь нечастыми выкриками перебравших посетителей да звоном посуды, не считая изредка возникавших склон.

Конан отвлекся всего на миг и тут же по повисшей в шумном зале тишине понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Он резко обернулся, приученный к тому, что, как правило, неожиданности оказываются неприятными.

То, что он увидел, или, вернее, та, кого он увидел, оказалась достойной того, чтобы о ней говорили во всех тавернах и духанах Пустыньки все три дня, пролетевшие с того памятного вечера.

Гордая и прекрасная, она ступала неторопливо, величественно и снисходительно оглядывая присутствующих, словно сошедшая к людям Деркэто, и три десятка воров, убийц и прочего люда, промышлявшего разбоем, восторженно смотрели на нее, забыв, кто они и зачем пришли сюда.

А она, с видом победительницы оглядела оторопевшую толпу, направилась прямо к

киммерийцу, и отчаянные головорезы, не привыкшие отступать ни перед кем, невольно расчищали ей дорогу.

— Я пришла к тебе, Конан.

Голос ее оказался бархатистым и завораживающим, и как только он прозвучал, все поняли, что северянину опять улыбнулись боги.

Зал тут же зашумел и завозился, наполняясь привычными суетой, гомоном и хохотом, словно ничего не произошло: никому не хотелось показывать ни своего раздражения, ни зависти, ни тем более разочарования. Особенно из-за того, что каждый знал: ничего подобного прежде ни с кем не случалось.

Сцена эта до сих пор стояла перед глазами Конана, словно все было сегодня вечером, а тогда, три дня назад, они поднялись к нему в комнату, так ни слова и не сказав друг другу: оба и без того знали, чем закончится этот вечер.

Утром, когда женщина ушла, Конан удивлялся лишь тому, откуда она вообще знала о нем, но, когда признал о ее знакомстве с Мелией и о том, что они виделись накануне, все встало на свои места.

На следующий вечер все повторилось, и вторая ночь пролетела, как мгновение.

Сегодня он весь вечер поглядывал на дверь, ожидая ее прихода, но Марлены все не было. Приятели уже начали подтрунивать над ним, говоря, что вчера он, как видно, поленился сделать все как следует. Киммериец огрызаясь, но больше для порядка, а когда шутки остряков стали наиболее изощренными, она вошла, и повторилась сцена, которую Кирим уже наблюдал двумя днями раньше.

Не открывая глаз, Конан усмехнулся про себя, вспомнив, с какими глупыми рожами смотрели на нее шутники.

Он дышал спокойно и ровно, не заметив, как погрузился в странное оцепенение, называвшееся дремотой, то блаженное состояние, когда усталое тело расслабляется, отдохшая, словно во сне, мысли ворочаются размеренно и неторопливо, а не заснувший мозг тщательно, с наслаждением обсасывает каждую из них.

Но вот, дойдя в своих воспоминаниях до сегодняшнего вечера, он почувствовал, как начал исчезать волшебный ореол таинственности, до сих пор окутывавший их отношения, которые теперь неожиданно для него самого приняли неприятный, мрачноватый оттенок.

За две предыдущие ночи Конан привык к тому, что Марлена даже в большей степени, чем он сам, молчалива, но сегодня она вообще не произнесла ни слова. Киммерийцу это показалось странным, но и только. Он сам предпочитал помалкивать, предоставляя другим возможность сотрясать воздух словами.

И все-таки не сказать вообще ни одного слова — очень уж неестественно, и он, как ни старался, не мог выкинуть это из головы. Быть может, он и сумел бы справиться со своими сомнениями, если бы эта странность оказалась единственной. Тем более, что, поднявшись с ним наверх, Марлена быстро заставила его позабыть обо всем, но вот теперь, лежа в темноте, он старался понять, что же не так. Неожиданно его осенило.

Рядом с ним лежала другая Марлена!

Да, внешне она оставалась все той же божественно прекрасной, царственно величественной, надменной и пресыщенной, неистово желавшей его. Он знал, что не просто нравится ей. Быть может, она даже любит его, насколько вообще такая женщина способна любить кого-то, кроме себя.

Конан чувствовал это во всем. Во взглядах пылающих глаз, устремленных на него, в обжигающих страстью поцелуях, в изгибах извивавшегося под ним ненасытного тела, в редких словах, больше похожих на крики страсти и стоны блаженной усталости, говорившие на языке

изголодавшейся плоти больше, чем можно было выразить словами привычного человеческого языка.

И в этом не было ничего удивительного, ведь когда человек чувствует, что любим, он редко ошибается, какое бы обличие ни принимала эта любовь.

И вот сейчас Конан понял, что изменилось. Он понял, что провел нынешнюю ночь не с Марленой. Он в упоении ласкал тело ненасытной суки, человеческой самки, пошлой и вульгарной, жадной и прожорливой. И если две предыдущие ночи он провел с богиней страсти, то нынешнюю, сам того не ведая, с демоном похоти.

Эта мысль неприятно поразила Конана.

Он не успел подумать, что могла означать такая перемена, когда почувствовал, что Марлена осторожно шевельнулась рядом. Ложе едва слышно качнулось. Он ощущал, что ее уже нет на прежнем месте, и по едва слышному скрипу половиц под ногами понял, что она подошла к окну.

Произойди это накануне, киммериец нисколько не встревожился бы, но сейчас эти естественные звуки казались ему зловещими проявлениями враждебной воли, таившимися в себе угрозу. Умом он понимал, что это блажь, игра возбужденного усталостью воображения, плод долгого ночного бодрствования, на который не стоит обращать внимания, но инстинкт подсказывал ему, что это не так...

Едва Конан подумал об этом, как услышал еще один звук, который невозможно было спутать ни с чем. Он мгновенно узнал этот тихий шорох: так его меч выскользывал из кожаных ножен.

Киммериец насторожился. Это были уже не досужие страхи, внущенные неизвестно чем. Он понял, что дело принимает серьезный оборот, но не подал виду, продолжая лежать в прежней позе, и дыхание его оставалось ровным, едва слышным.

Какой-то миг, быстрый, почти неуловимый, Конан колебался, не окликнуть ли девушку и не спросить ли, зачем ей понадобился ночью его тяжелый двуручный меч. Сейчас для этого было самое подходящее время, но что-то остановило северянина, подсказав ему, что, если он действительно хочет найти ответ на свой вопрос, нужно просто подождать еще немного.

После краткого затишья половицы вновь скрипнули, и он принял считать шаги. Первый из шести шагов, которые потребовались бы ему самому, уже был сделан. Впрочем, Марлене наверняка придется ступить никак не меньше девяти раз.

Половица скрипнула вторично, и Конан подумал, что, быть может, стоит рискнуть и приподнять веки, чтобы не допустить рокового промаха, но как назло луна светила прямо ему в лицо, и варвар отказался от этой затеи, поняв, что малейшее движение тут же выдаст его.

Звук третьего шага заставил лежащего напрячься, хотя внешне он выглядел все тем же расслабленно посапывающим, блаженно улыбающимся ночным грезам огромным варварам. Ни один мускул на его теле не шевельнулся, он продолжал «безмятежно спать».

Когда половица скрипнула в четвертый раз, киммериец был полностью готов ко всему. И, хотя он лежал обнаженный, а девушка, он знал это, держала в руках двуручный меч, киммериец ни на миг не усомнился в том, что сумеет не просто уцелеть, но выйти победителем. Все-таки Марлена была всего-навсего девушкой, слабой и неумелой, а он сильным, опытным воином.

На пятом шаге Конан отбросил все лишние мысли и сосредоточился. Теперь удар мог последовать в любой миг, и варвар внимательно прислушался к своим ощущениям, интуиции, которая никогда не подводила его.

Его тело отреагировало на безмолвный приказ внутреннего сторожа быстрее, чем он успел понять, что пора — по его подсчетам в запасе оставалось еще три шага. Самое малое — два. Он бросился вбок и скатился на пол, скорее почувствовав, чем увидев или услышав, как тяжелый меч опустился на то место, где он только что лежал, талантливо изображая дыхнувшего приурока.

Ну, погоди!

С быстротой молнии он вскочил на ноги, но увидел занесенный над головой меч и облако пуха из распоротой подушки, заполнившее собой всю комнату.

Раздумывать было некогда. Он бросился обратно на кровать, и вторая подушка, направленная его рукой, развалилась надвое, когда меч со свистом рассек воздух перед его лицом.

Дело принимало нешуточный оборот. Конан понял, что ему предстоит всерьез позаботиться о собственной жизни. Передряга, в которую он угодил, оказалась гораздо серьезнее обычной мести, о которой он, было, подумал вначале, недоумевая, чем она могла быть вызвана.

Он постоянно менял позиции, уворачивался от сыпавшихся на него ударов — в результате комната оказалась, словно затянутой туманом, настолько плотным, что, стоя у одной стены, нельзя было разглядеть другую.

С одной стороны, это облегчало его положение, предоставляя прекрасную возможность спрятаться, а с другой — осложняло его, ибо в любой миг из плотного пухового облака могла вынырнуть смертоносная сталь его собственного клинка.

Конан избежал очередного удара мечом и пропустил увесистый удар в челюсть, отбросивший его к стене, чего он, признаться, никак не ожидал. Он сумел откатиться и вскочить на ноги, но лишь для того, чтобы тут же нырнуть вбок, почувствовав спиной холодок от пронесшегося совсем близко клинка, который лишь чудом не вспорол его, словно подушку.

Он ждал, когда противник устанет, но девушка орудовала мечом, как заправский рубака, и киммериец едва успевал уворачиваться от бесконечных выпадов, проклиная все на свете и свою неосторожность в первую очередь.

Он кидался вправо и влево, совершая умопомрачительные прыжки, сочетая их с кувырками и отскоками, зачастую действуя интуитивно и чувствуя, что лишь чудом избежал раны. Если бы удалось поднырнуть и схватить ее! Тогда бы она заплатила за все, но такой маневр требовал точного расчета, а проклятый пух не позволял даже как следует сориентироваться!

Тогда он попытался добраться до оружия или до дверей, но девушка, которую он считал слабой и неумелой, со сноровкой опытного бойца преградила ему путь.

Внезапно все кончилось. Увернувшись от очередного удара, Конан настороженно замер и услышал звук упавшего тела. Раздавшийся вслед за этим голос Тушки вернул его к действительности.

— Эй, Конан, ты где? Вытряхивай свою задницу на середину — мне не терпится посмотреть на тебя!

«Туман» медленно рассеивался. В коридоре захлопали двери, послышались звуки шагов. Конан стоял посреди комнаты голый, злой, запыхавшийся, покрытый с головы до ног пухом, который облепил потное тело.

Он нутром чуял, что в дверях уже столпилась вся ватага его собутыльников, с которыми он кутил последние дни и которые ночевали здесь же, в духане Кирима.

Как только дверь открылась, пух сквозняком начало выносить в окно, и маленький рыжий паршивец, протиснувшийся между ногами столпившихся в дверях мужчин, залился заразительным смехом.

— Ой, не могу!

Следом хихикнул Кирим, оказавшийся в первых рядах зрителей, за ним стоявший рядом Тушка, а после этого уже ничто не могло удержать от смеха остальных. Они так и замерли небольшой гогочущей толпой, одетые скромно, но разнообразно — кто что успел напялить, вскочив с постели, — и гоготали, словно безумные.

Конан обвел их суровым взглядом, но они никак не реагировали. Он сплюнул в сердцах и

подошел к зеркалу. Вид у него и в самом деле был комичным: здоровенный верзила, покрытый равномерным слоем белоснежного пуха.

Ни слова не говоря, он принял счищать с себя содержимое подушек, чувствуя непреодолимое желание промочить горло и нырнуть в какую-нибудь лужу, когда кто-то за спиной — ему показалось, что это был все тот же Тушка,— спокойно заметил:

— Тебе что, киммериец, женщин мало?

Кром! Этого еще не хватало!

Он резко обернулся и только тут увидел лежавшего на полу обнаженного мужчину с его мечом, зажатым в руке. Острье длинного, узкого кинжала торчало из его груди.

Конан узнал зингарский клинок Тушки, видимо, первым подоспевшего сюда.

— Плохо, Конан.— Кирим укоризненно посмотрел на молодого варвара.— Если по городу поползет слух, что в моем духане тайно собираются поклонники немедийской любви...

Не договорив, он покачал головой, но остальные его прекрасно поняли. Раздались сдержаные смешки, тут же погасшие под тяжелым взглядом киммерийца.

— Кром! Вы что, не видели, с кем я сюда поднялся?!

— Мы-то видели,— ехидно ухмыльнулся духанщик,— но покойника надо вынести отсюда, и мне придется объяснять, кто этот голый мужик, где его одежда, как попал сюда и отчего умер! То есть я хотел сказать, кто помог ему умереть?

— Не строй из себя идиота,— взгляд Конана полыхнул холодным пламенем,— если не хочешь, чтобы поутру отсюда вынесли два тела!

— Отстаньте от Конана! — Зул был серьезен. По крайней мере, выглядел серьезным.— Ему теперь не позавидуешь.— Все притихли, не понимая, к чему клонит здоровенный негр, на черной морде которого не отражалось ни единой мысли, а преданные глаза, не отрываясь, смотрели в глаза киммерийца.— Я не спрашиваю, Конан, как можно провести ночь в постели с мужиком и не почувствовать этого. В конце концов, всякое бывает.

— Клянусь Белом,— не выдержал киммериец,— еще слово, и я за себя не ручаюсь!

— Плохо другое,— как ни в чем не бывало, продолжал чернокожий,— теперь тебе придется либо полностью отказаться от женщин, либо убивать после ночи любви каждую, не дожидаясь, пока она схватится за твой меч. Хотя... Слышал я, что жил на востоке владыка, придерживавшийся второго правила.

— К Нергалу! — взревел Конан. — Что же мне теперь проверять, какого они могут стать пола? И как это сделать?

Маленький паршивец, ничуть не опасаясь угроз своего огромного покровителя, заливисто хохотал, не в силах остановиться. Тушка беззвучно смеялся, и многочисленные складки на его груди и животе весело и ритмично подпрыгивали, отчего он был похож на огромный кусок трясущегося желе, вот-вот готового растаять. Нахальный Зул смотрел на него с неподдельным сочувствием, Кирим ехидно ухмылялся.

Конан обвел всю братию тяжелым взглядом, сплюнул в сердцах и пошел одеваться.

* * *

Конан в одиночестве сидел за тем же столом и коротал время за кувшином вина, поджиная мать Мелии, которая накануне обещала навестить его еще раз. После ночного происшествия он понял, что вчерашний разговор с Аниэлой не был еще одной попыткой Мелии сблизиться с ним,

как он подумал вначале. Он понял, что дело серьезно и, скорее всего, события этой ночи и опасность, угрожавшая девушке, связаны.

Благополучно покинув проклятый дом, в одну ночь унесший три жизни, и передав камень стигийцу, он думал, что все уже позади, но, по всей вероятности, ошибся. Он еще не знал о вчерашнем визите жрецов в дом Тефилуса и не представлял, как теперь развернутся события, но в том, что опасения Мелии — не пустые девичьи страхи, у него пропали всякие сомнения.

Киммериец не хотел встречаться с Мелией, хотя и любил ее. Наверное, он мог бы жениться и осесть в Шадизаре, но такая жизнь была не по нему. Быть может, когда-нибудь, лет через двадцать... Но не теперь. Он жаждал приключений, хотел повидать свет, и не было для него звука приятнее веселого звона мечей, и цели желаннее победы над врагом!

Эта жажда вела его по жизни, придавала сил, не позволяла раскисать и надолго задерживаться на одном месте. Он и так засиделся в Шадизаре, давно уже получив здесь все, на что мог рассчитывать. Его слава самого умелого и удачливого вора Заморы начала приносить неприятности вместо денег, а это было не то, к чему он стремился.

Конечно, Конан не боялся трудностей и готов был преодолеть любые невзгоды, если дорога вела к желанной цели, но он вовсе не желал становиться игрушкой в полной опасностей игре непонятных сил, о которых не имел ни малейшего представления.

А он многое не знал.

Не знал он и о том, что Харат и Рамсис, сыгравшие с ним милую шутку давешней ночью, жестоко просчитались. Стоило им оставить молодого северянина в покое, и их цель — устраниТЬ киммерийца со своего пути — была бы достигнута сама собой.

Он никому не позволил бы уговорить себя задержаться в Шадизаре и покинул бы город, так и, оставшись в блаженном неведении относительно истинных причин последних событий, и не его вина или заслуга, что все обернулось иначе. На словах рассуждая о предпочтительности хитрости, на деле оба жреца, не задумываясь, применяли силу. По крайней мере, когда сталкивались с обычными людьми. «Жалкими людишками», как любил говорить Рамсис. И ночное нападение на киммерийца, которое Рамсис называл про себя изящным этюдом, для Конана было лишь покушением на его жизнь, пусть и необычной, но вульгарной и пошлой попыткой зарезать спящего.

И чего жрецы добились? Теперь, когда Конан понял, что страхи Мелии не надуманны и не беспочвенны, у него и мысли не возникло о том, чтобы покинуть Шадизар. Он твердо решил остаться.

... Двоих слуг вежливо распахнули двери духана, и в зал вошла сухонькая старушка в сопровождении Аниэлы. Едва минул полдень, и посетителей было мало. Старушка окинула зал надменным взглядом и подошла к киммерийцу.

— Ты Конан?

— Я Конан!

Она посмотрела на него оценивающе. Он на нее удивленно.

— Моей внучке угрожают. Я хочу, чтобы ты защитил ее.— Она ткнула в него сухоньким пальцем.— Цену назовешь сам, когда все закончится. Ты согласен?

— Я согласен.

Конан покорно кивнул. Она повернулась к дочери и надменно посмотрела на нее, словно говоря: «Видишь, как надо было действовать?» Конан улыбнулся уголками губ: старуха ему понравилась. Она же обернулась и, коротко бросив: «Следуй за нами!» — направилась к выходу.

Дом Тефилуса, или, если быть точным, Сиотвии, которая владела и домом, и шестью усадьбами, разбросанными вокруг Шадизара, по сути был небольшим поместьем, расположенным в центре города. Он занимал небольшой квартал, обнесенный массивной каменной стеной и с четырех сторон ограниченный улицами.

С одной стороны, это было и неплохо, так как, случись беда, отсюда легко было скрыться, но зато такое огромное пространство и охранять было непросто. Слишком много людей требовалось расставить вдоль стены, чтобы не сомневаться: ни один ловкач не перемахнет через стену под покровом ночи.

По крайней мере, сам Конан мог проделать это запросто, что и сделал не так давно, когда похитил из тайника хранившуюся в доме прекрасную диадему стаинной работы.

Теперь он смотрел на дело совсем иначе. Если раньше он думал о том, как проникнуть внутрь, минуя охрану, то на этот раз задача менялась на противоположную, и это будет сделать посложнее. Тут у него сомнений не возникало. Все эти мысли пронеслись в голове киммерийца, когда они подходили к дому.

Наконец высокие кованые ажурные ворота отворились, и он отметил напоследок две немаловажные детали, искренне порадовавшие его. Во-первых, хорошо было то, что стена оказалась высокой, не менее семи, а то и десяти локтей в высоту, а значит, с ходу ее не перемахнешь. А во-вторых, ни с одной из четырех сторон не росли деревья, в густых кронах которых можно спрятаться. Правда, противоположная сторона всех четырех улиц утопала в зелени, но это было не столь важно.

Зато неприятно поразило другое. Над верхней кромкой стены выселились раскидистые кроны деревьев, высаженных внутри. Они появились совсем недавно, иначе Конан прекрасно помнил бы о них. Тогда, в прошлое свое посещение, он как раз сетовал на их отсутствие, не понимая, почему в пыльном и жарком Шадизаре так мало зелени. Теперь варвар выругал в душе хозяев дома за то, что они поспешили с садом. Ну что стоило им подождать еще пару лет? С этими мыслями он вошел внутрь. Лисенок бежал рядом, успевая по пути сунуть свой любопытный веснушчатый нос во все подозрительные дыры, и вечно взлохмаченная голова его непрерывно вертелась по сторонам, а внимательные глаза примечали все.

Конан взял мальчишку с собой, потому что просто не мог оставить его одного. К тому же пара зорких глаз и чутких ушей не могла оказаться лишней, не говоря уже о том, что рядом постоянно должен был находиться кто-то, кого можно было послать за подмогой или просто с поручением, и этот кто-то должен быть знать, где найти нужного Конану человека, да и друзья варвара доверяли Лисенку и могли не опасаться, что их заманят в ловушку.

Очутившись внутри, он увидел, что все здесь осталось по-прежнему, не считая того, что с появлением растительности эта усадьба в сердце города обрела, наконец, обжитой вид. Киммериец беззлобно выругался про себя, понимая, что теперь не удастся обойтись лишь парой глаз с каждой из четырех сторон двора.

Единственным утешением могло служить то, что со стены было никак не перебраться на деревья, а это уже хорошо. Конан остановился, осматриваясь. Лисенок встал рядом, продолжая все так же стрелять глазами по сторонам. Аниэла и Сиотвия также остановились, с любопытством наблюдая за киммерийцем, ожидая, что он скажет.

Оставшиеся за спиной, стоявшие на страже у ворот двое рослых рабов, вооруженных, видимо, найденными в кладовке мечами и копьями, с интересом смотрели на огромного

молодого варвара, богато, хотя и небрежно одетого, с огромным двуручным мечом за спиной.

Внезапно варвар резко развернулся к ним, и, так и не сообразив, как это произошло, они увидели меч в его руках, словно по собственной воле выскочивший из-за спины киммерийца.

Оба парня испуганно захлопали глазами, а когда клинок начал описывать перед их лицами круги и восьмерки, а потом вдруг словно вырезал одним быстрым движением их как бы нарисованные на бумаге тела, едва ли не погладив при этом по бокам, оба зажмурились от страха, лишь сильнее стиснув древки копий.

Правда, сделали они это тоже с опозданием, уже тогда, когда меч киммерийца прыгнул в ножны за спиной, а сам он спокойно повернулся к двум застывшим в изумлении женщинам.

— Насколько я понимаю, эти двое оказались самыми бойкими среди домашних.

Конан не спрашивал, он говорил то, что и так было ясно.

Первой от изумления оправилась Сиотвия:

— Теперь ты видишь, что нас некому защитить. Правда, Тефилусу отправили письмо с гонцом, но когда он прибудет, да и дошло ли вообще письмо, нам неизвестно.

— Что ты думаешь, Лисенок?

Аниэла удивленно, а Сиотвия с интересом посмотрели на мальчишку, с которым Конан вполне серьезно советовался как с равным. Мальчуган лукаво прищурился:

— Я думаю, днем опасаться нечего — вряд ли кто-нибудь попытается проникнуть внутрь иначе как через ворота.

— Верно, — кивнул киммериец, — а ночью?

Мальчишка оглянулся и шмыгнул носом.

— Ночью нам за всем не углядеть.

— Что ты хочешь сказать, Конан?

Лицо Аниэлы побледнело, и киммериец понял, что об этом она раньше просто не думала. Киммериец пожал плечами:

— Пока ничего. Дождемся жреца. — Он посмотрел на Аниэлу. — Я хочу знать пределы своей власти.

Однако, к удивлению его, ответила ему Сиотвия:

— Ты можешь делать все, что посчитаешь нужным.

— А когда приедет Тефилус? — попытался уточнить Конан.

— Все здесь принадлежит мне! — отрезала старуха.

— Рабы? — не унимался киммериец.

— Я сказала — все!

— Значит, я вступаю во временное владение?

Она не колебалась ни мгновения:

— Да.

Двое у ворот округливши мися от удивления глазами смотрели на почтенную Сиотвию, одобрительно кивавшую Аниэлу и огромного чужака, в чью собственность они поступали, если их черные уши правильно услышали сказанное. Довольно улыбавшегося мальчишку они просто не замечали.

— Об этом должны знать все, — напомнил Конан.

— Все об этом узнают. Ты доволен? — Сиотвия вопросительно посмотрела на него.

— Да, но это не все.

— Что же еще? — Аниэла удивленно посмотрела на киммерийца, не понимая, чего же еще он может требовать, но Конан не замедлил все поставить на свои места.

— Если прибежит Лисенок и скажет, что я распорядился снести стену, то все должны немедленно взять по кирке и заняться именно этим.

Брови старухи удивленно взлетели на лоб, но колебалась она недолго.

— Пусть будет, как ты хочешь. Это все?!

— Нет. Деньги!

И тут почтенная Сиотвия впервые покраснела с досады:

— Денег нет, ведь несколько десятков золотых тебя не устроят?

Конан отрицательно покачал головой. Аниэла поглядела на мать:

— Можно продать одну из усадеб

Конан вновь покачал головой:

— Это займет слишком много времени.— Он помолчал.— Оставим это. Надеюсь, сегодня ночью к нам никто не полезет, а к завтрашней я что-нибудь придумаю.

Конан хотел сказать еще что-то, но осекся, увидев Мелию, идущую по дорожке от дома, и у него невольно захватило дух, так она была хороша.

Девушка только что увидела Конана. Поглощенная своими делами, она не обращала внимания на разговор за окном, пока внезапно не узнала в одном из говоривших киммерийца. Она бросилась во двор, желая как можно скорее увидеть его, но, пока бежала, вспомнила, сколько унижений пришлось ей испытать, когда она металась по воровскому кварталу, разыскивая его, а он, судя по всему, все это время прятался от нее, и невольный гнев пробудился в ее душе.

Аниэла и Сиотвия также обернулись на звук шагов.

— Вот и твой защитник, дочка!

Мелия шла, словно не слыша слов матери, пристально глядя в глаза своему возлюбленному. Она остановилась в шаге, все так же, не отводя глаз, и никто из присутствующих не понимал смысла этой немой сцены.

Внезапно лицо ее исказилось. Она размахнулась и залепила звонкую пощечину своему защитнику. За первой последовала вторая, за ней третья... Так же неожиданно Мелия развернулась и пошла прочь.

Молодые рабы, только что наблюдавшие, как молодая хозяйка лупит по морде нового хозяина, выглядели вконец одуревшими.

Почтенная Сиотвия, как всегда, первой пришла в себя и вприпрыжку бросилась следом за внучкой:

— Стой, паршивка! Сейчас же вернись!

Аниэла шагнула к Конану и в волнении сжалла его руку:

— Прости ее, Конан. Она просто сильно напугана, да и все мы изнервничались.

Киммериец опустил глаза и подмигнул Лисенку. Веснушчатое лицико расплылось в улыбке.

— Зубы-то целы, отец родной?

* * *

Конан с Лисенком уютно устроились в тени молодого дуба рядом с воротами, болтая о разных пустяках, когда в размеренный шум городской жизни, доносившийся из-за стены, вплелся нараставший гул строевого шага воинов, к которому примешивались цокот копыт и лай собак.

Сперва Конан подумал, что это отряд городской стражи делает обход, хотя и не очень верил в такое объяснение и тут же отказался от него. Слишком уж много их было, да еще собак... Отряд остановился у ворот, и Конан с Лисенком переглянулись.

— Почему ворота заперты? — прокричал властный голос.— Эй, кто-нибудь!

Конан поморщился: ему совсем не хотелось вылезать из тени на солнцепек. Однако делать было нечего. Он встал и не торопясь вышел на середину открытого для взора пространства.

— Чего надо?

Человек, сидевший на коне и, как видно, возглавлявший отряд, побагровел.

— Немедленно отопри ворота, иначе я прикажу всыпать тебе сотню палок!

Конан поморщился. Сотня палок — это было явно многовато, но по грозному тону киммериец понял, что не иначе как почтенный Тефилус прибыл из Аренджуна, да не один, а с сотней пехотинцев и сворой мастифов. Правда, по мнению северянина, это не давало ему права так орать. Сам же он разомлел в тенечке и вступать в перебранку не собирался.

Он пригляделся повнимательнее к человеку, спрыгнувшему с коня. Так и есть. Высок, сух, широк в плечах, с густой проседью в черных, коротко стриженых волосах. Злой, колючий взгляд глубоко посаженных под нависшими густыми бровями глаз впился в Конана. Лицо волевое, но несущее на себе отпечаток тяжелого и злобного характера. «Наверняка страдает желудком», — подумал Конан.

— Ты что, не слышал, что тебе сказано, раб?!

Было видно, что он сдерживается из последних сил, а дорожная пыль, густо налипшая на обильно струящийся по лицу пот, не добавляла хорошего настроения, но на киммерийца все это не произвело впечатления. Он-то здесь причем?

— Назовись или проваливай! — Конан, как обычно, был предельно лаконичен.

Впрочем, собеседник и не располагал к многословию. Зато Конан с удовольствием увидел, что ответ его произвел нужное впечатление. Стоявший по ту сторону ворот судорожно глотнул воздуха, словно утопающий перед последним погружением, и разразился гневной бранью.

— Дерьмо Нергалье! Насмерть запорю, сучий выродок! Отпирай, сын верблюда и свиньи!

Свора огромных мастифов, прибывших вместе с ним, поддержала своего владельца грозным и не менее злобным, чем его голос, лаем.

Ага! Похоже, его хотели оскорбить! Это был вызов. Конан довольно улыбнулся, и второй ответ его, к огромному удовольствию Лисенка, был еще лаконичнее первого.

— Проваливай!

То, что случилось вслед за этим, было трудно описать.

Несколько мгновений молодому варвару казалось, что собеседника его хватит удар. Лицо его побагровело, потом побелело. Все это время он лишь молча ловил ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Вскоре он покрылся багровыми пятнами, и тогда, наконец, его прорвало:

— Ублюдок волосатый, дерньмо шакалье! Отпирай немедленно, отрыжка Нергалова, или я утоплю тебя в ослиной моче, смрадный пес, а печень твою скормлю мастифам! Отпирай, недоумок!

Судя по всему, запас ругательств у гостя был неисчерпаем и вовсе не ограничивался сказанным, но проверить на деле, так ли это, Конану не довелось: на шум из дома выбежала почтенная Сиотвия. Она жестом оборвала словоизлияния своего зятя и обернулась к киммерийцу:

— Отвори. Это почтенный Тефилус, муж моей дочери.

С каменным лицом Конан отпер ворота и отошел в сторону, пропуская внутрь усадьбы отряд, молча протопавший мимо, свирепо лаявшую свору пятнистых мастифов и почтенного Тефилуса, который продолжал отчаянно браниться, несмотря на все уверования Сиотвии.

Наконец брань его затихла, поглощенная стенами и дверьми дома, и старая княгиня обернулась к северянину.

— Что ты сказал ему?

Киммериец пожал плечами:

— Я велел ему назвать себя или убираться.

Старая аристократка печально вздохнула и собралась уходить прочь, но Конан остановил ее:

— Быть может, теперь во мне отпала надобность?

Она покачала головой:

— Нет.

— Мы с ним не поладим,— счел нужным предупредить ее варвар.

— Пусть.— Она подумала.— Ты же видел, у него есть зубы и злобный нрав, но я чувствую, что этого окажется мало.— Она помолчала.— В конце концов, я здесь хозяйка. Если он не поймет этого, уйти придется ему.

* * *

Тефилус возбужденно ходил из угла в угол, а три женщины сидели в креслах и ждали, что он скажет. В самом начале разговора Мелия, к огромному удивлению матери и бабушки, спокойно выслушала первую, как обычно, изобиловавшую ругательствами тираду своего родителя и спокойно ответила:

— Отец, ты приехал ради меня, и мне это приятно, но если ты не перестанешь браниться, то или уйду я, или уйти придется тебе.

Она замолчала, и замолчал Тефилус, чем немало удивил и Аниэлу, и Сиотвию. Некоторое время он ходил из угла в угол, несколько раз порываясь заговорить, но останавливался, видимо, не в силах составить непривычную для себя фразу. Наконец он собрался.

— Что здесь делает этот варвар?

— Я наняла его, — спокойно ответила Сиотвия.

— Хорошо,— кивнул мужчина.— Я понимаю, это было необходимо, но теперь, когда я привел сотню умелых бойцов и десяток свирепых псов, мне кажется, можно избавить дом от его присутствия?

— Нет.

Ответ был столь же категоричен, сколь и краток. Тефилус задумался. В этом разговоре ему приходилось прибегать к голосу рассудка, с которым он не очень-то привык считаться. Это было непривычно, и он решил подойти к делу с другого конца.

— Вы знаете, что он вор?

Три женщины спокойно кивнули.

— А вам известно, что два года назад он похитил из этого дома ожерелье?

Это был решительный удар, которым он надеялся сразить их наповал, но ответ Аниэлы поверг его самого в шок.

— Именно поэтому он останется здесь.

— Как понимать тебя?

Тефилус недоумевающе посмотрел на жену, но вместо нее ответила Сиотвия:

— Если твою дочь попытаются похитить, никто не сможет защитить ее лучше человека, знающего, как это делается.

— Мне кажется, для этого не нужно особого ума, достаточно и силы.

— Ты уже говорил об этом пару лет назад.

Лицо Тефилуса побагровело, но он сдержался.

— Хорошо.— Он повернулся к Сиотвии: — Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы вы действовали сообща.

— Чтобы я общался с этим ублюдком? — Возмущение было столь велико, что он не смог сдержаться от оскорбления.— Ни за что!

— Отец, я предупреждала тебя!

Мелия встала с решительным видом. Тефилус примирительно поднял руки:

— Прости меня, дочка, вырвалось. Останься.

Мелия села, а Тефилус, помолчав немного, произнес:

— Я согласен не замечать его присутствия, пока опасность не минует. Большого от меня требовать никто не вправе.

— Большого и не нужно.

Сиотвия удовлетворенно кивнула. Аниэла взяла со стола молоточек и ударила в маленький бронзовый гонг. Дверь отворилась, и вошла молодая рабыня.

— Ступай и позови Конана.

Едва дверь за девушкой закрылась, Тефилус спросил:

— Как ее звать?

— Сурия,— ответила Аниэла,— я купила ее неделю назад.

— У тебя мало рабынь?

Но жена его лишь пожала плечами:

— Я случайно прогуливалась мимо невольничего рынка. Ее хотели продать в храм Затха. Девушка так жалобно смотрела на меня, и я не выдержала. Ты ведь сам знаешь, что ее ждало бы там.

Конан вошел и остановился в шаге от двери, поочередно оглядев всех присутствующих, пока взгляд его не встретился со взглядом Сиотвии.

— Ты волен делать все, что хочешь, и никто не станет вмешиваться в твои действия. Точно так же Тефилус и его люди могут поступать, как посчитают нужным,— это их право. Но ни один из вас не должен мешать другому. Ты согласен с этим?

Конан молча кивнул.

— Ты будешь придерживаться этого договора? — Сиотвия повернулась к Тефилусу, тот закусил губу.

— Ну?! — Она требовательно нахмурилась.

— Согласен,— выдавил он из себя и отвернулся к окну.

Некоторое время все молчали. Конан спокойно ждал окончания разговора, нисколько не тяготясь присутствием Тефилуса, хотя и предпочел бы ему общество Лисенка.

— Я могу идти?

Вопрос был обращен к Сиотвии, но она не успела ответить — ее опередил отец Мелии.

— Постой... Конан,— Тефилус говорил через силу, словно глотал жабу.— Мне тут говорили о тебе, как о большом...— он вновь поморщился,— знатоке подобного рода дел. Что нас ожидает?

— Мне неизвестно, что нужно жрецам, но если Мелию захотят выкрасть... Мы ведь этого опасаемся?

Он вопросительно посмотрел на Аниэлу, и та кивнула.

— Ее выкрадут,— закончил Конан лаконично.

Мелия обмерла, ее мать и почтенная Сиотвия выглядели не лучше, даже бравый Тефилус хмуро молчал. Никто из них не ожидал такого ответа, и дело было даже не столько в мрачности предсказания Конана, а в том, каким деловым и спокойным тоном он это сказал.

— Во всяком случае,— добавил киммериец,— если бы мне заплатили хорошие деньги, я бы

сделал это.

— Даже если бы ее охранял такой знаток своего дела, как Конан? — Тефилус уже пришел в себя и не замедлил поддеть ненавистного варвара.

— Да. — Конан спокойно посмотрел на него. — Нельзя предусмотреть всего. В любой защите найдется слабое место. Не на десятый раз, так на сотый.

— Неужели все бессмысленно? — Аниэла с надеждой посмотрела на Конана. Ей не верилось, что все так плохо.

— Ты спрашиваешь, можно ли спасти дочь, и хочешь знать, как это сделать? — Он обвел взглядом присутствующих. — Нужно увезти Мелию.

— Как... Куда?

Аниэла выглядела растерянной. Мелия подавленно молчала. Тефилус не выдержал.

— Ты! Варвар без роду и племени! Тебе легко рассуждать!

Конан пожал плечами:

— Это верно, и потому я говорю: лучше провести остаток жизни в Кордаве, чем закончить ее в Йезуде!

Пораженные мрачным пророчеством, все вновь замолчали, но Конану отчего-то казалось, что его здравому совету никто не собирается следовать.

— Неужели нельзя ничего придумать, чтобы не уезжать?

Конан с сожалением посмотрел на Мелию. Даже она, хоть и очень боялась, не понимала всей серьезности положения, считая лишь более или менее крупной неприятностью смертельную беду, стоявшую у порога.

— Можно попробовать отсидеться здесь, — ответил он со вздохом.

— Ты говорил, что умный вор обязательно найдет способ получить то, что нужно.

Тефилус упорно хотел показать всем несостоятельность Конана.

— Верно, — кивнул киммериец, — но кое о чем я не упомянул.

— Что же это?

— Время, — ответил он спокойно, и все поняли его мысль.

Даже Тефилус вновь умолк, задумавшись о том, что проклятый варвар прав, и все, в самом деле, зависит от находчивости вора и времени, отпущенного ему на перебор вариантов. И оттого, что такая простая мысль не пришла в голову ему самому, разозлился еще больше.

Он не признавался себе в этом, но подспудно чувствовал превосходство над собой молодого северянина, в сущности выражавшееся до сих пор лишь в трезвой оценке происходящего. Он видел, что, несмотря на все старания, остается в глазах жены и дочери на вторых ролях, а память упорно подкидывала воспоминание о той давней краже и порожденном ею унижении, скорее, надуманном, но не дававшем покоя ни на миг. И сколько, по-твоему, у нас времени?

— У них, — поправил Конан Сиотвию. — Об этом нам скажет жрец.

* * *

— Я пришел за ответом.

Жрец стоял у ворот, мрачно глядя на воина, который, следуя указаниям Конана, без лишних слов отпер замок и впустил его во двор, однако, когда служитель Затха хотел проследовать в дом, решительно преградил ему путь.

— Не велено!

— Вот как! — зло прошипел жрец.— Ну, так пошли кого-нибудь в дом!

Стражник обменялся взглядом со своим напарником, и тот быстро зашагал вглубь усадьбы.

— Надеюсь, мне не придется ждать слишком долго?

Вопрос его повис в воздухе, так и оставшись без ответа, но ждать слишком долго действительно не пришлось. Стражник еще не успел соскучиться по своему товарищу, как дверь отворилась, и он показался вновь, идя на этот раз не один, а в сопровождении почтенного Тефилуса.

Он остановился в двух шагах от незваного гостя и, не ответив на почтительный поклон последнего, что в данном случае было вполне уместно, задал не очень вежливый, но зато вполне естественный вопрос:

— Чего надо?

Выражение его надменного лица, носившего отпечаток постоянного недовольства, как нельзя лучше соответствовало этому разговору со столь же бесцеремонным, как и он сам, гостем.

— Я пришел за ответом,— напомнил жрец.

— Я не знаю вопроса.

Взгляд Тефилуса был тяжелым.

— Великий Хараг требует твою dochь!

— Зачем?

Тефилус оставался на удивление спокоен, хотя все внутри у него бурлило от ярости.

— Ее ждет почетная участъ! — напыщенно, но совершенно неопределено ответил жрец.— Многие мечтали бы увидеть свое дитя на ее месте!

— Вот пусть эти многие и займут его, а я не привык разбрасываться детьми! — Ответ Тефилуса был вполне логичен, но не понравился гостю.

— Хараг не привык к отказам!

— Это его трудности.— Тефилус пожал плечами.

— Ты не понял, человек,— гордо объяснил жрец.— Мой бог не принимает отказов!

— Мой ему придется принять! — не сдержавшись, выкрикнул Тефилус.

— Ты просто глуп. То, что мой бог не получает добром, он берет силой!

— Шакалий кал, твой Хараг! Возвращайся к нему, смрадный пес, и передай, что, если еще хоть один паучий выкорьмыш появится здесь, я скормлю его кишкам мастифам!

Жрец зло сверкнул глазами и повернулся к выходу, на прощание бросив через плечо:

— Твоя dochь все равно умрет.

Вот это жрец сказал зря, ибо тут выдержка, качество, непривычное и неестественное для Тефилуса, окончательно изменила ему. Каким бы человеком ни был Тефилус, а dochь свою он любил, а потому, услышав столь недвусмысленную угрозу, выхватил у стоявшего рядом воина меч и проткнул им злосчастного слугу Затха.

— Умри, пес!

За мгновение до смерти жрец понял свой промах. Глаза его округлились от страха, рот исказился в беззвучном крике, когда он понял, еще не почувствовав боли, что острые сталь впивается ему в поясницу.

Он так и не закричал, лишившись жизни быстро и глупо, но безболезненно. Тефилус вытащил из его тела окровавленный клинок, и мертвое тело повалилось в пыль.

— Уберите эту падаль.

Он обернулся, так и не заметив, когда рядом появились Конан и три женщины: жена, ее мать и dochь.

— Не нужно было убивать жреца,— произнес Конан. Их взгляды встретились, и что-то в

глазах киммерийца удержало Тефилуса от ругани. Быть может, он увидел в них понимание и сочувствие?

— Не твое дело, — мрачно огрызнулся он и посмотрел на жену, ища у нее поддержки.

Что-то подсказывало ему, что он допустил ошибку и произошел перелом, что он мечом своим провел кровавую разделительную черту между тем, что было до сих пор, и тем, что ждет их в будущем. Мелия и Сиотвия мрачно смотрели на валявшийся в пыли труп, и тяжелые предчувствия рождались в их душах.

— Не нужно было убивать жреца,— повторил Конан.— Еще до захода солнца об этом узнают в храме Затха, а мы не готовы.

Тефилус бросил на него злобный взгляд и на этот раз ничего не ответил.

Все невольно смотрели на солнце, клонившееся к крышам домов, готовое вот-вот нырнуть за линию горизонта, край неба над которым зловеще окрасился алым предзакатным огнем.

— Нужно ждать гостей,— спокойно бросил Конан и скрылся в доме, а вместе с ним и Лисенок.

Киммериец был зол как никогда, и ему надо было дать выход душившей его злости, но он не хотел делать этого в присутствии Мелии и ее родственников. Глупость людская всегда злила его. Этот напыщенный придворный павлин, мнящий себе умнее всех, приехал из Аренджуна, чтобы спасти дочь, но действовал так, словно целью его было погубить ее!

Таскать Нергала за хвост — опасная игра, и если уж в тебе живет страсть к дурацким штукам, будь готов увернуться от удара копытом в лоб! Сам Конан всегда придерживался этого правила, стараясь следовать первой его половине, памятую о том, что даже осел, никогда не сунется на чужую территорию, не разведав предварительно путей к отступлению.

Одним словом, не умея плавать, не лезь в глубину. Этот вельможа с легкостью играл жизнью любимой дочери, жертвуя ею в угоду своей гордости и необузданному нраву, а в том, что Тефилус любил дочь, Конан не сомневался.

Киммериец ворвался на кухню, и толстая повариха, напуганная его свирепым видом, округлившимися глазами смотрела, как он огромными глотками вливает в себя запас пултенского, приготовленный к господскому ужину.

— Что, вина больше нет? — удивленно спросил Конан, ставя на стол пустой жбан.

— Сейчас принесут,— ответила она, заикаясь, переводя изумленный взгляд с молодого варвара на опустевший объемистый сосуд.

— Отец...

Мелия испуганно посмотрела на Тефилуса.

— Не бойся, дочка. Он просто хочет казаться умнее. Ему не нравится, что я здесь, и он перестал быть твоим главным защитником, от которого зависит все.

— И все-таки...— начала было Аниэла, но муж оборвал ее:

— Не о чем беспокоиться. Я сейчас же велю выпустить мастифов, и хотел бы я увидеть человека, которому удастся отойти от стены больше чем на два шага! Брун! — Он обернулся к сотнику.— Спускай собак с привязи!

— Да, господин.

* * *

Ночь близилась к концу. Скоро утренняя заря полыхнет над крышами домов и начнется

новый день. Что он принесет им? Теперь, когда позиции сторон прояснились, казалось бы, Конан мог действовать с большей уверенностью, но он понимал, что далеко не все так просто.

Намерение жрецов Затха выкрасть Мелию теперь, после признания убитого Тефилусом жреца, стало непреложным фактом, но говорить о том, что ситуация упростилась, явно рано.

После покушения вчерашней ночью на него самого Конан понял, что затеяна крупная игра и противник их далеко не так прост, как о том думает Тефилус. Более того — он смертельно опасен. Он силен настолько, что может позволить себе разыграть дешевую балаганную пьесу, подослав к нему превращенного в девицу опытного воина. Как видно, противникам помимо девушки хочется получить удовольствие от самой игры, раз они пошли на нее. Насколько проще было бы нанять человека, который пырнул бы его ножом в спину и скрылся в толпе! Ах, нет...

Ну что ж, каждый развлекается, как может, и, если кому-то хочется повеселиться за чужой счет, он не может этого запретить! Киммериец никогда не отказывался от хорошей шутки, не собирается отказываться и теперь, но горе шутнику, когда ответ Конана достигнет цели!

Но все это утром. Сейчас он знает цель и силу противника. Это немало, но это не все. Он не знает средств, которыми располагает «шутник», да и своих средств в виде наличных денег у него маловато.

Ну что ж, Конан пожал плечами, не впервые ему приходится недостаток денег восполнять смекалкой. Что же касается врагов, в таком городе, как Шадизар, трудно что-то утаить надолго! Завтра он все узнает.

Занятый своими мыслями, Конан не сразу заметил странную тишину, повисшую снаружи. До сих пор мастифы беззлобно и нечасто перекликались, но теперь киммериец поймал себя на том, что уже какое-то время не слышит собачьей перебранки.

Он осторожно уложил на лавку прикорнувшего у него на плече Лисенка и прикрыл его медвежьей шкурой: несмотря на дневную жару, ночи все еще были прохладными.

Мальчишка сладко причмокнул во сне губами и уютно свернулся калачиком под толстым теплым мехом, и его шкодливая рожица даже во сне чему-то плутовато улыбалась.

Варвар направился к выходу так тихо, что ни одна половица не скрипнула у него под ногами.

В доме было два входа: парадный, через который ходили хозяева, и черный для прислуги. Парадная дверь была закрыта на засов — Конан сам проверил это, и попасть через нее в дом было невозможно. Заднюю же он специально запер лишь на крючок, который легко отпирался снаружи. Оставить ее просто открытой было бы опасно: слишком похоже на ловушку.

И все-таки Конан опасался, чтоочные гости пожалуют через окна, а их даже на первом этаже было немало, не говоря уже о двух верхних. Он выругал себя за то, что не остался снаружи, устроившись на ночлег в пустующем флигеле позади дома, но тут же приказал себе успокоиться. Поступи он так, и риск оказаться не у дел был бы гораздо больше.

Он замер у двери, прислушался. Стояла мертвая тишина. Конан выругал себя еще раз. Ну что он, в самом деле, вспокоился! Ведь все же продумано еще с вечера. Он сам проверил окна. Запоры их были вполне надежны и не внушали опасений, а если злоумышленник и попытается выдавить стекло, он непременно услышит.

Если же кто-то решит проникнуть через верхние этажи, то столкнется с теми же трудностями. Нужные двери внутри дома были оставлены приоткрытыми, и Конан не сомневался, что узнает о предполагаемом визите гостя еще до того, как тот сумеет пробраться в дом. Так что самым вероятным путем внутрь оставалась задняя дверь. Единственным, что смущало Конана в его умозаключениях, была излишне очевидная привлекательность такого шага.

Впрочем, остановил он себя, не слишком ли многое он хочет от наемного вора, цель которого — побыстрее сделать дело, получить деньги и убраться восвояси? Он прислушался и, услышав тихий, натужный скрип, понял, что кто-то проверяет прочность оконных запоров.

— Конан! Лезут! — раздался очень тихий шепот, и детская ручка коснулась его руки.

Киммериец невольно вздрогнул: он-то был уверен, что Лисенок уютно посапывает под теплой медвежьей шкурой. Он понял, чему его маленький товарищ улыбался во сне: все-таки обмануть самого Конана это не просто!

— Оставайся здесь,— так же тихо ответил киммериец и, бесшумно пройдя через зал, остановился рядом с дверью.

Теперь он видел Лисенка — не потому, что тот плохо спрятался, а потому что киммериец знал, где он стоит, а видеть мог почти в полной темноте — и ему стало спокойнее. Он не собирался убивать вора, а значит, возможна потасовка. Киммериец был уверен в своих силах, но, если бы Лисенок угодил под случайный удар, никогда не простил бы себе этого.

Оставалось только ждать. Теперь Конан не сомневался, что, попробовав окна, посетитель наверняка попытается пробраться через дверь, прежде чем лезть наверх. Сам бы он даже не стал проверять окна первого этажа, обитатели которого ждут ночного гостя, но воришко, как видно, не отличался умом, а может быть, просто посчитал, что хозяева полностью положились на верность и свирепость псов. Что ж, может быть.

Скрип повторился у следующего окна, ближе к двери, но на этот раз незнакомец решил не утруждать себя бесплодными попытками и, убедившись, что окно заперто, почти сразу прекратил их.

Конан приготовился. Он понял, что теперь гость направится к двери, и в следующее мгновение услышал осторожные шаги на наружных деревянных ступенях. Конан посмотрел на засов и увидел тонкую стальную спицу, просунутую в узкую щель между дверью и стояком.

Киммериец хорошо знал это приспособление, которым сам не раз пользовался. С его помощью можно было поднять засов даже на двери, отпирающейся внутрь дома. Именно это сейчас и происходило — повинуясь руке взломщика, дверь тихонько заходила взад-вперед, облегчая ход засова, и тяжелый язык медленно пополз вверх. Послышался легкий скрип, который тут же замер. Человек снаружи подождал немного, но все было спокойно.

Скрип повторился, на этот раз без перерыва. Дверь пропела свою жалобную песнь и остановилась, оставив достаточно места человеку, бесшумной тенью скользнувшему внутрь.

Незнакомец вошел и прикрыл дверь.

В доме было гораздо темнее, чем снаружи, и он остановился, привыкая к темноте, настороженно оглядываясь, ориентируясь в незнакомой обстановке.

Ни оглянуться толком, ни тем более сориентироваться, но не успел. Могучие руки варвара стальными капканами сомкнулись на его теле — одна на правой руке, державшей узкий, остро отточенный кинжал, другая на горле, не только лишив его возможности позвать на помощь, но даже просто что-то прохрипеть.

Человек отчаянно извивался, пытаясь свободной, левой рукой достать Конана, стоявшего сзади. В это время киммериец увидел темный клубок, прокатившийся по полу. Через мгновение ноги незваного гостя оказались крепко связанными, а конец веревки уже обвился петлей вокруг свободной руки и накрепко примотал ее к туловищу.

Мгновением позже, так и не издав ни единого хрипа, незнакомец обмяк в руках киммерийца и начал сползать на пол. Конан принял связывать пришельца понадежнее, а Лисенок, повинуясь его безмолвному приказу, осторожно скользнул в дверь.

Проверив, жив ли его подопечный, и вставив ему аккуратный кляп, киммериец принялся вязать замысловатые узлы. Он устал и перед тем, что предстояло ему поутру, хотел поспать хотя бы несколько часов. Ему вовсе не улыбалось, проснувшись, обнаружить вместо пленника моток узловатой веревки на полу, а потому он не ленился.

Глава пятая

— Где этот трижды проклятый Сетом варвар?! — Тефилус не мог устоять на месте и как заведенный бегал вдоль строя своих воинов. — Я прикажу шкуры спустить со всей сотни твоих козлов! У тебя не воины, а шакалье дермо! Вонючий киммериец, обезьяний выкормыш, отравил моих псов! Я хочу лично выпустить из него кишки! — Он грозно уставился на сотника. — Ты доставишь мне его к полудню, или, клянусь зубами Сета, я всех отправлю к Нергалу!

Тефилус был зол настолько, что ничего вокруг не замечал. Брун и его воины безмолвно и мрачно взирали на своего хозяина, боясь слово молвить поперек. Даже Сиотвия, несмотря на ранний час стоявшая здесь же с дочерью и внучкой, не находила слов. Десять огромных мертвых псов, уложенных в ряд позади дома, выглядели угнетающе, а непрерывные крики Тефилуса лишили окружающих способности здраво мыслить.

Конан, позевывая, стоял в дверях небольшого флигеля, уютно расположившегося в кустах сирени, позади дома. Никто не обращал на него внимания, и некоторое время он молчал, пока, наконец, ему не надоело слушать бредни Королевского Дознавателя.

— Кром! Я слышал, ты обвиняешь меня в отравлении?!

Тефилус осекся, словно с разбегу налетел на каменную стену, и тупо уставился на невесть откуда взявшегося варвара. Лицо Мелии, как, впрочем, и Сиотвии с Аниэлой, осветилось улыбкой, а в глазах всех троих Конан без труда прочел искреннее облегчение — этого ему было вполне достаточно.

— Кто же тогда?

Киммериец пожал плечами, досадуя на очевидную бессмысленность вопроса.

— Тот, кому они мешали.

Он посмотрел в лицо Тефилуса и разочарованно покачал головой: тот не верил ни одному его слову. Больше того, киммериец понял, что в покрытой сединой голове зреет какая-то мудрая мысль, готовая вот-вот вырваться наружу, и почувствовал, что сейчас последует новый взрыв ярости.

Для Конана стало совершенно очевидно, что отец Мелии не собирается прислушиваться к голосу рассудка, а здравый смысл не относится к числу его советчиков, а потому не стал дожидаться очередной порции ругани.

— Тебе нужен отравитель? — Он поймал взгляд Тефилуса и понял, что опередил его всего на миг, но этого хватило, чтобы остановить новую вспышку гнева. — Изволь.

Варвар шагнул внутрь флигеля и, ухватив валявшегося на скамье верзилу за шиворот, вытащил его наружу. Он увидел, как побледнела Мелия, а Аниэла закрыла рот рукой, сдерживая готовый вырваться крик. Лишь Сиотвия, единственная из трех женщин, выглядела спокойной. Она одобрительно кивнула Конану, давая понять, что он вполне оправдал ее надежды.

На самом деле она была не просто удовлетворена. Старуха терпеть не могла своего зятя и была рада, что не он, а именно Конан захватил незваного гостя. Она знала, что удача киммерийца вызовет неизбежную злость Тефилуса, но надеялась, что она же вынудит его помалкивать и, стиснув зубы, переживать свою неудачу.

— Надеюсь, у тебя есть люди, умеющие развязывать языки?

Северянин вопросительно посмотрел на Бруна. Тот молча кивнул.

— Тогда оставляю его тебе, а я что-то проголодался за ночь. — Он собрался уходить, но в последний миг обернулся. — У меня только одно условие — он должен остаться жив.

— Зачем это тебе? — подозрительно покосился на него Тефилус.

— Смерть — единственное, чего нельзя исправить, — спокойно ответил варвар.

— Ну и что?

Конан пожал плечами:

— Если он ничего не скажет, пока жив, то мертвым уж точно не заговорит. Вчера ты мог сам убедиться в этом.

Конан вернулся через полквадранса. Еще на подходе к флигелю он услышал сдавленное мычание, перемежающееся стонами, и понял, что люди Бруна времени даром не тратили.

Войдя во флигель, он обнаружил яростно расхаживающего взад и вперед Тефилуса и красного от злости Бруна. «Человек, умеющий развязывать языки» взмок от непрерывной получасовой работы, но, судя по хмурому выражению его лица, добиться ничего не сумел.

Пленник висел на вывернутых назад руках. Время от времени ему задавали вопросы, но он упорно молчал. Так же молча он получал очередную порцию плетей и выслушивал вопрос — тот же самый или другой. Потом все повторялось сначала.

— Как успехи?

Конан остановился в дверях, критическим взглядом окинув присутствующих.

— Никак! — огрызнулся Тефилус. — Если бы не твоё непонятное желание оставить этому мерзавцу жизнь...

— То что? — равнодушно спросил киммериец, ковыряясь щепочкой в зубах.

— Он бы у меня живо заговорил! — зло прошипел Королевский Дознаватель. — И не таким языкам развязывали!

— Интересно — как? — все так же равнодушно поинтересовался молодой варвар.

— Я бы его на куски нарезал!

Тефилус хмуро уставился на пленника. Конан поморщился:

— Не любишь ты людей, Тефилус! Клянусь Кромом, все можно сделать гораздо проще.

Он подошел к висевшему на импровизированной дыбе и вынул из его рта кляп.

— Ты знаешь, кто я? — миролюбиво спросил он, не переставая жевать свою щепочку.

— Ты Конан. Слышал о тебе, — помолчав, отозвался пленник.

— От жрецов? — уточнил Конан.

— Я сам жрец, — невесело усмехнулся пленник, и крупная капля пота сорвалась с его мокрого лица и упала на пол. Он со злостью посмотрел на молодого варвара. — Ты Конан, — повторил он, словно лишь теперь эта мысль дошла до его сознания. — Мне следовало быть осторожнее.

Киммериец искренне удивился.

— Тебе не следовало приходить, — сказал он убежденно, — но теперь это неважно, раз ты здесь.

— Я ничего не скажу. — Жрец упрямо поджал губы.

Конан усмехнулся и выплюнул щепку на пол.

— Ты говоришь, что слышал обо мне, значит, должен знать, что я слов на ветер не бросаю. Так вот, обещаю: ты мне скажешь все, — проговорил он убежденно.

— Ты обещал не убивать меня! — воскликнул жрец и тут же замолчал, со злостью уставившись на варвара, ибо понял, что своей несдержанностью выдал себя.

— Не совсем так, — ухмыльнулся Конан, — я просил их не убивать тебя до моего прихода.

Киммериец повернулся к людям Бруна:

— Снимите его.

Те посмотрели на своего сотника. Брун утвердительно кивнул. Тотчас груз с ног был срезан, а еще через мгновение и сам пленник безвольно повалился на пол.

— Поставьте его на ноги.

Двое подхватили жреца под руки и подняли, но стоять он был не в состоянии. Наверное, если бы его сейчас отпустили, он бы и шагу ступить не смог.

Конан молча выхватил из болтавшихся на поясе Бруна ножен кинжал и подошел к пленнику сзади.

— Я не стану тебя убивать, по крайней мере, пока.

Он просунул кинжал под пояс пленника и рванул на себя. Одежда повалилась на пол, и тело жреца оголилось по пояс.

Конан кивнул воинам

— Бросьте его на скамью.

Те исполнили приказ, но бедняга жрец не удержался и соскользнул коленями на пол. Тефилус молчал. Лицо Бруна не выражало ничего, кроме удивления. Конан с усмешкой протянул ему кинжал и вновь кивнул воинам:

— Держите его, чтобы не вырвался.

Те, не понимая, что он собирается делать, выполнили приказ, гадая, что же сейчас последует. Конан шагнул вперед и неожиданно выхватил из-за спины меч. Холодная острыя сталь коснулась тощего зада жреца.

— Мне стоит сделать лишь одно небольшое движение, и тебя с удовольствием возьмут в любой из гаремов Турана.

— Во имя Затха! Ты не сделаешь этого!

Он попытался оглянуться, но, придавленный к скамье, не мог сделать этого. Брун поморщился.

— Во имя Крома, я сделаю это,— спокойно возразил Конан.— Ну? Будешь говорить?!?

— Да! — выкрикнул тот, и державшие его воины сдавленно гоготнули.

— Так-то лучше.— Конан убрал меч.— Зачем понадобилась Мелия Затху?

— Ее собираются принести в жертву.

— Когда?

— В ближайшее новолуние.

— Что еще?

— В Аренджуне наняли людей.

— Сколько?

— Не знаю, но им дали два дня.

Жрец оставался в прежней позе и старался говорить как можно быстрей и лаконичней.

— Так мало?

— Да, и это предельный срок.

— Пожалуй, это все, что я хотел знать. Теперь ваш черед спрашивать.

Он кивнул Тефилусу и собрался уходить, но тот остановил его.

— Ты по-прежнему настаиваешь, что он должен жить?

— Да.— Конан обернулся и серьезно объяснил: — Я еще не повидался с пославшим его.

* * *

— Я никуда не пойду.

— Поздно упорствовать, ты уже рассказал нам все, что знал.

— Ты не понимаешь,— жрец ненавидяще посмотрел на Конана,— если я появлюсь в храме,

меня ждет смерть.

— Смерть — серьезная неприятность, клянусь жвалами Затха! — расхохотался Конан.— Ты меня убедил, жрец.— Он на миг задумался.— Давай договоримся иначе: ты доведешь меня до места и скажешь, как найти... этого... Харага. А чтобы по дороге ты не потерялся, с нами отправится четверка воинов Бруна.

Киммериец вопросительно посмотрел на Тефилуса, и тот кивнул, показав, что не возражает, а Конан продолжал:

— Тебя отпустят, как только я выйду из храма.

При упоминании об этом условии жрец мгновенно сник.

— Тебя не пропустят в святилище.

— Ничего. Надену твой плащ, и разницы не заметят.

— Ты не знаешь пароля.

— Но его знаешь ты!

Жрец кивнул и обреченно сник.

— Хорошо.

Конан хорошо знал святилище Затха — старинное здание в центре города, украшенное бесчисленными изображениями бога-паука, в разных позах и с разных сторон, когда-то роскошное, а теперь запущенное, загаженное птичьим пометом.

— Ждите.

Он коротко кивнул на прощание бледному как смерть жрецу и, перейдя уже шумевшую в этот час рыночную площадь, начал подниматься по выщербленным мраморным ступеням широкой, во все здание, лестницы.

По правде говоря, ему вовсе не нужен был жрец, для того чтобы совершить задуманное. Со свойственной молодости самоуверенностью, помноженной, правда, на трезвую оценку и опыт, он не сомневался, что, стоит лишь ему назвать себя, Хараг появится без всяких паролей. Он лишь опасался возможных пакостей со стороны ночного гостя, отпусти он его раньше времени.

Киммериец вошел в огромный круглый зал и подумал, что прежде, похоже, здесь бывало людно, но времена эти давно в прошлом. Он был один. Он оглядел ряд колонн серого мрамора, подпиравших тянувшийся по периметру балкон и, шагнув вперед, оказался у чаши для жертвоприношений. Варвар бросил серебряную монету, и мелодичный звон наполнил огромное помещение.

Это было удивительно, но Конан так и не заметил, откуда взялся служитель. «Видно, стоял за одной из колонн», — решил он.

— Я рад раннему посетителю.— Жрец, улыбаясь, оглядел гигантскую фигуру киммерийца, но во взгляде его хитрых глаз варвар заметил настороженность.— Не видел тебя здесь прежде.

— Немудрено,— проворчал Конан,— я здесь впервые.

— Затх рад каждому новому приверженцу.

Лицо жреца расплылось в слашевой улыбке, как жидкое тесто на сковороде

— Я почитаю только Крома, запомни это, жрец.

— Так зачем же ты пришел сюда, варвар? — прошипел служитель, и лицо его мгновенно сделалось злым.

— Я Конан,— киммериец сбросил на пол позаимствованный плащ,— и если тебе мое имя ничего не говорит, назови его Харагу и скажи, что я хочу встретиться с ним.

— Хараг занят важными делами! — надменно ответил жрец.

— Скажи и увидишь, что для меня он время найдет!

Жрец еще раз внимательным взглядом окинул гиганта-незнакомца, и что-то подсказало ему, что тот действительно пришел не просто так.

— Жди меня здесь.

Конан кивнул, и жрец удалился.

Ожидание продлилось недолго. Киммериец еще не успел соскучиться, когда почувствовал слабый ток воздуха, словно где-то рядом открылся невидимый проход, и мгновенно обернулся.

В паре локтей от него отворилась потайная дверь, и в проеме показался коротышка толстяк в жреческой мантии.

Чутким слухом киммериец уловил едва слышное бряцание оружия внутри, но никто больше не появился, и дверь закрылась, так что Конану осталось лишь гадать, что случилось бы, не обернись он вовремя.

— Гостю Харага нечего опасаться в храме Затха! — словно угадав мимолетные мысли молодого варвара, поспешил успокоить его коротышка и с любопытством посмотрел на молодого варвара.— О чём ты хотел говорить со мной?

— Меня наняли охранять Мелию.

— Никогда не слышал о такой.

— Брось юлить, паук! — Лицо Конана посуворело.— Сегодняшней ночью я уже выловил одного. Он умер нехорошо, но перед смертью рассказал много чего интересного.

— Ты поднял руку на жреца Затха! — взревел толстяк, и лицо его побагровело.

Конан спокойно кивнул, недвусмысленно давая понять, что да, поднял.

— Значит, слышал о Мелии,— заключил он.

— Ее должны принести в жертву в нынешнее полнолуние, иначе все пропало! — вдруг выпалил жрец.

— Что ты вдруг разоткровенничался? — удивился киммериец.— Странно это.

— Я просто хочу, чтобы ты понял: ее ничто не спасет! — прошипел он.— Пусть приходит сама. Этим она облегчит жизнь всем!

Конан наклонился к жрецу, и тот испуганно отпрянул. Если с головы Мелии упадет хотя бы волос, клянусь Кромом я разорю вашу поганую паучью нору в Йезуде!

— Твоя девка все равно умрет! — зло прошипел коротышка, который, похоже, нормально говорить не умел вовсе.— Ты ничего не сможешь сделать, хвастун!

Еще никто не называл Конана хвастуном. Кровь прихлынула к его лицу.

— Я могу всех нас избавить от проблем.

Он шагнул к жрецу. Лицо киммерийца было страшным, и толстяк, почувствовав недобро, попытался скрыться в потайную дверь, из которой вышел, но было уже поздно. Руки Конан стальным капканом сомкнулись на голове жреца и резко рванули ее в сторону. Раздался хруст, показавшийся оглушительным в огромном, пустом зале, и Конан разжал руки. Безжизненное тело комком тряпья упало на пол.

— Прекрасно проделано! — Раздавшийся откуда-то сверху голос был молодым и веселым.— Затху нужны умелые воины. Почему бы тебе не сменить нанимателя?

Конан вышел из-за ряда колонн. Молодой высокий жрец, стоявший на кольцевом балконе, был совершенно не похож на низкорослого толстяка, явившегося на зов варвара. Вероятно, он и был Харагом. Впрочем, Конан не жалел о сделанном: одним пауком стало меньше, а значит, воздух в Шадизаре станет лишь чище.

— Вероятно, ты и есть Хааг?

— Конечно.— Весельчак ухмыльнулся.— Неужели ты думал, что я лично выйду выслушивать объяснения какого-то вора?

— Однако ж ты здесь, клянусь лапами Затха! — усмехнулся киммериец, и улыбка сползла с лица жреца.

— Ты не ответил на мой вопрос! — резко бросил он.

— Отчего же не наняться? — Конан посмотрел в лицо Харагу. — Однако не раньше, чем закончу нынешнее дело. Всему свой черед. — Он сделал паузу и усмехнулся. — Если, конечно, ты к тому времени будешь еще жив.

Гнев исказил довольно приятное лицо Харага.

— Ты смеешь говорить это мне, варвар?!

В голосе его послышалась угроза, но Конан не отвел взгляда.

— Ты слышал, что я сказал этому мешку с дерьяном? — он указал на валявшееся на полу тело толстяка. — Выбирать тебе!

— Значит, ты не уйдешь отсюда!

Едва услышав эту угрозу, Конан отпрыгнул в сторону и обернулся. Меч будто сам собой вынырнул из-за спины и привычно улегся в ладонях. Похоже, за каждой из колонн была спрятана потайная дверца, потому что Конан оказался вдруг окруженным кольцом воинов и понял, что если дать им сойтись, они просто задавят его массой.

— Убейте его!

Свой приказ Харат сопроводил картиным жестом.

Конан замахнулся на двоих воинов, стоявших ближе всех к выходу, и тотчас услышал сзади топот бегущих.

Воины загородились щитами и отвели мечи для удара, но Конан не стал ждать, когда они нападут, не стал нападать и сам. Вместо этого он кувырнулся через голову и, проскочив, таким образом, между ними, совершенно неожиданно для нападавших оказался за их спинами. Мгновенно вскочив, он как-то по-особому крутился на правой ноге. Последовали два молниеносных удара, слившихся в одном движении, и две головы в шлемах, беспорядочно вращаясь, разлетелись в стороны.

Кровь брызнула двумя фонтанами, окрашивая алым мрамор зала и доспехи воинов, которые на миг замерли в оцепенении, но этого мига хватило Конану, чтобы двумя прыжками выскоить наружу.

* * *

До полудня было далеко, дневная жара еще не вступила в свои права. В таверне Абулетеса было пусто, царила приятная прохлада, и, пользуясь утренним затишьем, хозяин подсел к Конану, чтобы поделиться с ним последними новостями.

— Слышал я, что Маргаб ищет тебя. Похоже, все-таки он прибыл по твою душу.

Абулетес вопросительно посмотрел на молодого киммерийца, но тот лишь равнодушно пожал плечами:

— Мне сейчас не до него.

— Если меня об этом спросят, я могу так ответить.

Северянин кивнул:

— Чего еще слышно?

— Говорят, появились аренджунцы.

— Что значит — говорят? — удивился Конан. — Сколько их? Зачем прибыли? Где остановились?

Абулетес недовольно поморщился. Он любил показывать свою осведомленность во всем, что касалось событий, происходящих в Шадизаре, и терпеть не мог, когда что-то оказывалось не

до конца ясным. В упомянутом же им деле вопросов было больше, чем ответов.

— Не знаю, Конан. Несколько человек видели их мельком. Никто не обратил на них особого внимания, а они, едва появившись, тут же пропали, словно и не было никого. Это-то и настороживает. Появились и исчезли! Ты ведь знаешь, у меня везде свои люди, но, сколько я ни старался, так ничего узнать и не смог. Ни где остановились, ни зачем приехали! Как в воду канули!

— А Маргаб? — поинтересовался киммериец.— Этот тоже прячется?

— Маргаб? Нет. Тот приехал раньше и живет себе спокойно. Хочет тебя видеть.— Абулетес значительно посмотрел на Конана, но тот думал о своем, и кабатчик вздохнул.— Встреться с ним, Конан, может, у него дело какое?

— Мне недосуг, — отмахнулся северянин.

— Ну, недосуг так недосуг,— согласился Абулетес,— тебе виднее.

— Ясно одно,— заговорил о своем варвар,— интересы у них разные.

— Это верно,— кивнул кабатчик.

— Впрочем, куда они подевались, я знаю, важнее, кто и сколько их.

— Ну,— Абулетес помялся,— думаю, их около десятка. По крайней мере, так говорят те, кто их видел,— поспешил добавил он,— а что касается имен, так в лицо узнали только двоих: Эль-Карама и Бен-Сауфа. Ты знаешь эту пару.

Конан действительно знал обоих. Похитители людей. Два партнера, долгие годы работавшие вместе, они не останавливались до тех пор, пока не выполняли порученного им дела. Пожалуй, более опасных противников Конан найти бы не смог. По крайней мере, среди тех, кого знал. Не то чтобы он испугался. Киммериец вообще не боялся никого и ничего, но и недооценивать опасности положения он не хотел.

— Что ты знаешь о Тефилусе? — вдруг спросил он.

— Отце Мелии? — уточнил Абулетес.

— Да.

Кабатчик ненадолго задумался, видно припоминая, что ему известно. Конан терпеливо ждал.

— Где он родился, не знаю, но он из черни. Плод любви какого-то заезжего туранца и немедийки. От папаши он унаследовал вспыльчивый, необузданный нрав, а от мамочки невероятную дотошность, непомерное самомнение, ну и все такое. Кстати, имя ему при рождении дали отчего-то не туранское и не немедийское — Викторин. Похоже, за этим что-то кроется, потому что младенцу не исполнилось и месяца, когда молодой папаша прирезал мать своего ребенка, а младенца подкинул жрецам Митры.

— Откуда ты все это знаешь? — удивился Конан.

— Ну,— Абулетес снова помялся,— видишь ли, такие дела не всегда удается удержать в тайне. Важно другое. Мальчишка подрос и сменил имя: решил, что старое приносит ему несчастье. И что ты думаешь, удача действительно улыбнулась ему. Он стал Королевским Дознавателем. Сперва младшим, но быстро пошел вверх, женился на Аниэле, и если бы не злобный нрав...

— А, так вот отчего он взъелся на меня, — проворчал Конан, только теперь связавший профессию Тефилуса с той давней кражей.

— А ты как думал! — ухмыльнулся Абулетес.— Обокрасть Главного Королевского Дознавателя — это не шутка!

Он продолжал что-то говорить дальше, но это уже не интересовало киммерийца, который надолго задумался.

Учитывая то, что продержаться, судя по всему, нужно только три дня, самым надежным

было бы нанять побольше людей и расставить их живым забором вокруг дома. Вероятно, Тефилус и рассчитывал на это. С другой стороны, и Хараг не может не видеть этого простого и надежного средства и, если хочет добиться своего, должен что-то предпринять.

Объяснить это Тефилусу Конан не собирался, а значит, рассчитывать ему придется лишь на себя: на свои силы и на свои деньги. Ну и ладно! Не привыкать!

Он еще раз подумал о предстоящем дне и предстоящей ночи. О дальнейшем пока не стоило беспокоиться, слишком многое к тому времени неизбежно должно измениться.

Видя, что Конан собирается уходить, Абулетес забеспокоился:

— Эй, Конан! За тобой должок!

Киммериец положил на стол золотую монету. Сказанное стоило того. Кабатчик схватил ее, попробовал на зуб и с довольной ухмылкой сунул за пояс.

— Спасибо, конечно, но это не все!

— Что же еще? — удивился молодой варвар.

— Ты забыл сказать, где остановились аренджунцы!

Конан на миг задумался и решил, что вреда от этого не будет никакого. В конце концов, именно таким способом Абулетес и добывает факты, которыми пользуется и он тоже.

— Они остановились в святилище Затха.

— Вот как! — Лицо кабатчика вытянулось от удивления.

— Может, тебе и ни к чему это знать, но я только что оттуда, и тремя паучими выродками теперь стало меньше. Так что, если придет кто-то от них, скажешь, что я все знаю и мои планы не переменились.

* * *

У Конана было еще одно дело в городе, и ему пришлось потратить на него пару часов. Оно не требовало большого времени, но варвар не мог просто так уйти от людей, от доброго расположения которых зависело слишком многое в его планах.

Киммерийцу пришлось влить в себя не один кубок вина, пока он рассказывал, зачем ему потребовалось имущество хозяев и какой опасности оно может подвергнуться, но, когда история была рассказана до конца, он не пожалел о потраченном времени. Ему дали не только то, о чем он просил, но и кое-что еще, объяснив, что это пригодится ему ничуть не меньше.

Затем он осушил еще один кубок за здоровье почтенного Тулгун Сада, потом еще один за здоровье и богатырскую силу Могучего Северного Барса. После этого он не мог не выразить уверенности в процветании дела хозяина, который тут же велел вновь наполнить кубки, и они выпили за успех предпринятого Конаном дела.

Следующие несколько тостов он забыл и, возвращаясь, старательно пытался припомнить их, пока, наконец, не осознал тщетности своих усилий. Опомнился он уже у ворот дома Мелии и, войдя внутрь, остановился, словно громом пораженный. Что-то произошло, но что именно, сразу понять он не мог.

Потом он увидел Мелию с заплаканным лицом, склонившуюся над маленьким неподвижным телом, и в груди у него похолодело. Хмель и благодушие мгновенно выветрились из головы. Он бросился на колени и подхватил на руки маленькое тельце.

— Лисенок, что с тобой? Скажи хоть слово!

Но рыжеволосая голова мальчишки безвольно моталась из стороны в сторону, глаза

оставались закрытыми. Он и не смог бы открыть их: лицо мальчика превратилось в сплошной синяк. Конан рванул рубаху, припал ухом к маленькой детской груди — сердце билось тихо-тихо, словно отсчитывало последние удары, перед тем как окончательно остановиться.

Варвар поднял голову и тяжелым взглядом обвел трех плачущих женщин и десяток воинов, с мрачными лицами стоявших тут же, и каждый, на ком останавливался его яд, невольно отступал на шаг, так велика была ярость, горевшая в глазах варвара.

— Что с ним случилось?! — прохрипел Конан.

Но женщины не могли говорить, лишь тихо плакали вперед вышел пожилой воин, имени которого киммериец не знал.

— Только что, как раз перед самым твоим приходом, у ворот остановилась карета. Из нее выбросили мешок и крикнули, что это подарок тебе от Маргаба.

Конан не видел, как при упоминании имени Маргаба, Тефилус вздрогнул и тихо, не замеченный никем, ушел в дом.

Брун неслышно подошел сзади.

— Я послал за лекарем, но мальчика нужно устроить поудобнее. Позволь, — он протянул руки, — я сумею о нем позаботиться.

Конан с сожалением отдал ему мальчика и повернулся к воину, рассказавшему о Лисенке.

— Пойдешь в таверну Абулетеса, найдешь человека по прозвищу Тушка и приведешь его сюда.

Тот кивнул и без лишних разговоров вышел за ворота.

Киммериец повернулся к женщинам:

— Мой друг позаботится о Мелии.

— Куда ты? — забеспокоились те.

— Маргаб хотел видеть меня. Клянусь клыками Нергала, я отправлю этого ублюдка на Серые Равнины!

— Когда ты вернешься?

— О том ведомо лишь Крому! — мрачно ответил варвар.

* * *

Тушка вошел внутрь усадьбы и остановился.

Одежда его не отличалась изысканностью. На нем были просторная белая полотняная рубаха и заправленные в невысокие сапоги мягкой кожи синие шаровары. Длинные черные волосы, узлом завязанные на затылке, придавали его облику и вовсе странный вид.

Открывшие ворота воины сразу почувствовали, что места рядом с ними поубавилось. Не то чтобы он занимал собой все свободное пространство, но размеры его невольно поражали воображение. Воины стояли сзади, смотрели на необъятную фигуру и улыбались, не понимая, какая польза может быть от этого человека где бы то ни было, кроме как за столом.

Лицо вышедшего из дверей Тефилуса налилось кровью.

— Кто такой? — спросил он, хотя прекрасно знал это.

Лицо Тушки сморщилось в характерной улыбке.

— Ваш человек пришел за мной и передал просьбу Конана заменить его на время отсутствия.

Он учтиво поклонился, ожидая, что сейчас ему все объяснят и покажут — короче, введут в

курс дела, но вместо этого услышал совсем иное.

— Что?! — совершенно неожиданно взревел седовласый незнакомец, и лицо его исказилось непонятным Тушке гневом.— Избавиться от одного вора и тут же взамен получить другого? Вон отсюда!

По простоте душевной Тушка подумал, что человек неправильно понял его, приняв за кого-то другого.

— Прошу прощения, но мне сказали, что я должен делать работу Конана, пока он не вернется.

Кровь отхлынула от лица Тефилуса, сделав его бледным, как полотно. Он лишь сейчас увидел, что, привлеченные его криками, начали собираться люди. За спиной его стояло уже примерно три десятка воинов Бруна, а значит, сила была на его стороне.

— Взять мерзавца!

Тушка растерянно оглянулся — ворота оказались уже запертыми. Когда он повернулся назад, то увидел, что на него идут плотной стеной никак не меньше двух десятков воинов. Правда, никто из них не потрудился взять в руки оружие, считая это явно излишним.

Тушка был человеком благоразумным и в отличие от Конана, который всегда охотно бросался в драку, старался избегать потасовки, если к тому была хотя бы малейшая возможность, но путь к отступлению был отрезан, а это значило, что возможности такой ему не оставили. Он быстро осмотрелся: врагов было слишком много, и у одного из них, стоявшего где-то далеко за спинами наступавших, он увидел копье.

— Живее! Шакалы отродья! За что я вам деньги плачу?!

К нему бросились как раз в тот миг, когда он сам, с оглушительно нараставшим криком, который переходил в низкий рев, рванулся навстречу противникам, расставив руки, больше похожие на кабаньи окорока. Их оказалось, пожалуй, около трех десятков — небольшая толпа вооруженных людей, сквозь которую Тушка пробежал, сметя их со своего пути, как набежавшая морская волна смыывает валяющийся на берегу мусор.

Совершенно неожиданно он остановился возле воина, державшего в руке копье, и, взявшись за его древко, толкнул парня в грудь. Тот никак ни ожидал, что легкий толчок может придать ему ускорение, подобное выстрелу из катапульты.

Нелепо размахивая руками, он побежал спиной вперед, но шагов через десять споткнулся и повалился на спину, очумело тряся головой, тщетно силясь понять, как такое с ним могло произойти?

Тушка обернулся и, уперевшись древком копья в землю, замер в расслабленной позе, насмешливо взирая на поверженное воинство.

Второй день Тефилус находился в Шадизаре, и второй раз с ним происходила одна и та же история — он вновь прошел через все стадии ярости. Вновь, как и при первой встрече с Конаном, лицо его сперва покраснело, потом побледнело, а теперь пошло багровыми пятнами. Только что он с таким трудом избавился от проклятого варвара, так теперь на смену ему пришел его дружок!

— Убейте его, потомки шелудивого верблюда!

«Убейте его!» Вот это да!

Тушка понял, что дело принимает серьезный оборот, но виду не подал. Однако, когда наемники повскакивали и бросились на него, стремясь окружить со всех сторон, а в руках у них блеснули мечи, Тушка вдруг преобразился.

Теперь он никому уже не казался не только смешным обжорой, но даже просто толстым человеком. Он вдруг стал могучим бойцом, а копье — оружие, безусловно, грозное, но малополезное против полусотни вооруженных мечами воинов — завращалось в его руках,

превратившись в полупрозрачный диск, с грозным гулом застывший над головой великаны.

Нападавшие остановились в десятке локтей, боязливо поглядывая на грозного одиночку, который замер в центре круга воинов. Казалось, ничего не стоит наброситься на него сзади, но что-то подсказывало нападавшим, что это лишь кажущаяся простота.

Они боялись ослушаться Тефилуса, но еще меньше им хотелось нападать на друга Конана, который обязательно вернется, и тогда... На что способен киммериец, рассказал один из четверых, сопровождавших его в храм Затха.

Он стоял у входа и видел, как молодой варвар, даже не ввязавшись в схватку, которой, казалось, было не избежать, вдруг без всяких видимых усилий с его стороны прорвался сквозь цепь храмовых охранников и очутился за спинами окруживших его воинов, мимоходом снеся головы двоим, по несчастью оказавшимся рядом. А ведь все знают, что жрецы бога-паука не нанимают, кого попало!

— Вперед, дохлыя клячи! Или каждый пятый сядет на кол!

Толпа пришла в движение. Самые отчаянные рванулись вперед, но копье бойца-одиночки разило без промаха, награждая каждого ударом, от которого он либо падал, либо поспешно отбегал, выронив меч и потирая ушибленную руку.

Тушка закрутился, стараясь никого не пропустить: ни тех, кто бросался под ноги, ни нападавших сзади.

Низкий грозный вой перешел в визг, и едва заметный круг над головой великана стал насыщенней и темнее. Временами словно темная молния вырывалась из его невесомой плоти, и очередной нападавший получал удар.

Удары не были смертельны или опасны для здоровья. Оборонявшийся вкладывал в них ровно столько сил, сколько нужно было, для того чтобы остановить очередного нападавшего. Вскоре это поняли все, а когда эта простая мысль дошла до Тефилуса, он не оценил ни искусства, ни благородства гостя. Он понял лишь одно — его оскорбили. Оскорбили и смыть это оскорблению можно лишь одним способом... Он открыл, было, рот, чтобы отдать приказ, но сказать ничего не успел.

— Что здесь происходит?

Все невольно обернулись на голос. Почтенная Сиотвия неслышно подошла и остановилась рядом с Тефилусом.

— Этот выродок перекалечил половину моих воинов! Он махнул рукой в сторону застывшей в неподвижности фигуры.

— Вероятно, это тот человек, о котором говорил Конан?

— Мне плевать, кто этот ублюдок! Я не успокоюсь, пока...

— Пока не вылетишь из моего дома,— спокойно договорила за него Сиотвия.

Тефилус замер, словно громом пораженный. Некоторое время он молча смотрел на мать своей жены, потом грязно выругался и ушел. Сиотвия оглядела людей Бруна, потиравших ушибы, и удовлетворенно кивнула.

— Я была уверена, что Конан не пришлет кого попало.

— Этот парень силен драться.— Стоявший тут же сотник покачал головой.— В жизни не видал подобного, а ведь он явно старался никому не причинить вреда.

Тушка удовлетворенно кивнул и воткнул древко копья в землю.

— Ты просто не видел в деле Конана.

— Как зовут тебя, друг Конана?

— Друзья кличут меня Тушкой,— спокойно ответил гигант.

— Тушка! — Мелия, вместе с матерью выбежавшая вслед за бабушкой, рассмеялась.— Какое смешное прозвище!

Толстяк спокойно пожал плечами:

— Я ведь знаю, что, обращаясь ко мне так, они вовсе не хотят меня обидеть.

Мелия перестала смеяться и серьезно посмотрела на него.

— Наверное, это так.

— Это так.— Великан гордо посмотрел на них, и во взгляде его раскосых глаз они прочли достоинство и спокойствие.— Меня любят все, кого люблю я.

— А остальные? — поинтересовалась Мелия.

— Остальные мне безразличны.

Ответ был вполне в духе говорившего.

— А Конан? — не унималась девушка.

— Конану я задолжал.

— Много? — спросила Аниэла, и Тушка обернулся, чтобы увидеть впервые заговорившую с ним женщину.

— Жизнь.

Он сказал об этом просто и вместе с тем необыкновенно веско. Мелия вдруг подумала, что впервые сталкивается с тем, что всего одно слово несет в себе такой глубокий смысл. Безграничную благодарность, глубокую братскую любовь и готовность вернуть долг в любую минуту. Немногие могли похвастать тем же.

— А имя у тебя есть? — спросила Аниэла.— Мне не хотелось бы пользоваться прозвищем. Мне кажется, я не имею на это права.

Тушка улыбнулся. Лицо его расплылось от удовольствия, а раскосые глаза стали совсем узкими, как две щелочки.

— Мне будет приятно, госпожа, если ты станешь называть меня Акаймой.

— Это твое имя?

Сиотвия удивленно вскинула брови. Она считала, что знакома с именами всех народов, разве что кроме населявших юг Черного Континента, но такое слышала впервые.

— Так называла меня мать.

* * *

Огромная зловещая фигура в сером хитоне грубой ткани с капюшоном, несмотря на жару, накинутым на голову, подошла к воротам. В руке пришелец держал холщовый мешок, на дне которого угадывалось что-то круглое.

— Чего надо? — грубо осведомился страж у ворот и спокойно оглянулся, но не увидел никого, кроме напарника. Как назло, все разбрелись, начиная с сотника и кончая Тушкой, как нарочно, именно сейчас решившим проведать избитого мальчугана.

— Я хочу видеть почтенного Тефилуса. Мы договорились о встрече. Незнакомец говорил громким хриплым шепотом. Охранник кивнул напарнику:

— Ты слышал? Сходи в дом.

Тот не заставил себя упрашивать, а оставшийся в одиночестве молодой парень тут же пожалел, что не сообразил вовремя и сам не отправился за хозяином. Он старался не смотреть на незнакомца, но не мог удержаться, и после каждого невольного взгляда озnob пробегал по коже. Странная, непонятная сила исходила от незнакомца в плаще. Казалось, если он захочет войти, его не удержат и ворота. Парень крепче сжал рукоять висевшего на поясе меча. Испытание,

однако, закончилось прежде, чем страх его перешел допустимую границу.

Двери дома открылись, и вышел его напарник, а вслед за ним гораздо больше народа, чем рассчитывал увидеть парень: Тефилус, все хозяйки и Тушка с сотником. Он думал, что это все, но следом появились шестеро воинов из их отряда.

Парень вздохнул с облегчением, сразу почувствовав себя увереннее, хотя и удивился столь явному вниманию к неизвестному пришельцу, но тут понял, что одет человек, как жрец Затха. Это объясняло все.

Именно так подумали и хозяева, когда за ними пришли с известием о странном посетителе. Они решили, что теперь, после неудачной ночной попытки, все, наконец, выяснится.

Тефилус, шедший впереди, остановился в паре локтей от ворот.

— Кто ты такой и зачем пришел? — спросил он надменно.

— Ты обещал мне десять тысяч монет за голову варвара,— прошипел незнакомец,— я пришел за деньгами.

Он поднял мешок со зловещим содержимым.

Тефилус побледнел как смерть. Он боялся признаться в заключенной сделке, боялся посмотреть на жену и дочь, не говоря уже о Сиотвии, но еще больше он боялся нарушить условия договора. Человек, справившийся с Конаном, достал бы его и на краю света — на этот счет он не строил иллюзий.

— Я жду!

Стараясь ни на кого не глядеть, Тефилус повернулся и пошел к дому.

Мелия упала на грудь матери. Тело ее сотрясали рыдания, и Аниэла, поняв, что дочери не годится оставаться здесь, повела ее в дом.

— Пойдем, милая.

Она что-то ворковала дочери на ухо, прекрасно понимая, что никакие утешения не помогут. И еще она поняла: только что муж ее лишился дочери, независимо от того, удастся спасти ее от хищных лап жрецов или нет.

Наконец появился и Тефилус. Он проклинал свою сделку, но все же шел, тяжело согнувшись под тяжестью десяти объемистых кожаных мешочеков, увязанных попарно и перекинутых через плечи. Вернувшись на прежнее место, он сбросил свою ношу под ноги незнакомцу.

— В каждом из них тысяча монет. Можешь не пересчитывать.

Незнакомец молча кивнул и вытряхнул содержимое мешка в пыль. Некоторое время все молчали, потом Сиотвия вдруг зашлась веселым молодым смехом.

— Но ведь это не Конан!

Выдохнул Тефилус, еще не сообразив, что произошло.

Капюшон слетел с головы незнакомца, и непокорная грива черных как смоль волос пала на плечи. Синие, как далекое северное небо, глаза киммерийца, встретившиеся с глазами Королевского Дознавателя, яростно полыхнули ледяным пламенем.

— Ты оцениваешь мою работу дешевле?!

Тефилус не сказал ни слова. Он стоял и смотрел в лицо этого непонятного для него молодого человека — пьяницы и вора, как он называл его про себя,— и со всей ясностью понял, что этот варвар выше и чище его самого, считавшего себя образцом, до которого далеко всем остальным.

Он молча повернулся и пошел в дом. Уже второй раз всего за один день он получил удар, от которого впору сломаться и более сильному человеку.

— Ну и что ты скажешь о нем? — Рамсис с интересом смотрел на Хаага.— Хорош?

— Жаль, что придется его убить.— Жрец Затха брезгливо поморщился, всем своим видом показывая, что не считает проблему неразрешимой.— Как только настанет время, он сполна получит свое.

— Не так-то это просто,— возразил стигиец.— Ты знаешь, что я пробовал действовать по своему усмотрению и потерпел полный провал. Ты действовал по-своему, но с тем же результатом.

— А! — отмахнулся его собеседник.— Просто твой воин, которому ты столь искусно изменил внешность, допустил промашку, а мои люди были застигнуты врасплох и не успели собраться.

— Ты прав,— неожиданно согласился Рамсис,— но ведь в жизни так и бывает. Допустил промашку и получил нож в спину, не успел собраться и расстался с головой. Как все просто, не правда ли, мой друг?

— Уж не хочешь ли ты сравнить нас с нашими нерадивыми слугами?!

— О! — Рамсис рассмеялся и примирительно поднял руки.— Я ничего не хочу сказать, но, раз уж ты коснулся этой темы, ответь: что стало бы с тобой сегодня утром, не убеди я тебя остаться наверху. Со мной.

Хааг побледнел, вспомнив обмякшую фигуру своего помощника с неестественно развернутой к спине головой и, мгновением позже, два фонтана крови, бьющих из обезглавленных варваром тел.

Он промолчал, впервые не найдясь, что ответить на простой вопрос, и не потому, что не знал ответа, он был слишком очевиден, а потому что понял: стигиец прав, если не сказать больше.

Он невольно потер шею и посмотрел в глаза своему сообщнику.

— Жаль, что придется его убить. Он мог бы быть весьма полезен.

— Это верно, — согласился его собеседник, — но, к сожалению, трудновыполнимо. Я знаю таких людей. Конан не станет никому служить, и сломать его невозможно, а убить не так-то просто.

— Тем более он достоин смерти.— Хааг упрямо поджал губы.

— Правильно,— не стал спорить стигиец,— и на твоем месте я подумал бы об этом всерьез.

— Что ты имеешь в виду? — встревожился Хааг, хотя и не понял сразу, к чему клонит стигийский змей.

— Тебе нужна Мелия? Прекрасно! Но помни об угрозе Конана. Не знаю, как насчет того, чтобы разорить Йезуд, но до тебя он попытается добраться — это точно!

Сказав это, Рамсис тихонько, почти беззвучно рассмеялся, и было в его смехе что-то змеиное, отчего мороз пробежал по коже Хаага. Он посмотрел в черные, ничего не выражавшие глаза стигийца и понял, что тот прав. Как бы ни обернулось это дело, а к нему, Хаагу, оно поворачивается своей неприятной стороной, и ничего здесь не поделать.

— Я советую тебе перебраться ко мне, — сказал стигиец уже серьезно,— хотя бы на время.

— Я сумею позаботиться о себе — Он упрямо поджал губы.— Служителю Затха не пристало прятаться от врагов!

Как бы там ни было, а Хааг не собирался терять лица.

— Не сомневаюсь, что ты сможешь справиться с варваром,— Рамсис оставился серьезен,

— но это не должно отвлекать нас. У нас другая цель, и она — не варвар! Не забывай об этом!

* * *

Конан пребывал в мрачном расположении духа.

Он даже не пожелал принять участия в дружеской попойке, которую, с благословения Тефилуса, как видно чувствовавшего за собой вину, в его честь устроили воины Бруна. Сурию послали на рынок, и теперь в доме рекой лилось сладкое и хмельное пальмовое вино.

Конан не любил пальмового вина. К тому же он находился в мрачном расположении духа, а потому послал к Нергалу явившихся за ним гуляк, впрочем, подкинув им десяток Тефилусовых золотых на выпивку, и теперь пир в доме шел горой, и настроение вокруг царило праздничное.

У всех, кроме молодого северянина. А ведь день начался совсем неплохо, и ничто с утра не предвещало неприятностей. К утру он выпытал у ночного гостя все, что ему нужно было знать, после чего наведался в храм и предостерег паукопоклонников.

Конечно, надежд на то, что проклятые жрецы просто так откажутся от своих гнусных планов, киммериец не питал. Быть может, даже не стоило этого делать, но он предпочитал вести открытую игру, а одна свернутая набок голова и две отсеченные, на его взгляд, должны были ясно показать, что безнаказанно воровать людей в Шадизаре не позволено никому!

По крайней мере, если их охраняет Конан.

Вроде бы и дальше все шло неплохо. Почтенный Тулгун Сад, которому северянин в свое время offered несколько серьезных услуг, избавив от покушавшихся на него добро злоумышленников, не отказал в просьбе и даже пообещал больше, чем рассчитывал киммериец. Все шло как нельзя лучше, и все-таки день оказался безвозвратно испорченным.

Не помогало даже сознание того, что мерзавец в прямом смысле слова поплатился головой — слишком быстро и легко все получилось. Конану никогда не доставлял удовольствия вид умирающего врага, никогда не привлекали его картины чужих мучений.

Для него враг оставался врагом лишь до тех пор, пока был жив, а после этого превращался в ничто, и Конан забывал о его существовании.

На этот раз все было иначе. Конан искал Маргаба, а перед лицом его стояло милое лицо Лисенка, превращенное в сплошной синяк, и киммериец с наслаждением перебирал в уме способы, которыми собирался умертвить мерзавца, жалея только о том, что сделать это можно лишь один раз.

Но случилось все гораздо быстрее, чем он мечтал, и намного проще, чем рассчитывал Маргаб.

Конан вспомнил осветившееся радостью лицо убийцы, когда тот увидел вошедшего Конана, и сменивший ее ужас, когда он прочел в глазах киммерийца свой смертный приговор.

Смерть трусливого негодяя не принесла молодому варвару той радости, которую он надеялся испытать. Его противник не успел взяться за оружие, и они сошлись в рукопашную, но борьбы не получилось.

Маргабу удалось его знаменитый удушающий захват, из которого еще не удавалось вырваться никому. Возможно, не удалось бы и киммерийцу, если бы мощная шея туранца, на которой сидела бритая наголо бородатая голова, не переломилась раньше, отвратительно хрустнув напоследок.

Конан не испытал ни удовольствия, ни тем более гордости. Слишком несоизмеримыми

оказались боль, что причинил киммерийцу этот выродок, и принесенная им в уплату долга вира.

Лишь позднее он понял, что все гораздо проще. Нельзя испытать радость, раздавив паразита, даже если тот способен лишить тебя жизни ядовитым укусом, а Маргаб никак не мог считаться достойным противником, хотя и был неимоверно силен, по-звериному жесток и смертельно опасен.

Теперь это уже не имело значения.

Солнце клонилось к закату, когда охранявшие вход в усадьбу воины услышали топот копыт и скрип колес в конце улицы, Конан, хоть и расположился на отдых в глубине двора, в тени деревьев, и не мог слышать их, сразу понял по тому, как засуетились стражники у ворот, что что-то случилось.

Оцепенение мигом слетело с него, он мгновенно оказался рядом и, отперев ворота, выглянул наружу.

Медленно, со скрипом к нему приближались четыре подводы в сопровождении десятка зуагиров в пестрых джуббэ, бритые головы которых венчали не первой свежести сарыки. Впереди шел немолодой уже мужчина, и его стоптанные чарыки ясно указывали на то, что дорогими исхожено немало. У ворот человек остановился и неожиданно весело посмотрел в глаза киммерийцу.

— Привет тебе, светлейший, от господина нашего, почтенного Тулгун Сада.

Он склонился перед Конаном, но тут же выпрямился и посмотрел на киммерийца смеющимися глазами.

— Господин мой, да продлит Эрлик его дни, долго смеялся, рассказывая, что замыслил ты, и можешь не сомневаться, выбор, сделанный мною, прольет на сердце твое потоки блаженства. Ты сможешь убедиться в этом, как только увидишь все своими глазами.— Он сделал паузу и вновь посмотрел на Конана, словно вот-вот не выдержит и рассмеется.— Где разгружаться-то?

Как ни тяжело было на душе киммерийца, но и его невольно заразила веселость позднего гостя. Он улыбнулся и махнул рукой.

— В правом дальнем углу за домом.

Улыбчивый старик что-то крикнул гортанно своим людям, подводы вновь заскрипели давно не смазанными колесами, и процессия проследовала через ворота.

В считанные минуты на указанном Конаном месте выросла пара загонов с кормушками и поилками. Рядом с загоном аккуратной кипой легло несколько мешков корма, огромная булькающая, отдающая тиной бочка и десять бочонков красного пуантенского, а вслед за тем, с шумом и криками, начали выползать и будущие обитатели загородок.

Белогрудые гуси налево, пестрые широкогрудые козлы направо.

— Сколько с тобой людей? — Конан обратился к моложавому старику.

— Вместе со мной пятнадцать будет.

Конан отсчитал пятнадцать монет:

— Выпей за мою удачу, а если купишь себе новые башмаки,— он посмотрел на стоптанные чарыки старика,— я тоже не обижусь.

— О, господин!

Старик склонился в поклоне, но Конан бросил небрежно:

— Не надо!

Старик разогнулся и, обернувшись, вновь выкрикнул гортанную фразу, после чего опять посмотрел на Конана:

— Прежде чем уйти, я должен сказать тебе еще кое-что очень важное. И те и другие,— он по очереди указал на обладателей перьев и копыт,— твари своеенравные и лучше просто так на дороге им не попадаться. Они слушаются лишь своих вожаков. Зовут их Рогчар и Клинго. Между

собой они ладят, но всех прочих тварей, как четвероногих так и двуногих, на дух не переносят. Так что постараися подружиться с вожаками, иначе тебе придется туда.

С этими словами он повернулся и, не оборачиваясь, пошел к выходу, нагоняя своих.

Ворота за ними закрылись, и воцарилась прежняя тишина. Привлеченный шумом, из дома вышел Брун, чтобы посмотреть, в чем дело, а заодно и проверить посты. Киммериец как раз стоял между загонами, глядя то вправо, то влево, когда сотник подошел к нему сзади. От крайнего изумления Брун замер, ошарашенно глядя то на гусей, то на козлов, то на Конана.

Тот довольно ухмыльнулся:

— Вот, решил скотиной обзавестись.

В это время к углу загона, рядом с которым остановился северянин, подошел один из козлов и требовательно посмотрел на варвара. И тотчас в другом загоне, расположенном рядом, к примыкавшему углу вперевалку подобрался огромный гусь с белой грудью и черными крыльями.

«Ага,— подумал киммериец,— похоже, это и есть Рогчар и Клинго». Он вспомнил совет зуагира поскорее поладить с вожаками и, перегнувшись через перегородку, наклонился к Клинго

Похоже, главарь гусиной банды понял человека как-то не так, потому что мгновенно попытался ущипнуть Конана за нос, но северянин не зря был варварам. Молниеносно отпрянув, он схватил своего противника за длинную шею. Не слишком сильно, но достаточно для того, чтобы показать серьезность своих намерений.

Захрипев, обладатель черных крыльев звонко щелкнул клювом и скосил на Конана черную бусинку глаза. Внутреннее чутье шепнуло забияке, что в этой драке ему не победить, а богатый опыт подсказал, что превосходящего тебя силой врага нужно превратить в друга, и выгода окажется неоспоримой.

Конан наклонился к нему:

— Еще раз покажешь мне свой нрав, задавлю.

Брун пьяно хмыкнул:

— Что он может понимать? — Сотник пожал плечами.— Для жаркого он, пожалуй, сгодится, а больше...

Конан разжал кулак, и Клинго встряхнулся всем телом, поправляя примятые перья, а затем, ткнул Конана клювом в протянутую ладонь. На этот раз вполне дружелюбно.

Киммериец ехидно глянул на сотника:

— А ты говоришь — тупая тварь.

Он зачерпнул пригоршню головастиков из большой бочки и протянул ее гусю. Тот не заставил себя уговаривать, а когда угощение кончилось, потрепал Конана клювом за большой палец, то ли требуя продолжения, то ли благодаря.

Брун покачал головой и вернулся в дом. Ему хотелось остаться с молодым северянином, поболтать с ним, но он опасался гнева Тефилуса, к тому же именно сегодня его отчего-то клонило в сон сильнее обычного.

Конан посмотрел ему вслед. Удостоверившись, что сотник ушел, он повернулся ко второму загону и тут же встретился взглядом с огромным пестрым козлищем.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, и Конан невольно поразился мощи животного. Приземистый, необычайно широкогрудый, он больше походил на небольшого, обросшего шерстью бычка. Он посмотрел на молодого варвара тяжелым взглядом и коротко пробасил: «Бы!»

Это было нечто среднее между козлиным блеянием и бычьим мычанием. Это был Рогчар.

— Ну что, будем знакомиться?

Он открыл дверцу загона и выпустил животное. Как это ни странно, но Рогчар оказался настроен гораздо миролюбивее Клинго. Даже не попытавшись оспаривать главенство человека,

он миролюбиво ткнулся мокрым носом в ладонь Конана, но вдруг замер и начал шумно принюхиваться, понемногу передвигаясь поближе к бочонкам с пуантенским. Однако к желанному запаху потихоньку примешивался аромат тины и лягушатины. Тогда он громко фыркал, изгоняя его из ноздрей, пока не понял, что искомый запах исходит из десятка относительно небольших емкостей, а гадость из одной огромной.

— Клянусь Кромом, я понял тебя, приятель! — Конан усмехнулся.— Похоже, наши вкусы сходятся.

Он вытащил затычку одного из бочонков и принюхался — аромат стал оглушающим. Собратья Рогчара заволновались. Конан усмехнулся, вытянул наружу одну из поилок и плеснул в нее изрядную порцию багряной жидкости.

Рогчар, словно собираясь с силами, возбужденно вдохнул в себя побольше воздуха и припал к пьянящей влаге.

— Ты с ума сошел, варвар!

Быть может, Тефилус и вышел, чтобы дружески поболтать с Конаном, перед которым после сегодняшнего печального происшествия с Лисенком чувствовал вину, но лишь увидел очередную безрассудную выходку киммерийца, как всегдашняя злость вспыхнула в нем. И все-таки он сдержался. Похоже, последние два дня, когда его одергивали чаще, чем за предыдущие двадцать лет, невольно приучили его держать себя в руках.

— Ведь они не люди! Что ты делаешь с несчастными козлами?

— Иди! Занимайся своими!

Конан махнул рукой в сторону дома и припал к кубку, который только что наполнил из того же бочонка — вино оказалось превосходным.

Клинго заволновался в своем загоне — старый приятель явно обошел его. Конан не заметил вовремя тревожных признаков, и, когда наклонился и голова его оказалась в пределах досягаемости, длинная гусиная шея просунулась сквозь щель в стене загона, черный клюв открылся, и в ухо Конана ворвался поток отборной гусиной браны.

Что именно хотел сказать Клинго, варвар разобрать не успел. Ему показалось, что мозг и его выдрили из головы, встряхнули, как хозяйки встряхивают отжатое белье, и сунули обратно. Когда к нему вернулась способность соображать, он увидел наглую гусиную морду и черные бусинки, ехидно глядевшие ему в глаза. Белоперые выродки в загоне одобрительно загоготали, как видно, целиком и полностью одобряя действия своего главаря.

— Кр-ром!

Конан помотал головой и, подождав, когда мысли его придут в порядок, молча поднялся и наполнил гусиную кормушку до краев. Потом вытащил и не подумавшего сопротивляться, словно он прекрасно понимал все действия человека, Клинго и, сунув ему под нос полную до краев кормушку, уселся между двумя главарями, не забыв предварительно оделить сполна каждого из оставшихся в обоих загонах.

Только теперь, когда никто не имел причин для недовольства, он наполнил свой кубок и повернулся к Клинго.

— Еще раз сделаешь так, и на добавку не рассчитывай!

Они прекрасно коротали время, понимая друг друга без слов. Конан дважды вставал, чтобы наполнить опустевшие кормушки и поилки своих новых друзей, прежде чем заметил, что от дома отделилась стройная фигура в пышном платье, но не подал виду.

Несколько мгновений спустя, все еще восхитительная, несмотря на унесшие молодость годы, Аниэла остановилась перед прекрасно ладившей троицей. Она подняла на Конана свои изумительные глаза.

— Я пришла, чтобы пригласить тебя к нам. Пора прекратить глупые стычки между тобой и

Тефилусом.

Конан помотал лохматой гривой волос:

— Завтра.

На такой ответ впору было бы обидеться, но Аниэла была умной женщиной.

— Почему не сейчас?

— Я зол и гожусь лишь для драки,— хмуро ответил варвар.

— А если ее не будет?

Конан пожал плечами:

— Можно напиться.

Лицо Аниэлы болезненно дернулось, она поджала губы.

— Ну, так хоть пил бы с людьми!

Конан посмотрел на нее неожиданно трезвым взглядом, хотя произносимые им слова были тяжелыми, словно грозовые тучи над Кезанкайскими горами.

— После общения с твоим мужем, госпожа, мне на людей глядеть тошно.— Он говорил спокойно, с трудом выдавливая из себя каждое слово.— Клянусь Кромом, уж лучше скоты! Эти не предадут и... не продадут.

Аниэла закусила губу.

— Завтра,— сказал Конан, больше из жалости к ней, чем из желания скрасить сказанное,— если смогу.

Она молча повернулась и пошла прочь. Прекрасная и одинокая, исполненная тревоги за дочь и копившейся годами досады на мужа, а теперь невольно обиженная этим человеком, который, она прекрасно понимала это, вовсе не желал ее обидеть.

Конан следил за ее удалявшейся фигурой, пока она не пропала за углом дома. Тогда он встал и в очередной раз наполнил опустевшие кормушки.

Рогчар шагнул было к своей, но потом уклонился в сторону, нюхнул тины из бадейки своего приятеля и громко фыркнул, обдав белогрудого смесью слюны и вина. Такого снести было никак нельзя и, Клинго, нагнувшись, оглушительно дунул в ухо рогача.

Конан, зная, какой эффект это должно было произвести, невольно поморщился. Рогчар по достоинству оценил талант своего приятеля, потому что очумело затряс головой.

Конан уже понял, что должно произойти дальше. Как видно, подобные перебранки происходили между ними не впервые и были чем-то вроде своеобразного ритуала, на который сейчас не было времени.

— Ну-ка, успокойтесь!

Он примирительно потрепал обоих.

— Каждому свое! Говорят, аквилонцы потребляют и то, и другое!

Клинго горделиво посмотрел на своего подвыпившего дружка, а Рогчар недоверчиво вззрился на киммерийца.

— Клянусь Кромом! Там лягушек едят!

Рогчар не стал настаивать,— кто их знает, этих людей? — вместо этого припав к поилке с пуантенским. Конан еще не раз доливал Рогчару и остальным, равно как и добавлял в опустевшие гусиные кормушки лакомство, так лакомство Клинго и аквилонцами.

Всякий раз, когда киммериец наполнял вином опустевшую бадью Рогчара, тот вопросительно смотрел на киммерийца и не трогал новой порции, пока варвар не наполнял и свой кубок. Конану сделалось смешно — эта скотина собиралась перепить его, Конана! Ну что ж, посмотрим! Он доливал и доливал, пока не осознал, что вокруг стало слишком темно.

Солнце село, а это значило, что теперь в любое мгновение могли нагрянуть и незваные гости. Киммериец резко встал. Рогчар и Клинга удивленно уставились на него. Человек открыл

загородку. Сородичи Клинго словно знали, зачем их привезли сюда, и деловито разбрелись во все стороны.

Рогчар вопросительно посмотрел на варвара.

— Нужно предупредить наших.

Конан встал и пошел к воротам. Рогчар шагал рядом, словно равный с равным. Отойдя шагов на десять, они услышали истошный призыв Клинго. Обернувшись, Конан увидел, что и гусь поплелся следом, но явно не поспевал за своими длинноногими собратьями и, отчаявшись догнать их, дал об этом знать.

Конан остановился, и дальше они шли уже втроем.

— Идите в дом,— лаконично и веско бросил Конан двоим у ворот.

— Но Брун...

— К Нергалу Бруна! Идите в дом,— повторил он и пошел прочь, нимало не заботясь о том, последовали ли они его совету. В конце концов, его дело предупредить.

Разношерстная компания, возглавляемая киммерийцем, вернулась на прежнее место, когда Конан понял вдруг, что что-то его тревожит. Он огляделся. Хмель как-то слишком быстро, словно он и не пил вовсе, выветрился из головы варвара, когда он понял: во дворе нет никого, кроме двух молокососов у ворот!

Это было странно, и это было совсем не похоже на Бруна, который каждый вечер добросовестно расставлял посты, лично проверяя, все ли в порядке. Он вспомнил, что и сегодня вечером видел сотника и даже разговаривал с ним, но это было еще до того, как пришло время расставлять во дворе стражу на ночь, а Брун уже плелся как сонная муха.

Конан хотел было побежать в дом и поднять тревогу прекрасно понимая, что в одиночку ему не уследить за всем, но тут же остановился. Если кто-то подсыпал охранникам сонного зелья, а ничем иным он не мог объяснить себе отсутствие стражи во дворе и странной сонливости их начальника, то он лишь напрасно потратит время.

Варвар вернулся к загонам, открыл вторую загородку, и остальные девять животных — все почти такие же широкогрудые, как Рогчар, но все-таки уступавшие ему — по одному вышли наружу и обступили своего вожака.

— Ты уверен, что твои парни на местах? — обратился киммериец к Клинго, словно тот был человеком и мог ответить ему.

Гусь расправил крылья и, укоризненно посмотрев на Конана, что-то проворчал, давая понять, что лишь у людей и козлов принято жрать вино во время работы. После этого он высокомерно отвернулся, всем своим видом показывая, что нет поводов для беспокойства.

— И все-таки пойдем проверим.

Клинго встремился всем телом и, взглянув на Конана, словно приглашая его за собой, вперевалку зашагал вперед.

Рогчар гордо стоял во главе ватаги таких же, как он, рогачей и тоже поглядывал на Конана, а когда тот пошел следом за Клинго, степенно двинулся за ними.

Солнце садилось. Его уже не было видно за крышами домов. Если бы Конан захотел, он мог бы, выйдя из ворот, полюбоваться закатом, но киммерийцу было не до красот. Судя по всему, ему предстояла бурная ночь. Конечно, он был далек от мысли, что усадьбу станут брать приступом, но то, что ночная стража так и не появилась, не оставляло поводов для сомнений в том, что человек, с которым он беседовал утром, не откажется просто так от своих намерений.

Конан, безусловно, не боялся столкнуться лицом к лицу с двумя пятью бойцами, но понимал также и то, что, как бы ни старался, не сможет в одиночку уследить за всем. Абулетес говорил о десятке аренджунцев. Он упомянул имена Аль-Карама и Бен-Сауфа, а эти люди знали свое дело. И хотя киммериец был уверен, что его им не обмануть, но опять-таки понимал, что

ожидаемых гостей может оказаться просто-напросто слишком много.

Пока он станет разбираться с двумя-тремя первыми появившимися для отвода глаз неопытными юнцами, кто-нибудь, кто действительно знает свое дело, запросто успеет проникнуть в дом так, что даже он не заподозрит неладного, пока не станет слишком поздно что-либо предпринимать.

Быстро темнело. Погруженный в свои мысли, Конан заметил, что обошел вокруг дома, только тогда, когда увидел перед собой левую стену флигеля, спрятавшегося в тени деревьев у задней наружной стены.

Клинго все так же неторопливо плелся вперевалочку, изредка оглядываясь, чтобы посмотреть, не отстал ли человек, а может быть, и спрашивая, доволен ли он.

Доволен ли?

Хоть и занятый своими мыслями, Конан отмечал в сгущающихся сумерках небольшие комки, словно специально разложенные кем-то через равномерные промежутки, от каждого из которых при их приближении вызывалась им навстречу клювастая голова. Но что самое удивительное, проходя мимо очередного сторожа, Клинго что-то тихонько крякал, и тот успокаивался, длинная змеиная шея делала обратное движение, голова пряталась под крыло, после чего Клинго глядел на человека и, дождавшись его одобрительного кивка, спокойно шел дальше.

На какое-то время в голову Конану закралось сомнение — а сможет ли гусь, уютно спрятавший голову под крыло, услышать едва различимые шаги осторожно пробирающегося к цели опытного вора?

Впрочем, тут уж ничего нельзя было изменить. Еще вечером он отправил Тушку восвояси, отдав ему Лисенка и один из Тефилусовых мешков с золотом. Этого в любом случае должно было хватить надолго. Теперь он остался один.

На всякий случай, больше для очистки совести, он заскочил в дом и потряс за плечо Бруна, которого сон сморил прямо у дверей, но тот был малоотличим от трупа, и Конан не стал повторять опыт, заранее уверенный в результате.

Он постарался трезво оценить свое положение — один против десятка профессиональных похитителей людей, которых возглавляют два опытных негодяя, доживших до седых волос и ни разу до сих пор не потерпевших неудачи. Два мерзавца, за которыми Тефилус, Конан знал это, гонялся не первый год.

Правда, киммериец знал и другое — гусь более чуток и осторожен, чем сторожевой пес, хотя сторожевых гусей не держал при себе никто. Люди предпочитали собак — быстрых зубастых хищников, способных не только поднять тревогу, но и защитить хозяина.

А что мог гусь?

Рогчар шагал рядом, изредка поглядывая на поглощенного невеселыми мыслями киммерийца, а позади них, отстав на пару шагов, следовало все стадо. Наверное, они представляли собой комичное зрелище: гусь-проводник впереди за ним человек в сопровождении десятника-козла, сзади девять рогачей. Так, дружной компанией, они и вернулись назад, к бочкам. Конан наполнил вином опустевшие емкости и уселся на прежнее место. Рогчар похлебал маленько и улегся напротив человека. Остальные последовали его примеру.

Стало тихо. Тихо и темно.

Солнце зашло, а месяц еще не поднялся над крышами домов. Конан подумал, что настало самое опасное, а значит, и самое подходящее для злоумышленников время. Он лежал, изредка прихлебывая из пузатого серебряного кубка, а ничего не происходило. Наконец взошел подросший месяц, и стало значительно светлее, хотя до полнолуния было еще далеко. Вокруг

стояла мертвая тишина.

Конан усмехнулся. Так и должно быть. Слишком очевидным был бы такой ход, а те, кто затаился где-то за этими стенами, хотели дождаться, когда все в доме уснут наверняка. Что ж, вполне разумно. Быть может, и сам бы он действовал в подобной ситуации так же.

Конан потерял счет времени.

Он выпил уже не один кубок вина, стараясь быть умеренным, пару раз, чтобы развеять наползвшую на мозг, словно предутренний туман, сонливость, обходил дом и, к его удовлетворению, каждый из стражей, как ни осторожно он ступал, мгновенно и беззвучно вытаскивал голову из-под крыла, но, признав его, спокойно укладывался, возвращаясь к прерванному отдыку. Оба раза при его возвращении Клинго недовольно ворчал, словно сетяя на его недоверчивость.

Месяц добрался уже до наивысшей своей точки, залив все призрачным серебряным светом, когда варвар скорее почувствовал, чем услышал, что гости здесь.

Он бесшумно переместился в тень флигеля, став совершенно незаметным с пары шагов, но чуткий гусь мгновенно выпростал голову из-под крыла и уставился на киммерийца, словно на дворе стоял ясный полдень.

Конан приложил палец к губам, и Клинго, казалось, понял его. Быстро повернув головой, он оглядел двор и уставился в угол, расположенный как раз между ними и воротами. Конан тихонько вытащил меч и насторожился.

Он увидел вызмеившуюся длинную шею гуся и услышал его негромкое недовольное гоготание. Киммериец пригляделся. Ствол одного из деревьев показался ему очень уж неправильной формы. В следующее мгновение уродливый нарост отделился от дерева, вернув ему былую стройность, и осторожно двинулся к дому.

Пернатому сторожу это явно не понравилось. Он встал и, вытянув в направлении незнакомца шею, зашипел предупреждая, что щутить не намерен. Но незнакомец пришел сюда вовсе не для того, чтобы разбираться с животными. У него было важное дело, и он не собирался тратить времени попусту.

— Тихо, тварь! — прошипел он, и Конан увидел, как незнакомец взмахнул рукой, явно целясь в гусиную голову.

Сделал он это зря.

Сбрат Клинго грозно раздвинул крылья, затем, вытянув шею и широко раскрыв огромный черный клюв, взял короткий, но быстрый разбег и прыгнул на обидчика, вцепившись тому в лицо.

Конан не видел, в какое именно место вцепился клюв гуся, но отчего-то подумал, что, скорее всего, это мог бы быть нос. Похоже, это был коронный номер каждого бойца стаи.

Человек, гнусаво ругаясь, пытался освободиться, когда Клинго каркнул в ухо Рогчару, давая знать, что пришел его черед браться за дело.

Козел вскочил и пьяными глазами уставился на Конана. Где-то он уже видел этого человека... А может быть, и нет. Он наклонил рога и взрыл землю копытом.

— Но ты, пьяная шваль! — Конан отвесил Рогчару увесистую оплеуху.— Рога поотшибаю!

Два расплывчатых Конана медленно воссоединились. Рогчар встряхнул головой, припоминая: они точно встречались.

Клинго потерял остатки терпения и, наклонившись к самому уху приятеля, прогудел свое знаменитое «кря», в один присест, выдув из козлиной башки остатки хмеля.

«Точно встречались, — мелькнуло в голове Рогчара,— вчера вместе пили, значит, свой!» Рогчар развернулся.

В это мгновение с разных мест раздались тревожные сигналы остальных сторожей, к

которым тут же примешались человеческие голоса. Люди, изрыгавшие проклятия, забыли об осторожности.

Конан вскочил. Дальше медлить было нельзя. Похоже, эта мысль пришла не только ему в голову. Клинго задрал голову и протрубил общую тревогу.

Козлиный десятник увидел первого обидчика и рванулся вперед. Как раз в эту минуту человек пинком освободился от назойливого гуся и схватился за изуродованное лицо, на время позабыв обо всем, когда его настиг чудовищный удар в спину, и если рога Рогчара не показались из груди мертвеца, то лишь потому, что были коротковаты.

Удар оказался сильным настолько, что бедолага, пролетев с десяток локтей, ударился о стену и лишь после этого упал на землю. Когда Конан подбежал, человек был еще жив, но не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Кликнув Рогчара, киммериец побежал вперед. Он должен был удостовериться, что никто не проник в дом, но опасения его оказались напрасны: обежав вокруг дома, он увидел, что повсюду шла охота.

Люди в панике метались по двору, пытаясь спрятаться за деревьями и за старой утварью, в изобилии сваленной за домом. Это были не убийцы, а воры, но почти каждый имел при себе кинжал, и когда прошло первое потрясение, вызванное неожиданным отпором, они попытались отбиться от не оставлявших их в покое животных, но оказалось, что это не так-то просто сделать.

Чтобы убить стремительно несущееся на тебя животное, нужно нанести сильный и точный удар, а этого никто из оборонявшихся сделать не сумел. В результате несколько бойцов Рогчара оказались ранеными, но это только разозлило их.

Начало светать, а вокруг по-прежнему раздавались треск ломавшегося дерева, топот копыт, проклятия людей, победный рев то одного, то другого четвероногого воина и этот шум битвы людей со зверями не затихал ни на миг.

Самым удивительным в этой потасовке оказалось то, что собратья Клинго не остались в стороне от схватки и не ограничились ролью сторожей. Они смело бросались на противника в нужный миг отвлекая его внимание от основной, ударной силы. Не говоря уже о том, что не один и не двое противников держались за изуродованные их сильными клювами лица.

Конан с Рогчаром не торопясь обходили дом раз за разом, после каждого круга пропуская по чарке и вмешиваясь в драку лишь там, где помочь им была необходима. Правда этим занимался в основном Рогчар, так что Конану так и не пришлось воспользоваться мечом.

Неудивительно, что люди, разбуженные невообразимым шумом, стали высовываться в окна и, полюбопытствовав, что же происходит, уже не могли оторваться от этого зрелища. Теперь, когда солнце поползло вверх, все окна в доме были открыты настежь и из каждого торчало не меньше двух голов — все-таки вместе со стражей и прислугой их было почти полторы сотни.

Один из молодых воинов Бруна вылез в окно, желая помочь Конану навести порядок, но едва успел вскочить обратно, чуть не поднятый на рога одним из бандитов Рогчара, не делавших исключения ни для одного из двуногих, кроме молодого варвара да краснолапых забияк Клинго.

Постепенно непрошеныеочные гости поняли, что спасения можно искать лишь на деревьях, и то один из них, то другой начали исчезать из пределов досягаемости вошедших в раж четвероногих разбойников, скрываясь в густой листве.

Однако это вовсе не охладило пыла бойцов как можно было ожидать а а отцов, как того ждать, а наоборот, еще больше озлило их, когда рогатые драчуны сообразили, что люди сумели спрятатьсяся. Глаза их налились кровью, они рыли землю копытами, но сделать ничего не могли — законная добыча ушла.

Лишь пернатые забияки Клинго еще пытались достать врага. Они взлетали, но их грузные

тела были слишком велики, чтобы добраться до противника, укрывшегося в густой листве.

Армия Конана желала крови, и лишь сам полководец, единственный из всех, порадовался, что скоро все успокоится, и он сможет отправить в загоны верно послуживших ему соратников, но в это мгновение шествовавший рядом с ним Рогчар нашел выход.

Один из спрятавшихся в кроне излишне энергично отмахивался от наседавшего на него гуся и сумел задеть его.

Дело осложнилось тем, что пострадавшим оказался сам Великий Клинго. Не случись этого, все кончилось бы хорошо, но теперь сражение завертелось с новой силой.

Рогчар жаждал немедленно отомстить за обиду, нанесенную верному соратнику, с которым они выдержали ночную битву, и смело ринулся в бой. Как известно, беда не приходит одна — ствол дерева оказался не самым толстым, да к тому же подпорченным изнутри. От удара сломался не лоб, а ствол.

Раздался страшный треск. Дерево накренилось. Подоспел еще один рассвирепевший рогач. Удар повторился, дерево зашаталось и повалилось набок. Бедняга не сумел вовремя выбраться из переплетения ветвей, и участь его оказалась незавидной.

Конан бегал, как угорелый, пытаясь утихомирить разъярившихся сверх меры животных, но безрезультатно. И особую злость его вызывало то, что лоботрясы в окнах подзадоривали животных. Добрая сотня глоток орала и улюлюкала, и животные словно понимали, что от них требуется.

Огромные козлы с неослабевающим упорством таранили стволы деревьев, укрывавших в своих кронах остатки грозной банды Эль-Карама и Бен-Сауфа. Неизвестно, чем кончилось бы дело, если бы не остановившиеся у ворот подводы. Конан опрометью бросился отпирать, благодаря Крома за столь своевременное вмешательство.

— Клянусь кишками Нергала — вовремя! — воскликнул он, распахивая створки.

Обутый в новые чарыки, его вчерашний собеседник ошарашенно остановился, некоторое время не в силах отвести изумленного взгляда от царившего во дворе разгрома.

С обратной стороны здания, где не знали еще о прибытии владельцев, продолжали раздаваться подбодряющие крики зрителей и тяжелые удары чугунных лбов участников боя.

Снова послышался треск сломавшегося дерева, а вслед за ним — человеческие крики, не похожие на предыдущие, которые быстро стихли под торжествующее то ли «бе-е», то ли «му-у».

Это вывело зуагира из состояния шока. Последовала горянная команда, и полтора десятка его людей бросились исполнять приказание. Прошло не слишком много времени, когда груженые повозки покинули двор, и Конан с зуагиром остановились в воротах, чтобы обменяться прощальными словами.

— Не стоит огорчаться, светлейший. Раны животных не опасны.— Старик покачал головой.

— Никогда бы не подумал, что они способны на такое. Все-таки гусиные бои это одно, козлиные — это другое, но война между людьми дело особое, не похожее ни на первое, ни на второе.

Конан кивнул.

— Шесть трупов — это многовато, но с другой стороны, их никто не звал. Возьми,— он протянул мешок, наполненный золотом,— передай это почтенному Тулгун Саду вместе с благодарностью от меня и сожалением, что не могу выразить ее лично.

Мешок утонул в объемистом хурджуме зуагира. Он кивнул на прощание киммерийцу, развернулся и быстро пошел прочь по пыльной улице вслед удалявшимся повозкам.

Глава шестая

Конан еще стоял посреди улицы и провожал взглядом повозки, увозившие его четвероногих помощников, когда его окликнула Сурия и, восторженно глядя на молодого варвара, сказала, что госпожа желает его видеть.

— Которая? — простодушно спросил Конан.

— Звала старая Сиотвия, хотя там все трое, и господин с ними,— ответила девушка и вновь посмотрела на него взглядом, говорившим, что ее желание видеть киммерийца не менее сильно, но обещает гораздо больше.

Неожиданно для самого себя он попытался обнять девушку, но она легко выскользнула и, смеясь, танцующей походкой пошла к дому.

— Иди за мной!

Киммериец усмехнулся и пошел следом.

Они вошли через парадный вход, миновали прекрасную бронзовую статую Деркэто, мимо которой северянин никогда не мог пройти равнодушно. Всякий раз ему невольно казалась, что богиня оживает, стоит лишь повернуться к ней спиной, и с любопытством смотрит на него.

Вместе с девушкой киммериец пересек овальный зал, поднялся по широкой лестнице розового мрамора, огибавшей его с двух сторон вдоль дальней стены, чтобы сойтись посередине, но уже на уровне второго этажа, и вошел в дверь. Балюстрада лестницы была составлена из украшенных затейливой резьбой баласин, которые у Конана всякий раз не хватало времени рассмотреть.

Войдя в дверь, он оказался в сплошь застекленном со стороны наружной стены коридоре, превращенном Мелией в цветник.

Девушка свернула налево, и Конан последовал за ней.

— Сюда, господин.

Пока они шли, девушка говорила мало, отдельными фразами и только то, что должна была говорить, зато глаза её кричали об ином, обещая все радости, которыми только может одарить мужчину молодая рабыня. Однако, стоило лишь внезапно отвориться двери, лицо ее словно окаменело и эта внезапная перемена немало озадачила Конана.

«Впрочем — объяснил он сам себе,— имея такого господина как Тефилус, научишься любым трюкам».

Он вошел в открытую девушкой дверь и остановился, оглядываясь: все семейство действительно было в сборе, но кроме Тефилуса и трех женщин тут же находился Брун.

Конан остановился. Тефилус жестом отпустил служанку и мрачно уставился на варвара.

— Как ты объяснишь ночное происшествие?

Конан пожал плечами:

— Жрец сознался, что Хараг нанял аренджунцев. Правда, мне сказали, что их будет всего десяток, а оказалось вдвое больше.

— Даже так? — Лицо Тефилуса налилось кровью.— Почему ты не сказал ничего мне?

— А зачем? — Северянин снова равнодушно пожал плечами.— Твои люди все равно спали. Брун покраснел со стыда и сжал рукоять меча так, что пальцы его побелели, но промолчал.

— Ах, вот как?

Киммериец видел что эффект достигнут, но Тефилус разъярился все сильнее, пока еще удерживался от ругани.

«Видно, дал слово Мелии»,— подумал варвар.

— А может быть ты сам подсыпал нам сонного зелья?

— Кром! — невольно вырвалось у Конана. Он смотрел на Тефилуса едва ли не с восторгом: подобной нелепости он не ожидал даже от него.— Что-то не возьму в толк, к чему мне это?

— Чтобы выглядеть героем в глазах моей дочери!— выпалил тот, пылая гневом.

Конан подумал, что, видимо, почтенный хозяин вполне мог поступить так, окажись он лет двадцать назад в подобной ситуации.

— Когда жена твоя попросила меня защитить дочь, я ответил, что уезжаю из Шадизара,— спокойно ответил Конан, посчитав этот довод вполне достаточным, чтобы показать несуразность обвинения.

— Но, поразмыслив, решил остаться! — зло воскликнул Тефилус, обрадовавшись, что удалось так легко раскусить варвара.

— Задержаться,— поправил его Конан.

— Даже так! — вновь повторил Королевский Дознаватель, не скрывая злой иронии, всем своим видом показывая, что истинные намерения варвара ему видны как на ладони.

— Перестань, Тефилус! — оборвала его Сиотвия.— Если ты действительно веришь в то, что говоришь, то мне тебя жаль. Ясно как день, что не он подсыпал в вино сонного зелья.

— Кто же тогда?! — не желал униматься Тефилус.— И почему ты единственный не заснул?! Он вновь обернулся к киммерийцу, желая услышать ответ немедленно.

— Потому что я не пил того, что пили вы,— простодушно ответил Конан.— Я вообще не пью пальмового вина, если есть иное!

— Вот как? — вновь спросил тот, и северянин подумал, что, похоже, это любимая фраза Главного Королевского Дознавателя.— Это почему же?

— Оно слишком сладкое для меня.— Варвар слегка поморщился.— Хотя по крепости вполне удовлетворяет.

— Я же сказала: отстань от него! — повторила Сиотвия.— Он даже в дом не заходит.

— Но кто же тогда? — вновь задал свой вопрос Тефилус и обвел всех вопросительным взглядом. Конан пожал плечами, и тут в глазах Дознавателя мелькнула догадка.— Кто покупал вино?

— Сурия ходила вчера на рынок, — спокойно ответила Аниэла.

— Ага! — торжествующе воскликнул Тефилус, которому вновь все стало ясно как день.— Ее и купили совсем недавно!

Конан нахмурился. Если этот обделенный богами умом Дознаватель возьмется за рабыню...

— Зачем ей травить хозяев? — Он пристально взглянул на Тефилуса.— Разве что-то пропало?

— Это жрецы Затха! Они подкупили или запугали ее!— убежденно настаивал на своем Тефилус.

— Подкупили бы повариуху,— Конан ухмыльнулся — чего проще!

Хозяин уставился на Конана, напряженно соображая. Он никогда не лез в домашние дела, считая это ниже своего достоинства, но даже он знал, что все в доме имеют постоянные обязанности. Знал он и то, что девушку купили недавно, и из слов жены понял, что они с дочерью попали на рынок случайно. Проклятие Сета! Ну почему ненавистный варвар все схватывает на лету, а ему до тех же выводов приходится доходить путем долгих размышлений.

— Но кто же тогда?! — обреченно повторил он и уставился на Конана, словно говоря: «Раз ты такой умный, так расскажи нам, как было дело».

— Торговец,— сказал Конан убежденно. — Ей наверняка продали уже подготовленное вино, а привлечь впервые отправившуюся за покупками девушку, скажем, низкой ценой, совсем несложно.

Северянин замолчал. Он чувствовал что убедил подозрительного сверх меры Дознавателя. Так оно и было. Тефилус, оставаясь недовольным, понимал, что проклятый варвар прав, и ничего с этим было не поделать.

— Почему ты отдал животных? — внезапно спросил он.

— Чтобы их не постигла участь твоих псов,— спокойно ответил киммериец.

— Они могли бы...

Конан понял, о чём он собирается говорить, и отрицательно покачал головой.

— Жрецы не станут повторяться.

— Откуда тебе знать?

— Нет смысла в повторении неудавшегося хода. Они придумают что-то новое.— Конан внимательно посмотрел в глаза отца Мелии, следя за его реакцией.— Тефилус, скажи честно: Маргаб был единственным, кого ты нанял, чтобы убить меня?

Киммериец увидел, как побледнела Мелия, Аниэла удивленно уставилась на него, а Сиотвия требовательно посмотрела на главу семейства.

— Он был один,— поспешил ответил Тефилус.— А почему ты спрашиваешь?

Конан отвел взгляд и пожал плечами, так ничего и, не поняв по поведению Тефилуса. Нергал его знает, врет он или нет. Может, просто поспешил успокоить женщин, с которыми не хотел лишний разссориться, особенно после памятного разговора с Сиотвией.

— Вчера я заметил, что за мной следят.

Он вновь посмотрел на Дознавателя, и на этот раз ему показалось, что в глазах того мелькнула злорадная ухмылка, которая, впрочем, тоже, учитывая их отношения, ни о чём не говорила, хотя могла означать и иное...

— Я думаю, это жрецы,— спокойно заметил Тефилус,— узнали, что тебя наняли, и решили последить.

Конан кивнул:

— Я тоже сперва так подумал, но позже понял, что ошибся.

— Как ты можешь быть уверен?

— Все просто.— Северянин пожал плечами.— Они знают, кто я, знают, что меня наняли, знают, где меня искать. К чему им понапрасну тратить время на слежку?

— Они ищут способ,— Королевский Дознаватель посмотрел в глаза молодому варвару, словно радуясь его трудностям,— устраниТЬ тебя.

— Хвала Крому, если так.— Конан равнодушно зевнул. — Я боюсь иного.

— Чего же? — удивилась Сиотвия.

— Неизвестности.

И он вновь внимательно посмотрел на Тефилуса, словно говоря: «Еще не поздно все рассказать», но тот поспешил отвернуться.

— Хорошо. Ты прав. Со временем это выяснится, а пока пусть все остается как есть. Брун, пойдем со мной.

Тефилус кивнул женщинам и вышел, даже не посмотрев на Конана. Он понял кое-что очень важное. Все его умозаключения, несмотря на их стройность и правдоподобие, никак не могли быть правдой, а скорее напоминали бред. И так будет до тех пор, пока он не обнаружит чего-то нового, чего не знал до сих пор.

Мелия с тихой грустью смотрела на Конана. За те два дня, что он провел в доме, они не перекинулись и парой слов: им никак не удавалось оставаться наедине, постоянно кто-то мешал, а при людях она намеренно оставалась по отношению к нему холодна и надменна.

Аниэла улыбнулась ему:

— Не сердись на мужа. Я знаю, вы не ладите, но он жаждет защитить дочь и оттого бывает

несправедлив.

Киммериец прекрасно знал, почему Тефилус ненавидел его, понимал и вполне естественное желание Аниэлы наладить их отношения и ничего не имел против этого.

— В одном твой муж прав,— сказал он и, увидев искреннее недоумение на лицах всех трех женщин, пояснил:— в доме действительно есть предатель.

— Ты... Ты уверен в том, что говоришь? — Аниэла не верила своим ушам.

— Совершенно.— Конан убежденно кивнул.

— Но почему ты не сказал Тефилусу? — спросила она.

Конан поморщился:

— Он измордовал бы рабов, не говоря уже о воинах Бруна, и ничего бы не добился.

— Верно, — согласилась Сиотвия, — нельзя допустить, чтобы нас возненавидели люди, защищающие нас.— Она помолчала.— Но откуда ты знаешь?

Конан протянул ей листок.

— Что это?

Сиотвия удивленно вскинула брови. Аниэла иэла и Мелия подошли, чтобы посмотреть.

— План дома.

Аниэла вздохнула с облегчением.

— Ах, Конан! — Она весело взглянула на киммерийца.— Успокойся, план дома может составить любой из побывавших у нас, а таких в Шадизаре сотни! — Она улыбнулась ему обворожительной улыбкой, которая даже теперь могла свести с ума кого угодно.

Конан невольно вздохнул:

— Значит, любой может нарисовать?

— Конечно! — радостно подтвердила она.

— И план первого этажа, который весь, за исключением овального зала, отдан в распоряжение прислуки? — спросил Конан, не сводя с нее пристального взгляда.

Улыбка застыла на лице Аниэлы.

— Вплоть до погребов и кладовок, где в случае надобности можно спрятаться? — продолжал он.

Женщина побледнела.

— Ты прав, Конан,— вместо дочери ответила Сиотвия,— мы будем приглядывать за служами, но вот воины Бруна...

— Воины Бруна ни при чем,— убежденно ответил он.— Это было бы слишком.

— Но ведь сегодняшниеочные гости — аренджунцы?— возразила Сиотвия.— Если жрецы наняли их, могли нанять и еще кого-то.

— Верно, — кивнул Конан, — но Эль-Карам и Бен-Сауф — знаменитые похитители людей. Именно поэтому к ним и обратились.

— Но что если...

— У них просто не было времени.

Конан упорно стоял на своем.

— Хорошо.— Сиотвия решила прекратить ненужный спор.— Сегодня должен появиться Мэгил. Мы просили его выяснить все, что можно, и надеюсь, его приход прояснит наше положение окончательно.— Она обернулась к Конану: — Ты хотел сказать еще что-то?

Киммериец кивнул:

— Я хотел спросить: вы убедились в серьезности и настойчивости наших врагов?

— Мы и не сомневались в этом.— Сиотвия ответила за всех.

— Тогда я хочу повторить и свое предложение: Мелия должна уехать.

— Нет.— Мелия побледнела и умоляюще посмотрела на могучего варвара, впервые

заговорив с ним.— Как только мы покинем Шадизар, мы станем беззащитными, и меня уже ничто не спасет. Я боюсь...

Киммериец посмотрел на Аниэлу и Сиотвию и, хотя обе молчали, понял, что они согласны с девушкой.

— Хотя мы и не можем рассчитывать на защиту Управителя, но здесь, по крайней мере, днем, никто не отваживается нападать на дом Главного Королевского Дознавателя. Это уже немало.

Сиотвия серьезно посмотрела в глаза Конану:

— Будь я молодой женщиной, я бы согласилась на твоё предложение.— Она лукаво улыбнулась северянину.— Но я бабушка Мелии и тоже говорю: «Нет». В степи или в горах, неважно, на вас немедленно будет объявлена охота.

— Полное единство.— Он беспомощно развел руками, все трое, как по команде, улыбнулись ему, и Конан невесело покачал головой.— Так, может, сделаем вид? Пусть Хараг думает, что Мелия покинула Шадизар!

— Ничего не имею против.

* * *

— Конан! Опять Конан!

Хараг ходил из угла в угол, не находя себе места от душившей его злости. Достигнув почти вершины власти, он привык к слепому повиновению, к тому, что любое его желание немедленно выполнялось, а малейшее непослушание, да что там непослушание, только мысль о нем, просто проявление недовольства жестоко и немедленно карались.

Теперь же какой-то мелкий воришко, по которому давно плачет топор палача, этот варвар, спустившийся с Киммерийских гор, смел противиться ему! Противиться?! Он нарушил все его планы, сначала поймав его жреца, специально обученного для таких дел, а потом — нанятую им банду похитителей людей из Аренджуна! Лучшую во всей Заморе!

Рамсис сидел в кресле, с удовольствием потягивая кисловатое ледяное стигийское вино, которое предпочитал всем прочим, и с интересом наблюдал за своим приятелем. Впрочем, приятель — не совсем верно. У жреца Сета не было друзей, приятелей, возлюбленных — всего того, к чему стремятся прочие люди. По крайней мере, люди обычные. У него были рабы, слуги и наложницы, которых он изредка одаривал, если они умели ублажить его как следует, или наоборот — приносил в жертву своему мрачному богу, и последнее случалось гораздо чаще. Но иногда он словно вспоминал, что между людьми бывают и иные отношения — не только рабское подчинение, но и равноправное сотрудничество, правда случалось такое редко и исключительно в силу необходимости. К тому же такие отношения не нравились стигийцу, ведь с равноправным партнером приходится делить плоды победы, и тут он был бессилен что-либо изменить, утешая себя мыслью, что мир, к сожалению, еще несовершенен.

Сейчас Рамсису приходилось вести себя с Харагом на равных.

Не то чтобы жрец Сета не смог бы обойтись без заморийца, но Хараг владел тем, что необходимо было стигийцу. Взвесив все за и против, он посчитал, что договориться будет выгоднее, чем действовать силой. По крайней мере, до поры, до времени, а там видно будет...

Так он посчитал с самого начала, едва узнал, что Хараг заманил к себе Тхон-Тона и завладел Талисманом. Однако за прошедшие несколько дней замориец все больше разочаровывал его.

Рамсис недовольно поморщился — ему надоело слушать стоны жреца Затха.

— Я говорил, что хитрость действенней силы.— Он улыбнулся, поставив высокий хрустальный бокал на стол, долил себе вина и улыбнулся снова.— Почти всегда действеннее.

Хараг замер на месте и возмущенно уставился на стигийца, чем доставил ему немалое удовольствие.

— Но я не действовал силой! — гневно воскликнул он.

— Ты не действовал и хитростью! — возразил Рамсис все с той же мягкой улыбкой.

— Я все сделал как надо!

Он посмотрел на стигийца, требуя, чтобы тот немедленно подтвердил сказанное, но поклонник Сета лишь прихлебнул вина, слегка кивнул, и кивок этот можно было понять и как согласие со всем сказанным, и как простое уведомление о том, что он все слышал, но остается при своем мнении. По крайней мере, змеиная улыбка, не покидавшая лица жреца Сета, говорила именно о последнем.

— Проклятый варвар! — вернулся к самобичеванию Хараг.— Если бы не он, Мелия уже была бы у нас!

— Кажется, ты обещал, что я больше не услышу его имени,— словно мимоходом заметил Рамсис.

— Ты же сам отговорил меня от этого,— вспылил Хараг.— И если уж кто и виноват в том, что он продолжает ставить нам палки в колеса, то имя этого человека не Хараг!

Он уставился на своего гостя, ожидая его ответа, ибо обвинение, высказанное им, было совершенно недвусмысленным. Он ожидал всего: возмущения, взрыва негодования, но вместо этого увидел все ту же улыбку, упорно не желавшую покидать лица Рамсиса. Правда, она стала неподвижной, словно маска, но в своем возбуждении Хараг не заметил этого.

— О силе и хитрости я упомянул неспроста,— заговорил, наконец, стигиец.— Ты предпринял две попытки, позволь теперь действовать мне.

— Мне порой кажется, что сам Сет помогает проклятому киммерийцу,— проворчал Хараг и пожал плечами.— А впрочем, действуй.

— Сет помогает мне, и только мне! — Глаза Рамсиса гневно сверкнули, но Хараг не смотрел на своего собеседника и не уловил зловещего сочетания милой улыбки и злобного блеска глаз.— Очень скоро ты сможешь убедиться в этом!

Лишь теперь замориц, привлеченный последней фразой Рамсиса, с интересом посмотрел на него. Тот вновь приветливо улыбался, и ничто уже не указывало на бурю эмоций: совсем недавно бушевавшую в его черной душе.

— Я буду действовать силой, но применять ее стану с хитростью, — продолжал тем временем стигиец медленно, словно обдумывая только что пришедшую в голову, но необыкновенно удачную мысль.

— Как ты намерен избавиться от киммерийца? — поинтересовался его собеседник.

— Никак! — просто ответил Рамсис.— Пусть делает, что хочет. На сей раз его меч не сможет поразить моего посланца!

— Что ты задумал? — Глаза Харага завистливо и возбужденно заблестели. — Увидишь,— коротко бросил Рамсис, взгляд которого горел торжеством.— Но ты должен помочь мне, ведь ты понимаешь, что здесь, в Шадизаре, я лишен почти всех атрибутов, необходимых для колдовства.

— Что я должен делать?

Харагу не терпелось узнать, что же такое задумал стигиец. Особенно после его первого колдовства, которое хоть и не привело ни к чему, но было весьма эффективно. Узнай об этих мыслях Рамсис, и они немало позабавили бы жреца Сета, гордившегося замысловатостью своих выдумок, но на первое место все-таки ставившего их действенность.

— Пока ничего, но ночью мне понадобится твоя помощь.

* * *

Копейщик был мертвецки пьян.

То есть он был пьян настолько, что еще мог делать два дела: вливать в себя очередную порцию вина, которое с завидным упорством подливал ему Зул, внимательно следивший за тем, чтобы кубок новоявленного приятеля не оставался пустым, да бездумно, но правдиво, в этом надо ему отдать должное, отвечать на вопросы Тушки.

А денег Зул не жалел. Накануне Конан выдал ему мешок, который приятно оттягивал плечо, пока Зул нес его, а брошенный на пол, соблазнительно звякнул. Негр развязал стягивавшую его тесьму и изумленно присвистнул.

Впрочем, это было в духе киммерийца. Сегодня не иметь ни гроша за душой, а назавтра отвалить друзьям тысячу полновесных кругляков, на которые, правда, Шадизара не купишь, но напоить его население можно запросто. Тем более одного копейщика!

Зул усмехнулся и подлил вина в опустевший бокал. Ему уже давно хотелось спать, и он поймал взгляд своего необъятного приятеля, намекая ему, что от их сегодняшнего собутыльника уже не будет толку. Тот кивнул, соглашаясь.

Хвала Митре!

Он махнул Кириму, и на столе появился кувшин хмельного пальмового вина. Сейчас они вольют в окосевшего стражника пару кубков, и он повалится под стол, а когда проспится, то и под страшными пытками не признается ни в чем. Просто ничего не сможет вспомнить!

— Пора кончать.— Зул посмотрел на Тушку.— Скоро заявится Конан.

— А-а! Конан! — обрадовался пьяница.

— Конан? Кто такой Конан?

Тушка сделал удивленное лицо и посмотрел на оживившегося пропойцу, а Зул досадливо крякнул: он никак не ожидал, что их собутыльник еще способен соображать.

— Сегодня Конану придет конец! — авторитетно заявил копейщик, и Тушка мгновенно насторожился, а Зул с удивлением поймал себя на том, что спать ему почему-то расхотелось.

— Вероятно, ты говоришь о том Конане, что, как я слышал, охраняет дочку Королевского Дознавателя?— вспомнил Тушка, старательно изображая на лице напряженную работу мысли, словно только сейчас ему на ум пришло мельком слышанное имя.— Кажется, Мелию! — воскликнул он радостно.

Кирим забрал со стола пустую посуду и пошел прочь, качая головой — во дают! Со стороны послушать — дураки дураками! Последние несколько дней об этом деле только и разговоров, а уж кто не знает в Шадизаре Конана, он и вовсе представить себе не мог!

— Точно, о Мелии! — обрадовался копейщик, который даже стал вроде несколько трезве.

— Сегодня ночью ее непременно выкрадут! Только тс-с-с! — Он приложил палец к губам.— Это секрет!

Тушка вяло махнул рукой, давая понять, что секрет этот известен всем.

— Ничего у твоего хозяина не получится. Два раза не получилось, и сегодня не получится.

— Ты откуда знаешь? — вдруг забеспокоился пьяница, запоздало поняв, что сболтнул лишнее.

— Да об этом весь город говорит, — успокоил его Тушка и обернулся к нескольким

посетителям, забредшим спозаранку пропустить стаканчик, другой, — верно? Те согласно закивали. Все здесь знали Конана и его друзей, а значит, все, что они говорят, безусловно, верно и не подлежит сомнению.

— А сегодня ночью будет, как я сказал! — воин успокоился, на него единодушные случайных посетителей произвело нужное впечатление.— Сегодня мой хозяин сговорился с Рамсисом, так что ничто теперь не спасет проклятую девку! Ха-ха-ха!

Он залился пьяным смехом, брызгая слюной в свой кубок. Тушка брезгливо поморщился и поспешно подхватил со стола свой.

— Так выпьем за успех твоего хозяина! — поддержал его Зул, влив в кубок копейщика очередную порцию пальмового.

— Да, да,— пьяно закивал тот.— За это непременно нужно выпить!

Зул подлил Тушке и себе, и все трое выпили за удачу славного Харага и его приятеля, добрейшего Рамсиса.

* * *

Мэгил понравился Конану сразу и безоговорочно, равно как и сам киммериец пришелся по нраву этому высокому, улыбчивому жрецу. Точнее, бывшему жрецу, или вольному жрецу, как предпочитал называть себя он сам. С детства воспитывался он при храме Митры, а когда пришла пора делать выбор, не задумываясь, ушел, хотя непокорного юношу и пытались заставить остаться сперва уговорами, а затем угрозами и даже силой.

Так или иначе, но, оказавшись на свободе, Мэгил ни разу не пожалел о сделанном выборе. Он стал, как он сам это называл, вольным жрецом, откликаясь на зов любого, кому лень или недосуг было тащиться в храм, и выполняя все необходимые обряды на дому, ведь знания-то у него отобрать не мог никто.

Это занятие обеспечивало ему не только кусок хлеба, но и кое-что получше, не говоря уж о стаканчике вина, без которого вольный жрец считал просто зазорным приступать к трапезе.

Ему было уже под сорок, но годы, казалось, проносились мимо, никак не сказываясь, ни на лице его, упорно не желавшем покрываться морщинами, ни на густой шевелюре, в которой нельзя было заметить ни одного седого волоса, ни на подтянутой фигуре.

Прожив полжизни, он не разочаровался в людях, о чем ясно говорили его простое лицо и открытый взгляд. Короче — он понравился Конану.

Зато Тефилус невзлюбил его с первого взгляда. Можно было бы еще раз перечислить все вышесказанное, чтобы объяснить, почему Мэгил не понравился Главному Королевскому Дознавателю, но это было бы ни к чему. Просто все то, что расположило к нему Конана, оттолкнуло Тефилуса.

Неудивительно и то, что северянин тоже сразу понравился бывшему жрецу, научившемуся хорошо разбираться в людях. Ему вообще нравились мужчины не просто сильные, но и умные, а в том, что молодой варвар обладал обоими этими качествами, умудренный житейским опытом Мэгил не сомневался.

Более того, он видел, что киммериец относится к той малочисленной категории людей, кто, не забывая о своих интересах, готов рискнуть жизнью за дружбу, за любовь...

Вполне понятно, и почему с Тефилусом он не нашел общего языка с первой же встречи, с которой минуло уже немало лет. В Королевском Дознавателе сразу угадывался человек, всю

жизнь пробивавшийся к власти собственным, правда, трудом, но не гнущаясь на этом нелегком пути продать, предать, а быть может, и убить... Все это было ясно написано на его лице, и Мэгил не мог понять, как Аниэла, женщина, несомненно, умная, тонко разбирающаяся в людях, не разглядела этих качеств своего мужа... «Да,— подумал он,— правильно, видно, говорят, что любовь слепа!»

— Ты узнал, что хотят от моей дочери? — Аниэла с тревогой и надеждой смотрела на Мэгила.

— Да, госпожа.

Он склонился в учтивом поклоне. Улыбка впервые покинула лицо жреца, и это сразу заметили все. Мелия замерла, боясь вздохнуть, почтенная Сиотвия нахмурилась, Аниэла сжала подлокотник кресла так, что пальцы ее побелели от напряжения.

— Ее собираются принести в жертву Затху, и произойти это должно не позднее нынешнего полнолуния, а точнее, именно в полнолуние. Раньше нельзя, а позже это станет бессмысленным, но как раз в ограниченности срока наша надежда.

Он подробно описал всю историю Памелы, ее тайные замыслы и заговор жрецов. Тогда все тоже решало время — либо она, либо они. Жрецы оказались хитрее, а может быть, им просто повезло, но результат известен: жрицу-отступницу сожгли на костре, но перед смертью она изрекла пророчество, и вот теперь потомки жрецов хотят повторить все то, что не удалось сделать их далеким предкам.

Некоторое время в комнате висела тягостная тишина, которую никто не решался прервать.

— Но при чем здесь я?

Мелия растерянно посмотрела на жреца, словно он мог знать ответы на все вопросы. Тот пожал плечами.

— Не знаю.— Он задумался.— Им нужна была сила Памелы, чтобы оживить чудовищного паука — свое божество. Они не смогли сделать это против ее воли. Тогда не смогли,— уточнил он задумчиво.— Видно, за прошедшие века многое изменилось, и теперь им не нужно согласие обладателя силы.

— Но при чем здесь я? — еще тише спросила девушка.

— Не знаю,— повторил Мэгил,— быть может, стоит еще порыться в библиотеке старого дома, хотя,— он пожал плечами,— я уже десять раз бывал там. Кроме того, что вы в родстве, я ничего сказать не могу, но, как видно, это значит очень много, иначе со смертью Зиты тебя оставили бы в покое.

При упоминании о погибшей сестре что-то в груди Мелии болезненно сжалось, слезы подступили к глазам, готовые в любой миг побежать по щекам девушки.

— А не может найтись что-то полезное в потайном алтаре? — неожиданно спросил Конан.

— Откуда ты знаешь про алтарь? — оживился жрец и обернулся к Аниэле, объясняя: — Я знал о его существовании и сто раз пытался отыскать, но безуспешно.

— Я открыл его.

Киммериец равнодушно пожал плечами, словно не видел в этом деле ни малейшей трудности.

— И что ты там увидел? — Мэгил замер в волнении.

Конан снова пожал плечами:

— У меня не было времени рассматривать. Я едва успел схватить камень с запекшимся в середине пауком, как меня вытолкнуло наружу, а позже...

— Да, да, я знаю,— перебил его Мэгил,— но, значит, там все осталось! Нужно немедленно идти туда! Ты ведь не откажешься сопровождать меня?

— Конечно! — рассмеялся Конан.— Раз это поможет.

Сейчас полдень,— он повернулся к Тефилусу,— я думаю, днем вряд ли что случится.

Тот высокомерно кивнул, показав, что не возражает, но ничего не ответил.

— Чуть не забыл,— Мэгил повернулся к Мелии и, порывшись в кармане, протянул ей какую-то вещицу на цепочке.

— Какая прелесть! — Девушка всплеснула руками и принялась рассматривать статуэтку со всех сторон, сразу став похожей на маленькую девочку, получившую неожиданный подарок.

— Это изображение Иштар,— улыбнулся жрец.— Говорят, оно обладает магической силой и способно защитить приглянувшегося человека, но лишь в том случае, если зов исходит от любящего сердца.

Мелия удивленно посмотрела на жреца, но тот лишь пожал плечами:

— Я знаю, что ты скажешь, это всего лишь красивая сказка. Просто я слышал эту историю и решил рассказать ее тебе, потому что ты любишь их.

Мелия кивнула и вновь посмотрела на статуэтку. Искусно вырезанная из слоновой кости вещица казалась почти живой. Почти... Словно лишь крохотной искры жизни не хватало ей для того, чтобы доказать, что это и на самом деле так.

— Когда смотришь на нее, кажется, что так и есть,— очарованно произнесла Мелия, не заметив, что говорит вслух.

— Ах, дочка, если бы боги защищали от зла хотя бы чистые души, насколько мир бы стал светлее! — Аниэла нахмурилась.— К сожалению, иногда мне кажется, что лишь Сет печется о своих почитателях... Но не будем об этом.— Она обернулась к Конану.— Сходите,— Аниэла улыбнулась.— Ты, Конан, еще молод, а Мэгил многое повидал в жизни, и тебе, несомненно, могут помочь его советы.

* * *

Все было так же, и все было иначе.

Теперь, при свете дня, дом выглядел по-другому, может быть, и не весело, но, по крайней мере, и не столь мрачно, как прежде, и если бы не трагедия, приключившаяся здесь чуть больше недели назад, Конан и вовсе не имел бы ничего против его посещения. По правде говоря, он и сейчас не протестовал — надо, значит, надо. Во всяком случае, сравнение с каменным гробом, пришедшее ему на ум в ту роковую ночь, теперь могло родиться разве что в голове безумца.

— Говорят, лишь благодаря тебе Мелия осталась жива в ту ночь.— Мэгил улыбнулся, словно говорил о чем-то необычайно веселом.

— А остальные отправились на Серые Равнины,— мрачно отозвался киммериец.

— Брось! — Жрец улыбнулся еще шире.— Ты же так не думаешь!

— Верно, — согласился Конан, — я просто стараюсь не вспоминать ту ночь, но, когда такое случается, меня начинает одолевать неприятная смесь злости и бессилия! Своего бессилия изменить что-либо и злости на четверых молодых идиотов, словно сговорившихся погубить друг друга! — Он помолчал.— Плохое чувство — злость к мертвцам, заплатившим за свою глупость самую высокую цену.

— Не повезло.— Мэгил пожал плечами.

— Да, не повезло,— согласился киммериец,— но меня не покидает странное ощущение, что все произшедшее не случайно. Мелия, единственная из всех, вела себя разумно и осталась жива.

Конан не привык говорить подолгу и теперь, когда возбуждение, вызванное нахлынувшими

воспоминаниями, улеглось, вновь замолчал.

Мэгил стоял отвернувшись. Он смотрел на дом, слушал рассказ спутника и думал о своем. Конан давно закончил говорить, а Мэгил все стоял, словно прислушиваясь к чему-то, что слышал только он.

— Я чувствую отзвук страшной трагедии, разыгравшейся здесь. Эти стены хранят боль и страх, а может быть, и еще что-то. Не знаю.— Он обернулся.— Ты не мог бы подождать еще немного, пока я подготовлюсь? Мне не хотелось бы соваться внутрь просто так.

Конан кивнул:

— Я прогуляюсь вокруг.

— Отлично! — Жрец явно обрадовался тому, что Конан не станет мешать ему.— Не задерживайся нигде специально, но и не торопись, и когда ты вернешься, я буду готов. Конан пошел вдоль стены. Окна первого этажа были зарешечены и забраны ставнями, окна второго защищали ажурные кованые решетки, но ставен на них не было, окна третьего не были защищены ничем. Видимо, высоту строения посчитали достаточным препятствием для злоумышленников. Киммериец прошел вдоль стены и, свернув за угол, увидел огромное окно с высаженными стеклами. Это окно, единственное из всех на первом этаже, не было закрыто ставнями, скорее всего, из-за размеров. Оно впрямь было огромно и протянулось на десяток локтей вдоль фасада и в высоту до перекрытия второго этажа.

Стекол так никто и не вставил.

Это было неудивительно — времени прошло мало, а забот сразу навалилось, хоть отбавляй. Погибли трое молодых людей, и все они принадлежали к шадизарской знати.

Поначалу предстоящие похороны начали стремительно превращаться в скандал, особенно когда родители молодого Эмерика потребовали объяснить, куда делось тело их сына, а родные Фабиана не верили глазам своим, когда вместо молодого богатыря, пусть и мертвого, увидели сморщенного столетнего старика. Впечатление усиливалось тем, что рядом лежало обнаженное тело прекрасной юной девушки, дважды проткнутое мечом.

Кто-то из родственников сгоряча все попытался объяснить злонамеренными действиями Конана, известного шадизарского вора. Это заявление прозвучало настолько абсурдно, что не нашло никакой поддержки у остальных, понимавших: что бы ни делал киммериец в доме и будь он хоть трижды вором, но не он же превратил Фабиана в ссохшуюся мумию!

К тому же Мелия заявила, что он к этому непричастен. Фабиан перед смертью убил ее сестру, а виноват во всем Эмерик, случайно наткнувшийся на книгу заклинаний, о которой они не имели ни малейшего представления. Он прочел одно из них и поплатился за это жизнью.

Рассказ получился путанным, и поначалу никто не хотел верить в него, но Мелия убедила всех, что она такая же жертва, как и прочие, которой лишь стараниями Конана удалось остаться в живых, и она не может объяснить того, чего сама не понимает.

Конан знал еще меньше. Он лишь дрался с монстрами, о происхождении которых понятия не имел.

— И победил их! — иронично заметил кто-то.

На что Конан демонстративно пожал плечами и просто ответил, что внезапно вспыхнувшая заря освободила оставшихся в живых от этого кошмара, а поскольку приглашенный кем-то жрец Митры тут же громко воздал хвалу всепобеждающей силе Подателя Жизни, то никто не осмелился оспаривать его утверждения.

Понемногу все успокоилось.

Как это ни странно, но Фабиана, несмотря на морщины и прочие необъяснимые изменения, сразу узнавали все, кто видел, так что в этой части подлинность рассказа Мелии никто не подвергал сомнению.

Раз так, то поневоле пришлось поверить и в остальное. Однако, поскольку происшедшее было настолько странным, что вызвало бы неизбежные толки, тела предали огню тайно и быстро. Теперь никто уже при всем желании не смог бы выразить ни удивления, ни сомнений в истинности слов Мелии, не говоря уж об обвинениях в занятии колдовством, чего семья Фабиана опасалась более всего!

О странной быстроте и скомканности похорон поговорили немного и перестали, поскольку пища для языков оказалась скучной и не давала возможности измыслить хотя бы мало-мальски интересную сплетню. Любителям перемывать кости знакомых поневоле пришлось успокоиться, хотя и с мучительным сожалением о чужой тайне, не давшейся в руки.

Конан и сам не заметил, что остановился, припоминая прошедшее, и давно стоит, хотя Мэгил и просил его не задерживаться. Он ускорил шаг и свернул за угол. Под ногой его вновь хрустнуло стекло. Киммериец поднял голову. Два окна на уровне третьего этажа оказались выбитыми. Он усмехнулся, припоминая, как героически пытался выбраться. Впрочем, это было не то окно. Он всего раз ударил по нему, рама треснула, но осталась на месте. Здесь же дерево было измочалено, словно его жевали.

Это было чуть дальше от лестницы, в глубине коридора, где им наконец-то удалось избавиться от Незримого. Вновь Конан поймал себя на том, что невольно остановился. Да... Память... От нее никуда не деться. Он прибавил шагу и последний раз повернулся.

— А я уж собирался искать тебя! — Мэгил улыбнулся.

— Подготовился? — спросил Конан лишь для того, чтобы сменить тему: меньше всего ему хотелось бы сейчас пускаться в объяснения, вслух повторяя то, что успело пронестись в мозгу.

— Вполне.

Улыбка вольного жреца сделалась еще шире, и Конан отчего-то подумал, что товарищ его прекрасно понял все и без слов и даже в душе добродушно подсмеялся над ним, но варвар, вместо того чтобы рассердиться, лишь улыбнулся в ответ. Мэгил кивнул, давая понять, что понял и это, и согласен с молчаливыми ответом киммерийца.

— Хорошо, что Кром дал тебе мужское тело,— неожиданно изрек варвар и отвернулся, прикидывая, что лучше — отпереть дверь или войти через выбитое окно с другой стороны дома.

— Митра.— Жрец назидательно поднял вверх указательный палец.

— Что Митра? — не понял киммериец.

— Митра дал тело,— пояснил жрец.— И это действительно хорошо. Мне оно нравится. Но я не вполне понял тебя.

— Жена, угадывающая мысли мужа...— Конан покачал головой.— Мало кому такое придется по вкусу!

— Ах, вот ты о чем! — Мэгил рассмеялся.— Но успокойся: я ведь говорил, что мне надо подготовиться. Я не могу быть таким постоянно.

— Так ты что, занимаешься колдовством? — Северянин подозрительно покосился на своего товарища.

— Ага! Ты не любишь колдунов! — Его спутник вновь рассмеялся.

— А кто их любит? — проворчал Конан, впрочем, вполне миролюбиво: как бы там ни было, а Мэгил ему нравился.

— И совершенно напрасно,— уже серьезно сказал Мэгил киммерийцу.— У тебя вот за спиной тяжелый двуручный меч. Скажи-ка мне по совести: сколько жизней можно им загубить, попади он в умелые руки? А можно и спасти немало людей, если владелец его решится встать на пути зла.— Он замолчал, испытующе глядя на варвара, но тот не торопился с ответом.— То-то и оно. Все зависит от рук, принявших оружие, и неважно, острая ли то сталь, что весомым аргументом покоится за спиной, или способы применения силы, невидимой невооруженным

глазом.

— В том-то и дело, что невидимой. Когда ты видишь рукоять меча у меня за спиной, то знаешь, что я вооружен, поймет, что я опасен. Твое же оружие не видно никому, пока ты его не применишь.

Конан выглядел весьма довольным — нечасто он позволял себе роскошь говорить столь гладко, а главное, длинно.

— Ты прав и не прав,— усмехнулся его собеседник.— Сталь тоже можно спрятать под одеждой, ведь это совсем не обязательно тяжелый двуручный меч. Гораздо меньший по размерам кинжал убивает столь же верно! Впрочем, успокойся. Я не колдун. Просто я знаю несколько полезных приемов применения силы. Тот, что я использовал сейчас, обостряет чувствительность, но действует относительно недолго.

— Ну, так поторопимся,— усмехнулся Конан.— Мы и так потратили достаточно времени на разговоры.

К его удивлению, Мэгил достал связку ключей и отпер дверь .

Конан толкнул ее, и они вошли в прохладную темноту здания.

Памятуя о предыдущем посещении, киммериец захватил с собой фонарь и теперь, дождавшись, пока пламя его, казавшееся тусклым после яркого полуденного солнца, разгорится, они пошли вперед.

Свернув угол, Мэгил остановился, пораженный. Слишком разительным оказался этот переход от нормального вида пусты и нежилого коридора к тому разгрому, что предстал его глазам, стоило ему свернуть за угол. Правда, запах гари оба почувствовали, как только переступили через порог, но одно дело чувствовать носом, что что-то горело, а совсем другое — увидеть пожарище своими глазами. Жрец изумленно присвистнул:

— Ого! Здесь что, прошла небольшая война?

— Можно сказать и так.

Киммериец двинулся вперед по выгоревшему коридору, и пепел скрипел у них под ногами, словно только что выпавший снег. Восковые фигуры, расставленные вдоль стен, расплавились от жара и застыли безобразными лужами. Оружие, развешанное по стенам, почернело от копоти.

Он прошел большую круглую комнату, послужившую им убежищем, а затем ловушкой для Незримого. Демон, тем не менее, умудрился выбраться из нее, но как он это сделал, Конану уже не узнать.

Они пошли дальше, но и здесь все выглядело не лучше. Лишь добравшись до большого шестиугольного зала с единственным не закрытым ставнями окном, они остановились.

Свет свободно попадал внутрь. Здесь не было пожара, хотя и остались следы костра посреди зала, зато можно было явственно представить, что тут произошло.

Мебель оказалась разрушенной и изрубленной. Посреди валялось чучело воина с застрявшим в доспехах арбалетным болтом. Огромная решетка, закрывавшая окно, оказалась выбитой, да так, что вырвала несколько каменных блоков, в которых была укреплена.

— Обещай, что когда-нибудь расскажешь мне, что произошло здесь.

Мэгил почти просительно посмотрел на киммерийца, но тот ничего не ответил, лишь кивнул в ответ.

Они свернули еще раз и, наконец, оказались возле лестницы. Постепенно они приближались к цели своего путешествия. Опять стало темно, и единственным источником света вновь оказался фонарь. Конан спускался, оборот за оборотом сокращая расстояние до цели.

— Ну вот,— сказал он, остановившись на нижней площадке, — теперь только вперед.

Киммериец и сам не заметил, как оказался рядом с железной дверью. На полу валялся

переломленный меч, а проем стены рядом с дверью оказался раскрошенным, и впечатление было таким, словно кто-то размолол в песок прочнейший кезанкийский гранит.

— Ого! — Мэгил изумленно присвистнул.

— Когти твари были словно из стали,— мрачно пояснил северянин.

Жрец вопросительно посмотрел на него, но тот отмахнулся:

— Брось! Не делай вид, что Мелия не рассказала тебе все.

Мэгил вздохнул и хотел шагнуть в пролом, но внезапно насторожился:

— Там кто-то есть.

Он замер, словно прислушиваясь, а когда посмотрел на киммерийца то, к удивлению своему, увидел у того в руках огромный двуручный меч, о котором они говорили перед тем, как войти внутрь дома.

— Нет, нет,— поспешил он успокоить своего спутника,— меч тут не поможет. То, что прячется там,— он указал рукой в темноту пролома,— не имеет плоти.

— Кром! Опять призраки!

Конан досадливо крякнул и бросил меч в ножны.

— Нет, не то.— Мэгил наклонил голову и стал похож на удивленную птицу.— Он напуган и хочет спрятаться.

Конан пожал плечами:

— Ну и что ты собираешься делать?

— Подожди меня здесь. Я попытаюсь договориться с ним.

Он поставил лампу на пол и шагнул в пролом. Конан пожал плечами и облокотился на стену, пытаясь угадать, что там умудрился почувствовать его товарищ и как он собирается договориться с тем, кто лишен плоти.

Ждать пришлось недолго. Киммериец еще не успел соскучиться, как в проломе появилась голова его спутника и, уставившись на Конана, привычно уже улыбнулась.

— Ну что, договорился со своим духом? — ухмыльнулся варвар.

— Договорился. — Голова кивнула, словно решив подтвердить сказанное.— Идем со мной.

— Лицо нырнуло во тьму, но тут же вновь показалось наружу.— Кстати, ты его знаешь. Это Фабиан.

Он вновь пропал, оставив Конана стоять с открытым ртом. Вот те раз — Фабиан объявился, покойничек! Его давно похоронили, а он, оказывается, сидит здесь, спрятавшись от всех, и... боится!

Конан покачал головой, подхватил фонарь и полез в пролом. И тут же оказался лицом к лицу с Мэгилом.

— Я уж испугался, что ты передумал.

Конан ничего не ответил и пошел вперед. Пройдя вторую половину коридора, они оказались у задней стены, точно так же раскрошенной, как и простенок рядом с металлической дверью.

Здесь Конан остановился:

— Не знаю, стоит ли пытаться открыть тайник — стена вся развалена. Попытайся пролезть в пролом. Тайник за стеной, снаружи дома.

Его напарник спокойно подошел к пролому и, опершись руками о его края, заглянул внутрь.

— Дай-ка лампу.

Он посветил себе, и киммериец услышал, как он восторженно присвистнул и нырнул внутрь, но голова его тут же показалась из пролома.

— Ты не возражаешь, если я на время оставлю вас без света? Здесь есть на что посмотреть.

— Что значит — вас? — хмыкнул киммериец.

— Ну, тебя и Фабиана,— спокойно объяснил жрец.

Кром! Конан и думать о нем забыл.

— Я нет, а как он — не знаю.

Конан огляделся, но никого не увидел и пожал плечами. Мэгил глянул куда-то за спину киммерийцу и удовлетворенно кивнул.

— Он тоже не против! — провозгласил он и пропал.

— Не стой за спиной, — проворчал Конан, — я этого не люблю.

— Ага! — донеслось из пролома. — Я вижу, что вы уже подружились.

— Кой пёс подружились, — буркнул варвар. — Темно, как в заднице Нергала. Эй, Фабиан! Что молчишь? Я ведь зла тебе не сделал, сказал бы чего!

— Да не может он, — голова Мэгила вновь появилась в проеме, — нечем ему.

Вслед за головой он появился и весь. Целиком. Молча сунул в руку Конану фонарь и принял вытаскивать из пролома мешок. Мешок никак не желал пролезать. Как видно, в тайнике оказалось слишком много ценных вещей, которые можно использовать. Жрец уперся ногой в стену и потянул, но с тем же успехом. Тогда он сменил тактику и начал раскачивать мешок в проломе, надеясь, что содержимое его сама собой уляжется поудобнее, но и это оказалось тщетным.

— Жадность не доводит до добра, — глубокомысленно заметил киммериец.

— Чем зубоскалить, — пропыхтел жрец, полуобернувшись, — лучше бы помог.

— Ты бы развязал шнурок, — спокойно посоветовал Конан, даже не шевельнувшись.

Жрец, словно и, не слыша его, продолжал тянуть, пока, наконец, не понял, что ничего из этого не выйдет. Тогда он выпрямился и, промямлив: «Возможно, ты и прав», — развязал тесьму, вынул с десяток вещиц, увязанных в пергаментные свертки, испещренные защитными заклинаниями, и спокойно вытянул изрядно похудевший кожаный мешок.

Конан, молча наблюдавший за ним, скептически ухмыльнулся:

— Много взял?

— Все.

Ответ был прост и незатейлив и не оставлял сомнений в сказанном. Закончив увязывать все обратно, Мэгил виновато посмотрел на спутника. Никогда наперед не узнаешь, что может пригодиться в жизни.

Конан иронично хмыкнул и пошел к выходу. Он первым вышел через пролом и подошел к лестнице, когда шагавший следом жрец удержал его за руку.

Конан оглянулся, спрашивая взглядом: «В чем дело».

— Фабиан говорит, наверху кто-то притаился и ждет нас. Моя вина. Я должен был подумать заранее, что не мы одни захотим заглянуть в тайник.

— Ты здесь ни при чём, — ответил Конан тоже шепотом. — Просто за мной следят.

— Это кто же? — участливо поинтересовался Мэгил.

— Понятия не имею. — Конан пожал плечами, но, поскольку мысли о неизвестном соглядатае не очень-то беспокоили его — думал о другом. — Здесь есть еще одна комната, та, где мы впервые увидели Незримого. Не хочешь посмотреть?

— Не-а, не хочу. — Мэгил помотал головой. — Скучный ты человек, Конан. Везде, где побывал, оставил после себя лишь голое пепелище. Ну что там можно увидеть. — Он ехидно осмотрел приятеля с ног до головы, словно впервые увидел его. — Варвар ты, Конан, одно слово!

Он покачал головой, поднял мешок, и они пошли дальше. Киммериец посмотрел ему вслед и ехидно ухмыльнулся: «Прихватил мешок барахла, о котором мечтал, но дотянуться не мог, а раздобыл лишь благодаря мне, и я же еще варвар! Кому другому он не простил бы подобное замечание, но на вольного жреца почему-то рассердиться даже в шутку не мог. Наоборот, он чувствовал, что этот человек нравится ему все больше.

Конан подхватил фонарь и быстро нагнал удалявшуюся в темноте фигуру. Они молча поднялись по лестнице, и не потому, что говорить было не о чем, просто темнота и неудобство ее, когда идущий сзади видел лишь ноги идущего впереди не располагали к беседе.

Мэгил уже ступил на площадку первого этажа, когда Конан чутьем дикаря почувствовал неладное.

— Берегись!

Он в два гигантских прыжка преодолел оставшийся оборот лестницы, но было уже поздно. Откуда-то из тени шагнула тень с отведенной для удара рукой. Блеснуло длинное, узкое лезвие кинжала, а Мэгил не успел даже сбросить со спины свой дурацкий мешок, в который вцепился обеими руками.

Кром! Ну что за проклятый дом!

Рука киммерийца потянулась за мечом, но так и остановилась на полпути. Мэгил успел лишь повернуться к нападавшему. Руки его были по-прежнему заняты, и он не смог бы блокировать удар. Единственным выходом было уклониться, но он даже не попытался сделать этого.

Конан видел, что опаздывает, что сумеет лишь отомстить убийце. То, что произошло дальше, заставило его оторопело остановиться. Быстро шагнув к черной фигуре, коротким быстрым движением Мэгил «клонул» нападавшего и тотчас отошел назад. Тот замер на миг с отведенной для удара рукой, а в следующую секунду рухнул, словно подкошенный.

Киммериец склонился над лежащим — лицо незнакомое. Он пощупал шею и разогнулся — парень был мертв.

— Я уж думал, тебе конец.

Его товарищ ухмыльнулся:

— Матушка всегда говорила мне: сынок, кулаками немногого добьешься в жизни — больше работай головой! А за меня ты мог не волноваться. Я ведь говорил тебе, что принял кое-какие меры предосторожности и почувствовал опасность задолго до того, как ты затопал сапожищами по лестнице!

Конан сплюнул в сердцах. Он-то несся на выручку и видел, что все равно опаздывает, а этот выкормыш жреческий, оказывается, принял меры и вновь довольно бренчит, как погремушка с хвоста Сета!

— Врешь ты все, забодай тебя Нергал, как ты этого парня! — в сердцах воскликнул Конан. Не было у тебя матери!

— Мать бывает у всякого,— назидательно заметил Мэгил.— Я, конечно, понимаю, что тебе хотелось поработать самому мечом, но если бы я стал дожидаться твоей помощи, то валялся бы сейчас на месте этого парня.— Он посмотрел на труп и забрал из его руки кинжал, а порывшись у него за пазухой, и ножны к нему.— Ему он больше не понадобится,— пояснил он Конану и вернулся к прежней мысли:— Так что злишься ты напрасно.

Сказав это, он повернулся и пошел дальше.

Конан пожал плечами. Что он, в самом деле, взъелся на Мэгила. Он пошел следом и, когда нагнал жреца, понял, в чем дело: он впервые увидел того, кто таскался за ним по улицам, но так и не сумел узнать, кто это. Значит, опять он остается в неведении, но тут уж ничего не поделаешь. Не ждать же в самом деле было Мэгилю, пока ему воткнут клинок под рёбра, ради того, чтобы Конан смог допросить незнакомца!

На душе у киммерийца сразу полегчало, и прежнее беззаботное настроение вернулось к нему.

— Ну и как, помогли тебе наставления матери? — участливо поинтересовался он.

— Ты разве не видел? — скромно потупился жрец.

— Да уж,— Конан усмехнулся,— результат сногшибательный. Ладно, задержались мы здесь, я что-то проголодался.— Они уже вышли из дома, и Конан потушил фонарь.— Пора нам перекусить.

— Я не голоден.

— Зато я готов слопать быка,— возразил киммериец, который после потасовки всегда испытывал жажду и голод. Правда, сейчас подраться ему не удалось, но труп-то был!

— У меня нет денег,— напрямую заявил его спутник и отвернулся: ему было до смерти неловко признаваться, что последние несколько дней он на мели.

— Я думал, Аниэла снабжает тебя не только работой, но и деньгами... — искренне удивился северянин.

— Так-то оно так,— помялся жрец,— но долги! — Он вздохнул.— Сам понимаешь.— Он забавно развел руками.

— А как же совет твоей матушки? — не удержавшись, ехидно заметил Конан.

— Что ты имеешь в виду? — насупился Мэгил.

— Ты не пробовал применять голову как-то иначе? — спросил киммериец и с интересом взорвался на приятеля.

Мэгил печально вздохнул:

— Увы, это не принесло мне богатства.

Конан удовлетворенно хмыкнул. Они перебросились парой еще фраз на эту тему, потом вернулись к событиям, проишедшим в доме, и так за разговором не заметили, как оказались возле духана Кирима.

— Есть у тебя деньги или нет,— сказал варвар, открывая дверь,— но к Кириму мы зайдем непременно.

— Сделай это один Конан. — жрец сделал удивленно-встревоженное лицо, словно на ум ему внезапно пришла неожиданная мысль.— Я вспомнил о кое-каких делах, оставшихся со вчерашнего дня. Встретимся в доме Аниэлы.

— Подожди. — Киммериец схватил приятеля за руку, прекрасно понимая, что за дела возникли у него.— Меня здесь ждут двое приятелей, и я хочу, чтобы ты послушал, что они скажут.

Жрец пожал плечами и нехотя позволил втащить себя в духан. Как обычно, в самую жару посетителей здесь было мало. Киммериец повел приятеля в угол, к креслу, занимаемому по обыкновению Тушкой, которое теперь пустовало.

— Эй, Кирим! Не делай вид, что не видел, как я пришел.

Мэгил удивленно посмотрел на молодого варвара. Из-за занавеса появился толстяк и с хитрой улыбкой на плутоватом лице подошел к ним.

— Где Тушка? — первым делом осведомился северянин.

— Они с Зулом спят наверху, — ответил духанщик и зевнул.

— Это мои приятели, — пояснил Конан.

— Они что, немедийцы? — простодушно поинтересовался жрец.

— Кто немедийцы?! — взорвался Конан.— Клянусь Белом — следующего, кто заикнется об этом проклятом Деркэто народе, я отправлю прямиком в пасть Нергала!

Он обвел грозным взглядом немногочисленных посетителей и каждый, на ком останавливался его пылающий гневом взор, кивал, молчаливо соглашаясь, что да, мол, поганый, извращенный народишко и не след вспоминать об их неприличных пристрастиях здесь, среди людей, способных по достоинству оценить женскую красоту, не говоря уж о прочих прелестях.

— Хорошо, хорошо! — поспешил успокоить приятеля Мэгил.

Он успел поймать мимолетную улыбку, промелькнувшую на хитром лице духанщика, мгновенно погашенную грозным взором киммерийца, и хотя не понял их немой игры, решил,

что не стоит понапрасну упоминать о том, что неприятно его новому товарищу.

— Кром! — Конан немного успокоился, хотя взгляд его все еще оставался суров.— Чего это они дрыхнут днем?

Он вопросительно взорвался на духанщика; Тот пожал плечами:

— Всю ночь они пили, теперь отсыпаются.

По опыту Кирим знал, что на вопросы киммерийца следует отвечать четко и кратко, во всяком случае, когда тот не в духе.

— Надеюсь, что-то осталось и мне?

— Конечно, господин! — тотчас оживился Кирим, и Мэгил понял, что эта тема интересовала почтенного хозяина гораздо больше.— Они велели разбудить их, как только ты появилась.

— Так что ты болтаешься у меня перед глазами, как ослиный хвост? — Глаза варвара грозно сверкнули.— Марш наверх.

— За ними уже послали.— Лицо Кирима скрылось под привычной маской доброжелательной угодливости. Услышав за спиной поскрипывание несмазанной петли, он обернулся к двери, ведущей на верхний этаж.— Вот они.

Скрывавшие дверь занавеси в левом углу зала раздвинулись и, зевая и потягиваясь, вошли двое.

— Мы услышали твой голос, Конан, и поняли, что пора спускаться.

Говорил огромный бритый наголо негр, одетый лишь в короткие, выше колен, коричневой замши штаны. Больше, на нем из одежды не было ничего. Зато сзади у пояса висела внушительных размеров секира.

Мэгил повернулся в сторону говорившего, и глаза его невольно округлились от удивления. Могучий, быть может, не уступавший в силе Конану, негр выглядел невероятно живописно, но рядом со своим спутником, при взгляде на которого жрец сразу понял, кого из двоих зовут Тушкой, терялся. Такого же роста, как и Зул, тот был, что называется, поперек себя шире.

Мэгил оторопело смотрел, как приближалась облаченная в синие шелковые шаровары, заправленные в невысокие сапоги, фигура, и не мог вымолвить ни слова. Впрочем, улыбка незнакомца, несмотря на раскосые глаза и невиданную доселе жрецом прическу, состоявшую из затянутой тугим узлом на затылке копны смоляных волос, была приятной и вызывала расположение. Тушка сел в кресло, жалобно скрипнувшее под ним.

— Это Мэгил.— Конан по-приятельски похлопал жреца по спине.— Ну а как звать моих друзей, ты уже слышал,— сказал он сидевшему рядом бывшему служителю Митры.

Все трое улыбнулись друг другу. Кирим по-прежнему стоял рядом и ждал. Конан обернулся к Мэгилю:

— Так ты все еще отказываешься?

Тот отрицательно мотнул головой, и киммериец пожал плечами, показывая, что больше настаивать не намерен.

— Ну, а тебя я не спрашиваю,— сказал он убежденно, но все-таки вопросительно посмотрел на Тушку.

Тот широко улыбнулся:

— Ты ведь знаешь, что постоянное чувство голода — естественное состояние моего тела, а уж после сегодняшней ночи, когда мы с Зулом только пили, я голоден...

Он поморщился, подыскивая подходящее слово, и Зул решил прийти ему на помощь:

— Как волк?

Мэгил посмотрел на негра голодными глазами. Тот ждал ответа приятеля, но Тушка отрицательно помотал головой.

— Как волчья стая!

Жрец проглотил слону, готовясь терпеть пытку голодом, сидя за столом, заваленным снедью.

— Тушка прав,— Зул кивнул Конану,— я вполне разделяю его чувство, хотя ты знаешь мою умеренность.

Конан расхохотался. Он прекрасно знал об «умеренности» дружка, ничуть, впрочем, не уступавшей его собственной, и повернулся к духанщику.

— Ты все слышал?

Тот расплылся в улыбке, ибо под сердцем у него сладко засосало, когда он попробовал прикинуть, сколько принесет ему этот обед.

— Для Конана у старого Кирима всегда найдется все необходимое, но вот сегодня могут возникнуть трудности.

Киммериец нахмурился:

— Уж не собираешься ли оставить нас голодными?

— Наоборот,— улыбка духанщика стала еще шире,— трудность в выборе. Ты ведь знаешь, я не беру товар на рынке — у меня свой поставщик. Накануне вечером пришли две подводы, и я изрядно пополнил свои запасы.

— Говори!

— Перепела и рябчики, — начал перечислять Кирилл, — жирные голуби, несколько нежных поросят дожидаются своего часа в леднике...

Мэгил закрыл глаза, изо всех сил пытаясь казаться равнодушным, а духанщик продолжал:

— Есть оленина и свежая баранина, копченая свинина просто тает во рту,— он аппетитно причмокнул, и, к ужасу своему, Мэгил ощутил на языке божественный вкус нежнейшей ветчины и едва не застонал,— петушиные гребешки, моченые в белом вине, и перепелиные яйца...

— Хватит! — отрезал Конан, чувствуя, как рот стремительно наполняется слюной.— Сегодня я плачу за всех! Значит, так...

Жрец резко открыл глаза.

— Почему ты сразу не сказал?

— А что? — Киммериец с интересом посмотрел на приятеля.

— Это сильно меняет дело,— молвил тот и скромно опустил глаза к столу, чувствуя, как уши его стремительно наливаются кровью, становясь похожими на злосчастные гребешки упомянутых хозяином петухов-неудачников. В это мгновение он впервые пожалел, что не обладает роскошной шевелюрой молодого северянина.

Проклятый негр раскатисто расхохотался и это был обидно. Мэгил попытался скрасить испорченное впечатление, обрести утраченное достоинство.

— Почтенный хозяин так живописал предполагаемую трапезу, что мне тоже невольно захотелось съесть что-нибудь.— Он наивными глазами посмотрел на Конана и, как ни в чем не бывало, добавил: — Просто чтобы поддержать компанию. Скажем, бокал вина и немного фруктов.

— Вина и фруктов,— повторил Конан Кириллу.— По правде говоря, в глотке и у меня пересохло.— Он задумался.— Поросенка мы бы съели.

— Поросенка нужно готовить,— возразил Кирилл.

— Что есть прямо сейчас? — спросил Зул, которому тоже уже не терпелось.

— Десяток гусей жарится и будет готов совсем скоро,— чуть подумав, ответил Кирилл.

— Гусятины я бы, пожалуй, поел...— задумчиво произнес Мэгил и добавил поспешно, поймав на себе ехидный взгляд северянина: — За компанию.

— Прости, Конан, но гусям еще нужно чуток дойти,— духанщик поморщился и виновато

посмотрел на киммерийца,— самую малость.

— Кром! Ты что, издеваешься?! — взревел варвар.

— Совсем немного! — принял оправдываться Кирим, и тут же обрадовано закричал: — Зато баран совсем готов!

— Ага! — Конан мгновенно утихомирился. — Баранья нога — это совсем неплохо.

— Баранья нога... — мечтательно повторил Мэгил, и Конан мгновенно повернулся к нему.

— За компанию? — спросил он просто и бесхитростно, хотя в глазах притаился озорной огонек.

Тот все так же задумчиво кивнул, и Зул с Тушкой грохнули со смеху, а Конан кивнул Кириму:

— Ты все понял? Поторапливайся!

Духанщик развернулся и пошел на кухню, и тут Мэгил словно проснулся:

— Гребешков в вине принеси и копчености не забудь — их ведь не надо готовить!

Конан загоготал вместе с остальными, а Мэгил лишь посмотрел на него и пожал плечами — мол, чего уж там!

Вино и фрукты появились мгновенно, почти одновременно с мясом. Конан первым делом влил в себя объемистый кубок пуантенского, удовлетворенно крякнул и потянулся за куском ветчины.

— Ну, что молчите? — спросил он, когда увидел, что, приятелям его понадобилась передышка перед очередным возлиянием.

— Плохо дело.— Тушка вернул на стол бокал, из которого только что собирался отпить.

— Что так? — Киммериец насторожился.

— Мы думали, что наш противник Хараг,— ответил за приятеля Зул,— но оказалось, что это не так.

Мэгил насторожился, а киммериец лишь пожал плечами:

— Клянусь ядовитыми жвалами Затха, ты что-то напутал, приятель. Я видел ублюдка собственными глазами.

— Я не то имел в виду.— Негр помотал головой.— Мы думали, что Хараг действует один, но оказалось, что их двое.

— Что, два Хаага? — невесело пошутил Конан.

— Перестань дурить.— Тушка отложил баранью ногу, над которой самоотверженно трудился, и серьезно посмотрел на киммерийца.— Рамсис здесь.

Тушка посмотрел другу в глаза и услышал, как сдавленно вздохнул сидевший рядом Мэгил.

— Это серьезно,— выдавил из себя жрец.

— А мы не знали! — огрызнулся северянин.

— Так вот,— Зул наклонился через стол к самому лицу киммерийца,— дело в том, что эти два мерзавца сговорились действовать сообща и на сегодняшнюю ночь задумали нечто такое...— Он помялся.— В общем, стражник сказал, что к завтрашнему утру настанет конец и тебе, и Мелии.

— Ее надо увезти из Шадизара! — не выдержал Мэгил.

— Кром! — Конан ударил кулаком по столу, и многочисленные б люда, чаши, кубки и кувшины, стоявшие на нем, испуганно подпрыгнули.— Свежая мысль! Вот ты и скажи им об этом,— Конан залпом опрокинул в рот остатки вина и вытер губы тыльной стороной ладони,— а я уже устал от подозрений ее папаши!

— Но ведь ты говорил, что отдал Талисман, так чего им нужно от девушки? — Отставной жрец непонимающе взглянул на своего молодого друга.

— Ты меня об этом спрашиваешь? — Киммериец невесело усмехнулся.— Помнится мне, Аниэла говорила, будто некий жрец вернется из дальней поездки, и тогда прояснится все.— Он

запустил руку в спутанную шевелюру.— Проклятье! Забыл его имя!

— Понимаешь,— Мэгил по примеру приятеля задумчиво поскреб лохматую голову,— если бы речь шла о Зите, все было бы понятно, но ума не приложу, как Мелия может заменить сестру.

— Значит, может! — отрезал северянин.

— Похоже на то.— Мэгил задумчиво покрутил губу.— Быть может, Фабиан сумеет что-то прояснить, ведь он был там,— И тут же засуетился.— Что ж я сижу? Время дорого. К тому же я кое-что обещал ему.— Он с жалостью посмотрел на недоеденный кусок: не подозревая, что уйдет так скоро, он старался держаться скромнее и ел мало.— Жаль только, что не удалось составить вам компанию.

— А ты возьми с собой,— посоветовал Зул, — глоток будет напоминать тебе, что мы незримо рядом.

Близился вечер, когда вернувшийся Мэгил застал троих друзей на прежнем месте за мирно текущей беседой. Вернулся он не один. На руке его, одетой в перчатку, гордо восседал сокол.

Жрец сел на покинутое, как ему показалось, целую вечность, место и принялся за еду, словно снятый с потерпевшего крушение судна моряк, без еды дней десять проболтавшийся в море. Сокол вспорхнул с его руки и, провожаемый удивленными взглядами приятелей, уселся на спинке кресла за спиной Тушки.

— Что за птица? — поинтересовался Конан.

— Долго рассказывать. Мэгил неопределенно махнул рукой и вновь принялся за еду. Наконец он насытился и виновато посмотрел на Конана. — Ты не поверишь, но эта птица,— он кивнул на мирно сидевшего за спиной Акаямы сокола,— сожрала баранью ногу, которую я взял для себя. — Учитывая аппетит хозяина, несложно предположить, как могло изголодаться его бедное животное,— спокойно заметил Зул.

— Не называй его животным.

Конан нахмурился:

— Быть может, ты все-таки объяснишь, откуда он взялся?

Но Мэгил вновь отмахнулся:

— После. Есть более важный разговор.

— После так после,— проворчал киммериец, лишь мимолетно глянув на прожорливого сокола.

Тот внимательно смотрел на каждого говорившего, и северянин не мог отделаться от впечатления, что птица понимает их разговор. Это было непонятно, непривычно и неправдоподобно, но следующая фраза Мэгила отвлекла его от этих мыслей.

— Душа Зиты оказалась запертой в камне вместе с Незримым,— заговорил, наконец, Мэгил.

— Что это меняет? — хмуро поинтересовался варвар.

— Все.— Жрец убежденно кивнул.— Душа может покинуть тело, может вселиться в него вновь, и не обязательно в свое. Улавливаешь?

Конан мрачно кивнул:

— Ты хочешь сказать?..

Зул сжал челюсти. Его мало касались дела какой-то аристократки. Лишь то, что она дорога Конану, заставляло его участвовать в них, но услышанное сейчас меняло все. У себя на родине он повидал людей, лишенных душ, и одним из них стал его брат... После этого Зул ушел на север, где, как он слышал, нет черного колдовства, но оказалось, что и здесь не избавился от этого кошмара.

— Да.— Жрец кивнул.— Они выкрадут девушку, пересадят в нее душу сестры, и тогда уже ничто не помешает Памеле окончательно овладеть душой девушки и новым телом, и пророчество

сбудется. После этого ее принесут в жертву Затху, время еще есть.

Конан поморщился:

— Как-то все это сложно и глупо.

— Что тебе кажется сложным? — не понял жрец.

— Кром! Да разве ты сам не видишь, что цепь превращений растянулась до бесконечности?

Жрец запустил пальцы во всклокоченные волосы и поморщился.

— Давай вернемся к началу.— Он дождался кивка Конана и продолжил: — Жрецы собирались оживить своего бога-паука, но для этого им нужна была сила Памелы.

Однако отступница отказалась, и тогда, не желая искушать судьбу, ее сожгли на костре. Пламя уже лизало тело колдуны, когда она изрекла пророчество, пригрозив воплотиться в одном из своих потомков через десять веков.

— Постой-ка! — остановил его киммериец.— Я сам слышал это пророчество из уст Зиты. Она говорила о рождении девочки, которая силой своей затмит знаменитую бабку!

— Да,— Мэгил кивнул,— это были последние слова Памелы, но я читал ее дневники, сохранившиеся в семейном архиве. Оказывается, колдунья предвидела для себя возможность трагического исхода, и со смертью тела душа ее не отлетела на Серые Равнины, а стала незримым хранителем семьи.

— Что-то я не заметил, чтобы в ту ночь нас кто-то охранял! — Конан невесело усмехнулся.

— Скорее уж наоборот.

Жрец кивнул:

— Все верно. Она и не могла помочь вам ничем. Она уже была внутри Зиты.

Конан недоверчиво посмотрел на Мэгила, но жрец видел, что сомнения уже борются в нем с недоверием. Тушка и Зул молча слушали их разговор, предпочитая не вмешиваться, наблюдая, чтобы ничто из сказанного не достигло нескромных ушей, время от времени, то наливаясь вином, то принимаясь за еду.

Конан вспоминал. Обе девушки понравились ему тогда, но Мелия безоговорочно, а в отношении Зиты что-то постоянно настораживало. Тогда он решил, что это его всегдашнее предубеждение против людей, владеющих колдовством, но теперь он думал, что если сказанное Мэгилом, правда,— а судя по всему, так оно и было — то причина иная.

Он припомнил мысли, которые в ту ночь, очарованный красотой сестер, гнал от себя прочь. Он вспомнил, в частности, как не понравилось ему то, что Зита скрыла от Фабиана грозящую ему опасность. Трудно было предположить, что она не знала того, что знал безымянный жрец, направивший его самого в дом. По сути, она хладнокровно приговорила своего воздыхателя к смерти.

Киммериец мрачно уставился на Мэгила:

— Ты уверен в том, что говоришь?

Тот кивнул:

— Я разговаривал с Мелией. Она не очень-то хотела говорить об этом, но потом сказала, что и ее неприятно удивили странные перепады в настроении сестры, которые начали случаться с ней после первого посещения дома, примерно луну назад. Прежде ласковая, эта по-детски наивная почти еще девочка вдруг начала временами проявлять жесткость в высказываниях и поступках, а временами и просто жестокость. Это тревожило Мелию, но вслед за этим Зита становилась прежней, и девушка все приписывала раннему взрослению сестры.

Конан поднял руку:

— Хватит. Я уже верю.— Он на миг задумался.— Значит, ты думаешь, что воплощение уже произошло?

— Нет. Это не так быстро, но вот в том, что душа

Памелы слилась с душой Зиты и стала с ней неразделима, у меня сомнений нет. Все началось медленно и потихоньку, но время шло, и процесс стремительно ускорялся. Я думаю, к полнолунию все должно завершиться. Не зря жрецы Затха назначили именно этот срок. К перевоплощенной Памеле вернутся все ее силы, но она еще не успеет полностью овладеть ни ими, ни новым телом, для того чтобы отстоять и защитить себя.— Он обвел внимательным взглядом присутствующих и остановился на Конане.— Теперь ты понимаешь, что они собирались сейчас проделать без ее согласия то, что им не удалось сделать прежде?!

Киммериец кивнул и налил вина себе и жрецу.

— Ополосни горло.

Тот благодарно припал губами к ледяной влаге, не сводя при этом глаз с киммерийца, который жадными глотками осушил свой кубок.

— Талисман ведь у них,— сказал киммериец,— что мешает им освободить находящуюся внутри душу? — Он вопросительно посмотрел на жреца, и тот утвердительно кивнул. — Ну и принесли бы ее в жертву.

Мэгил недовольно поморщился:

— Ты понимаешь, все жертвенные обряды созданы в расчете на принесение в жертву человека, а человек — это тело и душа, слитые воедино. Человек, приносимый в жертву, лишается жизни, которую забирает бог, таким образом, овладевающий душой жертвы. Умерщвляют его, как правило, медленно и мучительно, чтобы богу легче было забрать жизнь, высосав ее по капле, а ослепленному болью человеку труднее воспротивиться этому.

Зул покачал огромной бритой головой. Киммериец налил себе еще вина и залпом выпил его.

— Клянусь рогами Нергала, знай, я об этом вчера, Хараг не ушел бы от меня живым!

Мэгил тоже выпил, и вид у него был не менее мрачным, чем у молодого варвара.

— Я думаю, Зиту убивали бы очень медленно и очень болезненно.

Конан подумал, что если Мэгил прав и этим отродьям Затха удастся выкрасть девушку, то все предназначавшееся Зите они обрушат на Мелию. Ее божественное тело, которое он ласкал, тело, дарившее ему свою любовь и нежность, каких ему вовек не забыть, станут извращенно, со знанием дела убивать, обрушив на него океан боли. Непроизвольно он сжал кубок, и тонкая бронза, хрустнув, проломилась. Острые края излома впились в руку, и только тогда Конан очнулся, отогнав страшное видение корчившейся в невыносимых муках девушки.

— Дерьмо! Он отбросил обломки в сторону.

— Успокойся, Конан! Видя, что киммериец собирается броситься прочь, бежать неведомо куда, Мэгил схватил его за руку: — Прошлого не воротишь, но грядущее зависит от настоящего, которое творим мы своими поступками! Успокойся! Нельзя действовать необдуманно, ибо ошибка непоправима!

— Он прав,— Тушка потрепал друга по плечу,— согласись, пока ведь все идет нормально, а понадобится, так пойдем и передавим этот клоповник! Как его — Йезуд?

Молодой варвар начал успокаиваться.

Кирим, ни слова не говоря, принес новый кубок и собственоручно наполнил его. Конан выпил и,казалось, окончательно успокоился.

— Хорошо, ты меня убедил. Им нужно тело, в которое можно вселить душу, но зачем такие сложности? Взяли бы любую рабыню. Быстро и никаких хлопот.

Мэгил прожевал кусок и запил вином. Довольный тем, что удалось успокоить вспыльчивого киммерийца, он не спешил с ответом, давая ему дополнительное время успокоиться.

— Не все так просто.— Он съято вздохнул.— Многие думают, что колдовством можно легко добиться чего угодно. На самом деле все гораздо сложнее.

— Кром! — воскликнул киммериец, однако на этот раз вполне миролюбиво.— Да ведь ты

недавно говорил совсем иначе!

— Да,— кивнул жрец,— вселить можно любую душу в любое тело, но не удержать в нем против воли! — Он назидательно поднял указательный палец.— Не забывай о том, что душа несет в себе отпечаток, как бы образ тела, и если новое тело — это тело сестры, настолько похожее на твое, что ты, очутившись в нем, не замечаешь разницы, то ты не заподозришь подвоха, а значит, у тебя и не возникнет желания покинуть его.

— Да разве душа Зиты не помнит, что с ней произошло, и не знает, что тело ее безвозвратно умерло и предано огню? — возразил северянин.

— Боюсь, что так,— вздохнул жрец.

— Не понимаю, — пожал плечами варвар.

— Тут все несколько сложнее.— Он вновь принялся теребить себя за губу, как делал обычно, когда не мог с ходу найти подходящий ответ.— Душа Зиты, соединившаяся с душой Памелы, скована силой Талисмана, и где-то там в таком же состоянии находится Незримый. Они как бы отрезаны от внешнего мира и погружены в сон,— он поморщился, словно сказанное не вполне соответствовало его мысли,— они как бы умерли на время, их души вмороожены в Талисман — не знаю, как сказать точнее. Но могу тебя уверить, что Зита не знает о том, что происходит в мире, равно как и Незримый.

— Ну, хорошо, а дальше?

— Извлеченная из Талисмана душа сразу окажется в теле Мелии. Жрецы позаботятся о том, чтобы все прошло гладко, а для этого нужно освободить тело Мелии от собственного я непосредственно перед вселением в него нового хозяина.— Он вздохнул.— Я думаю, что обряд будет длительным и болезненным, ведь если не удастся подавить волю Мелии страхом, все может сорваться.

— Хорошо, но ты не ответил на мой вопрос.

Мэгил вновь потеребил себя за губу:

— Я представляю это так. Когда жрецы освободят душу Зиты, она некоторое время будет не способна трезво оценить ситуацию.

— Как так? — не понял Конан.

— Она очнется, словно от глубокого сна, понимаешь?

Так возвращаются из страшного мира, навеянного чарами: черного лотоса. Ей понадобится какое-то время, чтобы окончательно сбросить дурман и понять, что происходит.

— Сколько на это потребуется времени?

— Не знаю,— Магия пожал плечами,— но это и не важно.

— Что ты имеешь в виду?

— Жрецы Затха тоже знают об этом и наверняка примут меры для того, чтобы не выпустить ее из этого состояния. Одурманенная душа Зиты вселится в тело Мелии. Она будет живой, но как бы полупьяной. Возможно, непосредственно перед тем, как принести в жертву, ей вернут ясность мысли, но не раньше, чем в последний миг, когда спастись уже не будет возможности.

Он замолчал. Молчал и Конан. То, что он услышал, сильно не нравилось ему. Получалось так, что если теперь они потерпят неудачу, то он не просто потеряет любимую женщину. Мир получит ожившего бога-паука! Останется плюнуть на все и отправиться в место, неподвластное ему...

Если такое отыщется!

— Значит, если мы позволим выкрасть Мелию...

Он посмотрел в глаза вольного жреца, не зная, как договорить то, что хотел сказать, то, что чувствовал в глубине своей дикой души и что не мог выразить словами. Перед глазами его маячил призрак грядущего конца света, перед которым Большая Катастрофа, о которой он что-то

слышал вскользь, покажется блаженным отдыхом от воцарившегося кошмара!

Конан не сказал этого, не знал, как сказать, но Мэгил прочел невысказанное в глазах киммерийца.

— Я не знаю, что ответить тебе, северянин. Никто не ведает, что ждет нас, пожалуй, кроме жрецов Затха. Я знаю лишь, что они надеются оживить своего бога-паука. Не спрашивай, возможно ли это, но раз они не расстались с этой идеей за десять пролетевших веков, значит, надежды их не беспочвенны, и о том, что будет, если их план удастся, я предпочитаю не думать.

Вновь воцарилось мрачное молчание. Киммериец посмотрел на Зула, на Тушку.

— Что скажешь, Акаяма?

Он нечасто обращался к приятелю по имени, и сейчас был один из тех редких случаев.

— В моем мире поклоняются дракону. Дракон силен и мудр. Он может быть благороден, может быть коварен. Дракон способен на все! Но паук лишь пьет кровь. От бога-паука я не ожидаю ничего хорошего!

— Ты что скажешь, Зул?

— В моих краях поклоняются многим богам, и кое-кто из них будет похлеще паука! — Он равнодушно пожал плечами.— Я отношусь к этому спокойно, потому что у нас божки, не боги. Каждый из них имеет силу в лесу, в озере, на болоте — там, где живет племя, поклоняющееся ему, приносящее ему жертвы. Они не имеют силы на чужой территории. Здесь все иначе, и я согласен с Акаямой.— Он помолчал, и глаза его грозно сверкнули.— Я еще скажу. Моего брата лишили души... Можешь рассчитывать на меня.

Жрец же думал о своем:

— Плохо, что их двое, каждый силен и действуют они сообща.

— Вот это новость, клянусь Белом! А мы-то этого и не знали!

— Не злись, Конан. Я просто пытаюсь размышлять.

Мэгил примирительно взял его за руку. Киммериец посмотрел в глаза Акаяме и тот кивнул.

— Ладно, хоть кто-то что-то пытается сделать! — Он бросил в рот финик и замер, словно пораженный внезапной догадкой.— Слушай,— обратился он к жрецу,— может, это и не так плохо, что их двое?

— Что ты имеешь в виду? — не понял его Мэгил.

— А ведь он прав,— кивнул Зул, соглашаясь с невысказанной другом мыслью.

— Клянусь ядовитыми клыками Сета, мы стравим этих ублюдков!

— Верно! — обрадовался Мэгил.— Каждый выигранный день может оказаться решающим! Вот только как это сделать?! — Жрец с надеждой посмотрел на Конана и протянул ему финик.— На-ка съешь, может, еще чего придумаешь.

Конан принял задумчиво жевать, и внезапно его разобрал смех. Он начал смеяться и, подавившись, закашлялся. Зул хлопнул его по спине, и косточка, вылетев, угодила прямо в горшок для костей, стоявший в углу. В горшок для сливовых косточек. Киммериец вспомнил Лисенка, и его разобрала злость, но он подавил ее.

Он выпил вина, протянутого Зулом, и, вытерев слезящиеся глаза, обернулся к Мэгилу:

— Не могу есть ничего, кроме мяса — сам видишь.— Он еще раз глотнул из кубка.— Помнишь, ты предложил увезти Мелию?

Жрец кивнул:

— Это было бы лучшим выходом.

— Верно,— подтвердил киммериец,— но они и слушать об этом не захотели. Утром я предложил им сделать вид, что Мелия уехала, и они согласились.

— Совсем неплохо, — кивнул Тушка. — Погоня за несуществующей беглянкой может отнять у них несколько дней.

— Нет,— Конан махнул рукой.— Про это можно забыть.

— Почему? — удивился Зул.— Идея совсем неплоха.

— Предлагая это, я забыл о том, что в доме есть предатель, и, клянусь Белом, теперь об этой идее можно забыть!

— Да, — покачал головой Мэгил, — как говорят немедийцы — «это не ест хорошо». Кто же это?

— Не знаю.— Конан равнодушно пожал плечами и глотнул вина — в горле все еще першило.— Это может быть Сурия — ее купили недавно.

— Вряд ли,— поморщился жрец.— Слишком хитер должен был оказаться Хараг, чтобы загодя подослать в дом шпионку, да еще таким сложным способом.

— Верно.— Киммериец кивнул.— Проще подкупить или запугать кого-то из домашних. В одном я уверен — этот человек не пришел вместе с Тефилусом.

— Откуда ты знаешь? А ты уверен, что предатель вообще есть? — одновременно спросили Зул и Тушка.

Конан кивнул и бросил на стол смятую бумажку.

— Что это?

Все трое склонились над листком.

— План дома с кладовками, погребами, стенными шкафами — всем тем, о чем могут знать только свои.

— М-да,— Мэгил запустил пятерню в шевелюру,— и где это нашлось?

— В кармане жреца, которого я захватил в первую ночь.

— Плохо дело.— Мэгил помрачнел.— Это значит, что если в доме будет идти какая-то подготовка, то Хараг с Рамсисом тут же узнают об этом?

— Не забывай, что кто-то должен будет покинуть дом и сообщить им.

— Все равно тайну долго не сохранить.

Киммериец пожал плечами:

— Это верно.

— Что ты предлагаешь?

— Вы все подготовите,— он посмотрел на друзей,— и когда мы отобьем ночное нападение, Зул на карете подведет к воротам, и я вынесу связанную Сурию. Вы проедете мимо храма Затха и подержите ее в укромном месте, пока все не утихнет.

— Вы сумеете отбиться? — с беспокойством посмотрел на приятеля Акайма.— Судя по тому, что сказал копейщик, они приготовили нечто серьезное.

— Сумеем! — ночной бой мало волновал киммерийца, но он опять вспомнил разбитое лицо мальчика и сжал кулаки. — Но придется почтенному Тефилусу браться за дело! Пусть поднимает свою сотню и ставит хоть по человеку у каждого окна!

— А ты уверен, что девушка согласится? — гнул свое Мэгил.

— Кром! Никто не собирается спрашивать ее об этом. Кстати, вам придется держать ее взаперти, на случай, если предавала она.— Северянин нацелился пальцем в Акайму.— Подумай об этом.

— Будет ли прок? — с сомнением покачал головой Зул.— Как жрецы узнают о нашей шутке?

— Об этом не беспокойся,— усмехнулся Конан,— за домом следят. Кстати, если доносительница — Сурия, мы избавимся от шпионки.

— А если нет,— тут же возразил Тушка,— паучьи прихвостни утром узнают, что Мелия никуда не пропала, и проку от всей затеи не будет никакого.

— Я спрячу ее, — успокоил друга киммериец. — За домом есть флигель, в котором я

обосновался. Укрою ее там.

— Со вкусом придумано,— ехидно ухмыльнулся Мэгил.— Кажется, это называется сочетать приятное с полезным?

Глава седьмая

Это была та же просторная комната, в которой Конан утром познакомился с Мэгилом, и в ней находились те же люди.

В кресле у входа с мрачным лицом, которое выражало твердую решимость держать себя в руках, что бы ни произошло, сидел Тефилус. «Похоже, дочь умеет справляться со своим отцом», — усмехнувшись, подумал Конан. Справа от него, возле двери, стоял Брун. Четверо самых верных его людей остались в коридоре, готовые по первому зову ворваться внутрь, но в комнате были только свои. Свои и Конан с Мэгилом, да Брун — люди, которым доверяли безоговорочно.

Жрец стоял у камина и говорил. Говорил долго, подробно рассказывая все то, что Конан давно знал и без него, то, что киммериец узнал от него только сегодня, и что сам узнал от северянина и, наконец, то, что поведала ему душа Фабиана, которая нашла себе пристанище в теле ручного сокола Мэгила, сидевшего тут же, на спинке кресла.

Сокол по очереди посматривал на каждого, подолгу задерживая взгляд на Мелии и Конане — тех, кто был рядом с ним в ту страшную ночь, словно напоминая о какой-то общей, лишь им троим ведомой тайне, невольно связывающей воедино их судьбы.

Мэгил все говорил, и по мере того, как излагаемые им факты дополняли картину происходящего, окрашивая ее во все более мрачные тона, лицо Главного Королевского Дознавателя становилось хмурым.

Несмотря на свою привычку не верить никому, он понимал, что сейчас слышит правду. Дикую и выходящую за рамки разумного историю о том, что случилось на самом деле много веков назад и что имело страшное продолжение совсем недавно, унеся жизнь его младшей дочери, но не закончилось, а ожидало достойного финала с жертвоприношением старшей.

Он сам удивлялся своей непонятной доверчивости, но ничего не мог поделать с собой — он верил всему сказанному здесь и понимал, что сам не сумеет справиться с нависшей угрозой. Впервые в жизни ему стало страшно не за себя, а за дочь, которую он был не в силах защитить.

Случись все это не с ним, он никогда не поверил бы, что один-единственный варвар окажется полезнее и сильнее сотни опытных воинов, специально нанятых для охраны девушки. Проклятый варвар, смерть которого он уже оплатил столь щедро!

Сиотвия и Аниэла не отрывали испуганных глаз от Мэгила. Хотя кое-что они знали и многое подозревали, но лишь теперь, когда самые мрачные предчувствия подтвердились, став реальностью, а не глупыми женскими страхами, как не раз говорил им Тефилус, поняли, что то чувство, что они испытывали прежде, не было страхом, а так, легким опасением за судьбу Мелии. Настоящий страх обе почувствовали только сейчас.

Мелия смотрела в окно, словно рассказ никак не касался ее. Конан лишь изредка бросал на нее невеселье взгляды. До сегодняшнего дня она ни разу не удостоила его вниманием, за исключением первого вечера. Киммериец невольно потер щеку, вспоминая о той встрече. Она ни разу не сказала ему ни слова, и ни взгляда не поймал он на себе. Правда, сегодня девушка заговорила с ним, но это было продиктовано страхом и в счет не шло.

Что ж, быть может, так и проще?

Теперь она стояла, не шевелясь, словно восковая фигура из галереи проклятого дома. Правда, те изображали воинов... Она же была богиней во плоти, которую он просто обязан защитить.

Мэгил замолчал и окинул присутствующих внимательным взглядом. Лица их были либо хмурыми, либо напуганными, и лишь Брун казался неколебимым, но что можно было требовать

от наемника? Как бы он ни относился к происходящему, все это мало касалось его, ибо эти люди оставались для него чужими.

— Чего нам теперь ждать? — Тефилус первым решился прервать гнетущую тишину.

Конан шевельнулся, и все как по команде повернулись к нему.

— Мои люди напоили одного из людей Харага, и он выболтал, что сегодня ночью придет конец и мне, и твоей дочери.

Киммериец посмотрел Тефилусу в глаза, но на этот раз не уловил в его взгляде ни ненависти, ни злобной радости.

— Ты можешь покинуть нас. Еще есть время.

Конан увидел, как замерли пальцы Мелии, до того медленно поглаживавшие подарок Мэгила, но сама она даже не пошевелилась.

— Кром! Да когда я боялся угроз? — Он рассмеялся.— Пусть идут, и клянусь рогами Нергала, у него сегодня будет полно гостей!

Однако смех его так и повис в воздухе, не поддержаный никем, хотя Конану и показалось, что во взгляде Тефилуса мелькнуло облегчение. Сокол жреца сидел на прежнем месте, все так же размеренно переводя взгляд с одного на другого, словно настоящая птица, не понимающая, о чем говорят люди, хотя северянин и подозревал, что это не так.

Он встал и подошел к большой птице. Сокол уставился на киммерийца немигающим взглядом.

— Он понимает нас? — Северянин обернулся к Мэгилю, и тот кивнул.— Кром! Никогда не поверил бы, что такое возможно! — Он вновь повернулся и посмотрел в черные бусины птичьих глаз.— Мы не были друзьями, но и врагами тоже! Ты ведь не держишь на меня зла? Сокол склонил голову набок, словно внимательнее вслушиваясь в голос человека.

— Можешь быть спокоен,— вновь заговорил Мэгил,— мы успели переговорить с ним, пока он входил в новое тело. Он многое понял с тех пор и ко многому теперь относится иначе. И сожалеет сейчас лишь об одном: напрасно не верил раньше в то, что считает непреложной истиной теперь.

— Что же это?

Мелия впервые за весь вечер заговорила, и сокол, встрепенувшись, повернулся к ней.

— Он понял, что вся жизнь умещается в краткий миг.

Он понял, что отдавать приятнее, чем брать. А последний урок, как ни странно, преподнес ему Рамсис, и это был его последний шаг назад, но Фабиана можно понять: соблазн был слишком велик. В обмен на сведения о том, что произошло в ту ночь в доме, ему пообещали тело, человеческое тело, но обманули. Отчего-то мне кажется, что Рамсис зря так поступил.

— Ты не жалеешь, что оказался в теле птицы?

Сокол перевел взгляд на Конана.

— Он не жалеет,— вновь ответил за него Мэгил,— я объяснил ему, что человеческое тело можно получить только силой черного колдовства и ничего, кроме горя, такое воплощение ему не принесет. Другое дело — бессловесная тварь. Конечно, многое он потерял, но многое и приобрел!

— Как звать его? — вновь спросила Мелия.

— Он не захотел расставаться со своим именем, но в то же время не хотел, чтобы у кого-то могли возникнуть ненужные подозрения,— объяснил жрец.— Короче, зовите его Фан!

Конан сидел во флигеле и ждал.

Мэгил хотел остаться с ним, чтобы обсудить кое-какие свои сомнения, но киммериец напомнил ему о предстоящем свидании с Мелией, и вольному жрецу пришлось убраться, ограничившись лишь кубком пуантенского.

Северянин припомнил окончание вечера. Мелия так и не удостоила его взглядом, но он улучил мгновение, когда все оказались чем-то заняты, и сунул ей в руку приготовленную заранее записку. Он хорошо помнил скользнувшее по ее лицу удивление, но тут же отошел в сторону, и они с Мэгилом отправились во флигель.

Сразу по окончании беседы Тефилус развел бурную деятельность. В результате вся сотня воинов Бруна облачилась в доспехи и расположилась перед домом, между входом и воротами. Тефилус сам собирался возвратить к их воинской отваге, но пока это было рано делать: солнце еще не зашло, жизнь в городе не замерла, а жрецы («Как, впрочем и воры», — отметил про себя это странное сходство Конан) предпочитали дневному свету ночную тьму.

Не знай, киммериец сути дела, он мог бы подумать, что почтенный хозяин готовится к небольшой войне. Впрочем, он был доволен таким поворотом событий. Сто воинов — это сто воинов. Это значит, что на каждом углу у каждой двери, у каждого окна будет стоять вооруженный человек, а это вовсе не помешает.

Во дворе не будет никого, за исключением стражи у ворот, и Конан вполне оценил этот шаг Бруна, против которого поначалу ополчился Тефилус. Опытный сотник правильно рассудил, что нет ничего проще, чем снять уставшего под утро часового и, накинув его одежду, помочь сообщникам пробраться в дом. И тогда жди беды.

А так любой появившийся извне — враг. Конечно, в этом тоже имелись свои отрицательные стороны, но в любом, даже очень хорошем, плане непременно найдется слабое место. Правда, его еще должен узнатъ противник. Узнать или предугадать. То, что предложил Брун, обеспечивало одно бесспорное преимущество: когда поднимется тревога, все будут знать, что нападение началось только что, и, значит, дальнейшее будет зависеть лишь от выучки воинов Бруна.

Все это Конан сказал Тефилусу, когда тот начал, брызгая слюной, доказывать сотнику его глупость.

Внезапно киммериец замер у окна, когда изящная девичья фигурка легко выскользнула из задней двери дома и побежала к флигелю. Киммериец обрадовался, но тут же насторожился. Девушка была еще на полпути к нему, когда он почувствовал: это не Мелия!

Несколько мгновений он лихорадочно соображал, кто это может быть и что ему делать, пока его не осенило — Сурия! Кром! И как он сразу не догадался?! То-то она как увидела его в первый день, так ни разу после этого не проходила мимо, чтобы не задеть его ненароком или не посмотреть со значением, а сегодня все утро терлась вокруг, словно кошка!

Но что же делать? Скоро должна прийти Мелия, если, конечно, не выбросила его записку! К Нергалу!

Он быстро долил в свой кубок пуантенского и спрятал бутылку, а вместо нее достал бутыль знаменитого пальмового вина, оставшегося у него в неприкосновенности с прошлой памятной ночи, и наполнил им кубок, из которого только что пил Мэгил. Едва он успел сделать это, как дверь беззвучно отворилась, легкая тень скользнула внутрь и без слов прильнула к нему.

Словно в лихорадке, дрожала она от возбуждения, ища губами его губы, и Конан почувствовал, как его захлестнуло сладостной волной, что еще немногого, и он не в силах будет даже думать о чем-то ином.

— Кром! — Он с трудом оторвал от себя девушку. — У нас вся ночь впереди, милая...

— Я не хочу потерять ни мгновения!

Девушка вновь прильнула к нему, горя как в огне, но молодой варвар уже вполне овладел собой, решительно отстранил ее и раньше, чем в глазах Сурии появился огонек недоверия, объяснил:

— Я должен еще показаться в доме, иначе нам помешают в любой миг. На, охлади пока пыл.

Он взял со стола оба кубка и один протянул ей. Она улыбнулась и посмотрела на него взглядом изголодавшейся похотливой кошки.

— Это лишь разожжет его сильнее!

— Ну что ж, я не против,— усмехнулся Конан.

Они медленно пили, глядя в глаза друг другу, словно то был некий таинственный ритуал, и Конан видел, как затуманивается взгляд девушки. Допив вино, она едва не уронила кубок на пол, и киммериец понял, что своего добился.

Он взял ее на руки и понес к огромному дивану. Она обняла его за шею, покрывая лицо поцелуями. Он по-отечески чмокнул ее в щеку и уложил поудобнее.

— Я сейчас вернусь. Думай обо мне, жди меня и никуда не уходи.

Северянин вышел в дверь и направился к дому. Ему никуда не нужно было уходить, но он справедливо рассудил, что, пока он рядом, Сурия уgomонится совсем не скоро.

Почувствовав шаги за спиной, он насторожился.

— Знаешь, Конан, ты настоящий варвар.— Узнав голос Мэгила, он обернулся и увидел перед собой ехидно ухмылявшуюся рожу.— Приглашать на свидание хозяйку, а перед этим разминаться с ее рабыней!

Шутка, по его мнению, получилась удачной, и бывший жрец довольно расхохотался.

— Во имя Крома, умолкни! — Конан яростно оскалился. — Она с утра строила глазки, но мне и в голову не приходило, что к ночи девчонка заявится сама! Впрочем, все к лучшему!

— Ну, это-то вполне понятно! — понимающе ухмыльнулся Мэгил.

— М-м-м! — промычал киммериец.

— Хорошо, хорошо! Беру свои слова назад,— заторопился жрец.— Так что ты хотел сказать? Северянин недоверчиво покосился на него:

— Я влил в нее кубок пальмового.

— Того самого? — поинтересовался Мэгил.

— Ага,— кивнул киммериец.

— Варвар он и есть варвар,— сокрушенno вздохнул жрец.

— Зато теперь она видит во сне то, зачем пришла,— ухмыльнулся Конан.

— Да ты, оказывается, философ? — Мэгил восхищенно посмотрел на приятеля, который предпочел пропустить его замечание мимо ушей.

— Когда настанет время, ничто не помешает нам передать ее Тушке.

— И циник,— сокрушенno вздохнул жрец.— Так воспользоваться беспомощным состоянием бедной девушки!

Желваки заходили по скулам киммерийца, но он сдержался.

— Ну, мне пора, скоро должна прийти Мелия.

— Ты так уверен в этом?

Мэгил оставил шутливый тон, и лишь поэтому Конан решил ответить на его вопрос.

— Если она прочитает записку,— просто сказал он.

— Она прочитала ее, — так же коротко отозвался жрец.

— Откуда знаешь? — Конан удивленно посмотрел на Мэгила.

— Видел,— бросил тот.

— Значит, придет,— убежденно кивнул северянин.

— Интересно, что ты такого написал, что она непременно должна прийти?

Конан пожал плечами:

— Написал, что жду ее.

— И все? — Мэгил удивленно взорвался на киммерийца.

— А чего еще? — не понял тот.

— М-да,— жрец покачал головой,— от такого приглашения действительно невозможно отказаться

* * *

Солнце клонилось к закату, и хотя Конан не видел самого светила, но света становилось все меньше, день угасал, значит, близилась ночь, а вместе с ней и неведомая беда, уготованная им чужой злой волей.

Мелии не было.

Теперь, когда день подошел к концу, а Мелия все не приходила, он понял, что Мэгил прав его послание вряд ли способно заставить кого-либо, потеряв голову, броситься сюда, особенно принимая во внимание непростые их отношения. И все-таки он верил, что Мелия придет, не может не прийти. Он чувствовал, что их связывает нечто большее, чем одна ночь, проведенная вместе.

Каким-то неведомым ему образом судьбы их переплелись, и хотя каждый из двоих был по-прежнему вправе поступать так, как считает нужным, но обязан был при этом учитывать и желания другого. Это значит, что если просьба услышана, то должна быть удовлетворена. И было еще ощущение: многое отныне определялось кем-то другим, но кем, Конан не знал. Он лишь чувствовал постоянное присутствие рядом чужой воли.

Он не знал ее целей, но у него возникло ощущение, что отныне все, что должно произойти с ним, с Мелией, всеми, кто находится рядом, предопределено и, как бы он ни пытался, ничего изменить нельзя. Он может лишь отдать все силы, чтобы это неведомое, но предопределенное свершилось, независимо от того, каким будет финал, что он принесет — радость или горе. Это чувство очень не нравилось киммерийцу, но отделаться от него он не мог.

В дверь тихонько постучали. Конан вздрогнул, и странное ощущение пропало. Было уже совсем темно, и он не увидел лица вошедшей, но знал и так, что это Мелия.

Она замерла в двух шагах от киммерийца. Они долго стояли напротив окна, и на лица их падал лишь рассеянный свет звезд. Ее губы шевелились в беззвучном шепоте, но он и без слов понимал сказанное.

— Я так тоскую по тебе, я так люблю...

Ее руки протянулись к нему, но не касались тела, а словно ласкали его на расстоянии, даря свою нежность каждой его частице. Ее глаза глядели в его глаза и не могли наглядеться, говоря больше слов, маня, зовя, соблазня...

Конан шагнул к ней. Он сгорал от желания схватить ее, смять в объятиях, впиться горящими губами в ее пылающие уста, но когда ощутил прикосновение ее рук, почувствовал их нежность, возбуждавшую едва ли не сильнее самых сильных объятий, то понял, что не может этого сделать. Лишь когда эта сладостная пытка стала сильнее его воли, он привлек ее к себе.

Мелия почувствовала прикосновение его рук и замерла в ожидании того неизбежного и желанного, чего жаждала каждая клеточка ее тела и что он стремилась отдалить, ибо знала: все,

даже самое прекрасное, неизбежно кончается... Их губы соприкоснулись, и мир взорвался и перестал существовать. Ей казалось, что она горит в огне, который вместо боли дарит восторг и наслаждение, ибо то было не всепожирающий всемогущий огонь любви. Она уже не чувствовала горячих объятий Конана, а ощущала каждой клеточкой его, словно став с ним единым целым, и эти новые частички ее плоти ласкали её собственные огненным прикосновением.

Ей уже не хватало воздуха, она судорожно вздыхала, и грудь ее высоко вздымалась. Ей хотелось увидеть лицо любимого, и тогда она томно открывала глаза, но не видела его, словно магией любви они перенеслись туда, где не существует ничего, кроме двух слившихся в любовном порыве тел, в мир, созданный специально для них...

Кем? Ей было все равно...

Зато она слышала его дыхание, и каждый выдох пробегал по ней волной обжигающей страсти, прокатывавшейся по готовому раствориться телу приступом острого наслаждения, лаская его восторгом слияния, не позволяя угаснуть огню желания. Ей казалось, что она раскачивается на качелях, которые то вздымаются вверх, к вершинам

Блаженства, то падают вниз, к тянувшемуся вечно краткому мигу сладкого ожидания, и вновь вверх, к желанной боли, которую хотелось продлить навечно, и тут же вниз, в негу отдыха, без которого не выдержать следующего взлета...

* * *

— П полночь, мой повелитель.

— Можешь идти.

Слуга, согнувшись в глубоком поклоне, пятясь удалился, и, дождавшись, когда дверь за ним закроется Рамсис обернулся к Харагу. Тот кивнул и дважды хлопнул в ладоши.

Вошли двое жрецов в серых балахонах и онах и внесли нечто накрытое куском черной материи. Один из них сделал неуклюжий шаг, неловко споткнулся о выступающий край плиты и едва не упал. Рука Харага взметнулась в предостерегающем жесте.

— Осторожней, пожива для Нергала, если не хотите угодить в Яму Ожидания! Ставьте сюда.

Двое поставили принесенную вещь на стол и, приникнувши к нему, пятясь, как и жрец, покинули зал. Рамсис протянул руку, но Хараг поспешно остановил его:

— Не нужно!

Стигиец удивленно оглянулся:

— Что-нибудь опасное?

Глаза его подозрительно сверкнули.

— Нет. Это всего лишь Зрачок Затха, в котором мы сможем увидеть то, что нам нужно,— гордо объяснил Глава Малого Круга.— Но заклинания уже произнесены, и, как только Око увидит свет, оно начнет действовать. Тогда нельзя будет отрывать от него взгляда. Иначе волшебство умрет.

— Это не очень-то удобно, — заметил Рамсис.

— Да,— согласился Хараг,— но тут уж ничего не поделаешь.

— Значит,— стигиец улыбнулся своей змеиной улыбкой,— одному из нас придется неотрывно смотреть в Око, поддерживая магию Затха. А теперь прошу тебя не мешать мне какое-то время — я должен задать Сету вопрос и получить на него ответ.

Рамсис подошел к жертвенному алтарю, вырезанному из цельного куска черного гагата, на котором застыл огромный бронзовый змей, замерший в причудливой позе. Голова его возвышалась над свившимся в сложном вензеле огромным, сильным телом, покрытом сверкающей чешуей.

Это был Великий Змей, и лишь в этот миг Хараг впервые осознал это и невольно замер, заворожено наблюдая за действиями жреца Сета.

Рамсис мягко опустился на колени и застыл в благоговении, подняв вверх обращенные к своему божеству ладони. Мгновение назад это был живой человек, но теперь Харагу казалось, что перед ним стоят две статуи — змеи и человека — словно в противоборстве воли смотрящие друг другу в глаза.

Чтобы видеть глаза своего божества, Рамсису пришлось задрать голову и глядеть почти вертикально вверх.

Гигантская плоская голова змея тяжело нависла над своим верным слугой. Огромная хищная пасть с ядовитыми клыками была чуть приоткрыта, и края ее изогнулись в жестоком оскале. Черный раздвоенный язык выдвинулся вперед, ощупывая окружающее пространство. В больших выпуклых глазах горело застывшее на время всепожирающее пламя.

Хараг потряс головой.

Может, это кажется ему, а на самом деле это лишь отсвет факелов, освещавших жертвенный зал.

Он перевел взгляд на Рамсиса.

Фигура жреца словно окаменела. Мир перестал существовать для него, мысли сузились в точку невысказанного вопроса, а сам он обратился в зрение и слух. Он знал, что, раз вопрос задан, последует и ответ. Неважно, сколько времени это займет. Все зависит от того, насколько важным посчитает Великий Змей дело, ради которого его потревожили, но в том, что рано или поздно он ответит, сомнений не было.

Теперь оставалось только ждать.

Время остановило свой стремительный бег, окружающий мир поблек и расплылся серым туманом, когда, наконец, настал миг, ради которого он и затянул все. Рамсис почувствовал, что тело его расплывается в серой клубящейся дымке колдовства, а черное облако души постепенно перемещивается с окружающей бледной мглой, сливаясь с ней, становясь частью ее. Как всегда, именно в это мгновение пришло ощущение единства, не сравнимого ни с чем.

Стигиец вновь обрел способность мыслить, и в то же время продолжал чувствовать блаженное единство со своим божеством. Теперь, когда он ощутил свою причастность к Сету, хотя и сознавал, что он лишь крохотная частица, растворенная в могучем повелителе, он увидел перед собой ожившую морду Великого Змея Ночи.

Что это?

Хараг вздрогнул. Быть может, ему это почудилось? Бронзовое тело змея которого он считал лишь символом Великого Сета, но не более того, шевельнулось. Жрец замер и сам стал подобен изваянию.

Хищная пасть сомкнулась, черный язык засновал назад-вперед.

— Ш-ш-ш! Ты не оди-ин!

— Это Хараг! — Рамсис говорил, не оборачиваясь. — Если ты поможешь нам, он станет Верховным Жрецом Затха! Без его помощи мне не обойтись!

— Ты не один — вновь повторил змей, словно обвиняя своего жреца в измене.

— Выслушай меня, Отец Тьмы! Хараг владеет Талисманом Силы!

— Я слыш-шал о таком! — Черные глаза змея сверкнули пламенем. — Что хочет слуга Затх-ха?

— Силой Талисмана нельзя воспользоваться она, она скована Незримым. Возвращение демона в мир — его плата за освобождение силы камня. Сейчас нам нужно...

— Я зна-аю, что вам нужно.

Сказав это змей замер, и Харагу на мгновение показалось, что он вновь обратился в мертвую бронзу.

— Ты поможешь нам? — Рамсис впервые забеспокоился, видимо, подумав так же.

— Помолчи-и, я думаю...

Рамсис умолк, а Харат вновь задумался о величии стигийского бога.

До сих пор он считал, что статуя Сета — не более чем символ. Подобных изображений в святилищах бога-паука много, и служат они лишь олицетворением божества, чтобы верующий мог обратиться к нему, но доходит ли молитва до ушей бога... Одному Затху о том известно.

До сих пор, по крайней мере, ни он сам и никто другой не удостаивались ответа своего бога. Некоторые испытывали озарения — или думали, что испытывают их,— принимая его за ответ на вопрос . Таких вестников божественной воли было немного. Они пользовались почетом и уважением жрецов, хотя сам Хараг никогда не верил, что бог таким способом передает свои повеления.

Он видел причину подобного равнодушия бога к своим почитателям в том, что паук спит. Спит и не знает об их нуждах. Он, Хараг, разбудит великого Затха, и живой бог придет в мир, заставив его содрогнуться от своей мощи! И горе тогда жалким глупцам, дерзнувшим выбрать себе иного властителя дум!

Внезапно рассуждения его оборвались. Он увидел, как змей начал менять позы, делая это то плавно, то мгновенными перестановками. Хараг почувствовал, что мысли его, путаются, душа наполняется восторгом, преклонением перед чужим божеством, подчиняется его воле. Он подумал, было, что не должен допустить этого, но не успел — мысль эта оборвалась, и великий Хараг замер безжизненным изваянием, не ведая о том, что происходит вокруг.

Змей замер, и теперь лишь сновавший между зубами язык свидетельствовал о том, что он еще не покинул мир людей.

— Ты должен завладеть Талисманом для меня-а! — прошипел он.— Не бойс-ся, он не слыш-шит нас-с! Ты завладеешь камнем, даже ценой свободы Незримого!

— Но повелитель...— начал было Рамсис, но Темный Бог прервал своего слугу.

— Не все боги соглас-сны с его возвращ-щением, а пока придвинь ко мне паучий глаз,— в голосе Сета послышалось пренебрежение, и Рамсис невольно обернулся, но Хараг по-прежнему был неподвижен,— и разбуди жреца.

Рамсис поднялся.

— Хараг! — тихонько позвал он.

Жрец встрепенулся, словно очнувшись от легкого обморока, и вопросительно посмотрел на стигийца.

— Мой повелитель желает видеть, что происходит в доме.

Хараг даже не заметил короткого беспамятства. Ему лишь показалось, что в какой-то миг слегка закружила голова, но головокружение тотчас прошло, едва Рамсис обратился к нему с вопросом. Без лишних слов он подошел к столу, и они вдвоем, не прибегая к помощи слуг, слегка передвинули его и чуть развернули укутанное покрывалом.

Оба жреца встали с двух сторон змея.

— Покажите мне дом-м...

Рамсис покосился на Харага. Хараг рывком сорвал покрывало и сосредоточился. Рамсис впился взглядом в Зрачок Затха.

Это оказался круглый, величиной с голову человека, непроницаемо черный шар,

разделенный как бы надвое и если задняя его половина была матово-черной, то передняя искрилась в тусклом свете факелов, словно состояла из неисчислимого количества зеркал, настолько крохотных, что каждое из них в отдельности рассмотреть было просто невозможно.

Шар искрился и переливался в тусклом свете и Рамсису почудилось, что сияние его разгорается все ярче. В какой-то миг ему показалось, что еще немного и он ослепнет. Но свечение тут же оборвалось, и передняя половинка шара словно перестала существовать. Рамсис никогда прежде не видел Зрачка Затха, но уже знал что должно произойти дальше. В густой темноте полой сферы начало появляться изображение, медленно, но верно обретая зримые очертания.

Перед ними появилась роскошная усадьба, посреди которой стоял большой двухэтажный дом с мраморными колоннами вдоль всего фасада, больше походивший на аргосский храм, чем на жилище.

— Войди-и в него-о...

Краем глаза Рамсис увидел, как вновь сосредоточенно напряглось лицо Харага, и фасад приблизился. Они стремительно пронеслись сквозь ряд колонн и прошли в открытую дверь. Они незримо очутились внутри большого овального зала с роскошной лестницей драгоценного розового мрамора, с двух сторон поднимавшейся вдоль задней стены. Великолепная бронзовая статуя Деркэто застыла напротив входа, вытянув руки в приветственном жесте. Вокруг сновали вооруженные воины, но они мало интересовали жреца.

— А-ха-ха! — Смех был неторопливым, в нем слышалось явное удовольствие от увиденного. — Моя служа-анка-а! И по-прежнему рада каждому! Весьма-а кстати. Услыш-шь меня!

Хараг вздрогнул: ему показалось, что глаза статуи ожили и уставились прямо в его глаза.

— Чего хочешь ты?

Хараг услышал этот вопрос, хотя вокруг оставалось совершенно тихо.

— Мне нужна девуш-шка... — прошипел змей.

— Мне нужен Конан — ответила богиня.

— Хорош-шо... — последовал ответ Сета, — повинуйся Рамсису.

В тот же миг жрец Сета почувствовал, как мир перевернулся, и он увидел внутренность зала глазами Деркэто, глядевшими во входную дверь. Он мысленно возвзвал к повелителю, но услышал лишь: «Ухожу!» — и понял, что Сет покинул их, отправившись по своим, более важным делам.

Рамсис стоял неподвижно, как статуя Деркэто по ту сторону Зрачка Затха, и чувствовал, что не в силах пошевелиться, не видя ни Харага, наблюдавшего за происходящим с другой точки, ни магической сферы.

Он сделал еще одно отчаянное усилие, и губы его шевельнулись в едва слышном шепоте.

— Хараг, куда мне идти? — Он нутром почуял страх находившегося где-то рядом жреца и спешно воскликнул: — Не обворачивайся! Направляй Деркэто!

Он не знал, что все это вранье о том, что нельзя отрывать взгляд от Ока, Хараг выдумал специально для него, а сам стоял теперь и ошелело смотрел на стигийца, замершего в неестественной позе с вытянутыми перед собой руками. Наконец, Хараг немного оправился и обернулся к Зрачку Затха, ругая себя последними словами. Счастье еще, что Рамсис не видел его вытянутого от удивления, как у послушника-первогодки, лица!

— За спиной у тебя лестница. Поднимись по ней!

Он смотрел в Зрачок Затха, но там ничего не происходило, и обернулся к Рамсису, чтобы не без ехидства поинтересоваться, кого он должен направлять, когда услышал сдавленный стон. Только теперь он понял, что стигиец пытается, но никак не может пошевелиться, словно на него надет стальной панцирь.

Он обернулся к картинке в шаре, тайно надеясь увидеть там нечто иное, но и внутри сферы все оставалось по-прежнему: сновали по своим делам люди, а статуя богини застыла с поднятыми в приветственном жесте руками. Лишь глаза ее жили, хотя этого и не видел никто, кроме него. Только глаза? Услышав сдавленный стон за спиной, он взгляделся повнимательней. Правая рука медленно-медленно опустилась, но этого не заметил никто из сновавших по залу людей.

Он оглянулся, чтобы посмотреть на Рамсиса. От напряжения лицо жреца налилось кровью, дыхание вырывалось с хрипом. Стигиец опустил вторую руку. Он поспешил обернуться и увидел внутри зрачка статую Деркэто, стоявшую на прежнем месте, но уже с опущенными руками, и Харагу показалось, что второе движение заняло меньше времени.

Двое воинов, проходивших мимо по своим делам, вдруг остановились перед бронзовой статуей богини, застывшей у задней стены зала.

— Слушай-ка, сдается мне, что еще утром она стояла с поднятыми руками!

Приятель говорившего окинул фигуру богини насмешливым взглядом и снисходительно заметил:

— По правде говоря, хоть я и прошел мимо не меньше сотни раз, не припомню, что было у нее с руками, меня гораздо больше интересовали другие части ее тела.

Он подмигнул приятелю, но тот не принял щутливого тона.

— Я точно помню, что руки у нее не были опущены.

— Приглядись к ней, придурок,— расхохотался весельчак,— это же бронзовая девка! Кабы она могла двигаться, я уже давно познакомился бы с ней поближе!

— В том-то и дело, что бронзовая, а руки опустила.

Скептик не желал сдаваться, и балагур разочарованно вздохнул. Такой прекрасный во всех смыслах повод позубоскалить! Ан, нет! Шевелит статуя рукам и все тут! Он еще раз вздохнул — По-моему, ты просто перепил за ужином,— изрек он, погрустнев.

Все вновь стало скучно и неинтересно: нужно идти на пост, а он так надеялся хоть ненамного оттянуть этот момент. Внезапно парень оживился — в дверях показался Брун, а значит, можно еще раз попытаться разнообразить службу.

— Сотник!

Брун остановился и вопросительно посмотрел на молодого парня, которого явно тяготили строгость и однообразие воинских будней.

— Крин говорит, что Деркэто застоялась на месте и решила немного размяться!

Тот перевел взгляд на Крина, серьезного мужчину в годах, опытного воина, который прослужил под его началом больше десяти лет и к мнению которого Брун всегда прислушивался.

— Я понимаю, Брун, что это звучит нелепо,— заговорил ветеран, но попасть мне под копыта Нергала, если еще в полдень, когда я в последний раз проходил здесь, руки были подняты.

Его напарник состроил гримасу, всем своим видом показывая, что у старика не все в порядке с головой. Брун молча посмотрел на статую, а за ним следом и оба спорщика. И в этот миг, будто привлеченная их разговором, Деркэто медленно повернула, слегка наклонив, голову и, словно бы удивленно, посмотрела на троих онемевших от изумления воинов.

Хараг не видел происходящего внутри дома, хотя именно это он должен был делать по их взаимному уговору. Он не мог отвести взгляда от постоянно меняющегося лица Рамсиса, и изменения эти были воистину ужасающими.

Он вперился взглядом в только ему видимую точку пространства, и жилы на его шее напряглись, а лицо сделалось алым. Хараг увидел, как опустилась одна рука стигийца. Синева начала подниматься от груди, а глаза полезли из орбит, когда вторая рука медленно последовала

за первой. Синева поднялась выше, белки налились кровью. Жрец медленно повернул голову, посмотрел на него, и рот Рамсиса раскрылся в злобном оскале.

Хараг стоял ни жив, ни мертв. Рука медленно поднялась, и замориц не мог отвести от нее парализованного ужасом взгляда. Когда же она сдвинула пальцы, словно схватив что-то, и сделала вращательное движение, лишь тогда он понял, что стигиец видит не его, а что-то иное, и взгляд его устремлен на что-то неведомое ему, находящееся в том доме.

Страх отступил прочь. Хараг выругал себя и обернулся к Зрачку Затха.

Тroe замерли. Никто из них еще не успел испугаться, они были просто удивлены, и лишь когда взгляды их встретились с грозным взором Богини Страсти и ее прекрасные черты исказила гримаса злобной радости, страх шевельнулся в сердцах трех воинов, сковав тела холодом ужаса, лишив способности трезво мыслить.

Словно объятые черным колдовством, они зачарованно следили, как поднимается тяжелая бронзовая рука богини. Выше... Выше... Еще выше. Вот могучая длань сомкнулась на голове молодого насмешника. Легкий поворот кисти, и что-то отвратительно хрустнуло. Рука разжалась, выпустив бездыханное тело, комком безжизненной плоти рухнувшее на пол.

И словно разбилась невидимая стена — реальность вернулась. Брун и Крин отскочили, мгновенно обнажив клинки, еще не отдавая себе отчета в том, что их жалкое оружие бесполезно в борьбе с бронзовым монстром. И как раз вовремя — вторая рука описала широкий полукруг и неминуемо переломала бы ребра обоим, останься они на месте.

В зале в это время находилось человек двадцать, и все замерли в оцепенении, но окрик сотника привел их в чувства.

— А ну очнитесь, Нергаловы отродья, или к утру ваши трусливые шкуры вывесят на просушку на Серых Равнинах! Шом и Нук! Один к хозяину, второй к апартаментам молодой госпожи! Скажите — бронзовая девка сошла с пьедестала!

Однако приказ его запоздал. Тефилус уже выскочил на площадку, где сходились воедино обе лестницы, и замер, не веря своим глазам. И все-таки он не потерял способности мыслить, как того можно было ожидать, хоть и попобледнел, как полотно.

— Брун! Что будем делать?

— Драться! — последовал ответ, быть может, достойный ажения но ничего не объяснявший.

На шум и крики начали сбегаться воины со всего дома. На площадке рядом с Тефилусом появились на шум Аниэла с Сиотвией, заспанные и растрепанные. В дверях под ними показались рабы и толстая чернокожая кухарка округлившимися от ужаса глазами смотрела, как бронзовая статуя, которую она лишь утром любовно протирала от пыли, размахивает руками, словно парой мечей и же три бездыханных трупа валяются у ее ног.

Люди продолжали беспорядочно нападать на неожиданного врага, налетая одновременно со всех сторон, словно борзы, обложившие логово медведя, наконец-то дождавшиеся, когда он выберется наружу.

Удары сыпались со всех сторон. Бронзовая фигура размахивала руками, разворачиваясь то вправо, то влево, и движения ее становились все легче и размашистей с каждым взмахом, с каждым поворотом движения её становились всё легче, размашистей. Она начала приседать и отклонять туловище то в одну, то в другую сторону, чтобы убийственной дланью захватить большее пространство.

Ей удалось схватить за щиколотку еще одного воина, но она не стала тратить на него время, как то было с первыми тремя жертвами, а крутизнула его, словно палицу, мощным ударом размозжив голову о мраморные ступени.

Оставшиеся товарищи убитого с удвоенной яростью бросились в бой.

— Брун!

Сотник отскочил, тяжело дыша, и поднял голову.

— Поднимись ко мне! Ты не должен участвовать в этой свалке.

Старый воин тяжелым взглядом посмотрел на сражавшихся и с сожалением убрал меч в ножны, но, когда поднялся наверх, к Тефилусу и двум женщинам, происходящее представилось ему совсем в другом свете. Он видел, что сопротивляться бессмысленно. Пока еще они сдерживают грозного противника, но скоро начнут уставать, и картина боя неизбежно изменится. Сотник понял, что, если что-то не придумать прямо сейчас, его сотня погибнет задолго до рассвета.

Брун не зря гордился своими воинами. Он долго и тщательно подбирал бойцов в свой отряд, в нем не было случайных людей. Все они были прекрасно выучены и знали свое дело. Оправившись от вполне естественного первоначального шока, ни один не проявил трусости, хотя все боялись, в этом не было сомнений. Они умело уклонялись от ударов, вовремя делали выпады. Удары их достигали цели и, если бы им противостояло живое существо удары из плоти и крови, оно давно было бы мертвое.

Крик боли вывел его из задумчивости. Крин упал на пол, но вовремя успел отползти, волоча разбитую ногу. Брун не мог сверху оценить, насколько серьезна его рана, но понял, что этому пора положить конец, если только цель их не массовое самоубийство.

— Держите расстояние, Сетовы прихвостни! Не позволяйте ей достать вас и не наваливайтесь кучей! Шом! Нук! Следите, чтобы одновременно нападало не больше десяти ублюдков, иначе так дружной толпой и отправитесь к Негалу в гости!

Прокричав команду, он обернулся:

— Прошу простить, госпожа.

Сиотвия понимающе кивнула, но Аниэла словно и не слышала его, лишь подняла на старого глаза воина полные ужаса губы. — Брун, мы теперь все умрем? Да? — прошептали ее губы.

— Ну что ты, дорогая! — натужно рассмеялся Тефилус, обнимая жену за плечи — Сейчас мы просто уйдем отсюда и всё!

— Конечно, решать только этого и ждут.

Брун посмотрел в глаза Королевскому Дознавателю, и вымученная улыбка покинула лицо Тефилуса.

— Бежать нужно было раньше, когда советовал Конан и для этого была возможность. — Ты считаешь...

Брун кивнул:

— Теперь такой возможности у нас нет.

— Интересно, а где сейчас этот умник?!

При упоминании о Конане лицо Тефилуса вспыхнуло от гнева. Он даже перестал обращать внимание на бой внизу.

— Успокойся, господин. Я говорил с ним перед заходом солнца. Он будет там, где посчитает нужным, чтобы защитить молодую госпожу! Ведь для этого его наняли?

Он вопросительно посмотрел на Сиотвию, и та кивнула зятю.

— Возьми себя в руки. Этот парень знает, что делает.

— Но меня интересует, где он?! — не унимался Тефилус, и почтенная Сиотвия горестно вздохнула — нашел время!

— Не знаю, — Брун пожал плечами. — На его месте я бы увел Мелию и спрятал ее где-нибудь.

— Трусливые шакалы! Прятаться?! Да воины вы или бабы?!

Но сотник оставался спокоен, показывая, что не принимает обвинений.

— Если тебе нужно, чтобы мы все полегли там, — он указал рукой вниз, на продолжавшуюся

схватку,— прикажи, и тебе не придется никого упрекать в трусости, но твоей дочери это не поможет. Для ее спасения требуется совсем другое!

— Что?! — выкрикнул Королевский Дознаватель.

— Пока не знаю,— просто ответил сотник.— Это зависит от того, что ей нужно, но очень похоже на то, что нам хотят подсказать мысль о бегстве. Посмотри — она стоит на месте. Нас просто хотят напугать или дождаться, пока все мы падем от ее руки, и тогда можно будет взять усадьбу без особых затруднений.

Хараг смотрел в Зрачок Затха. Он видел, что статуя богини сошла с постамента, но не продвинулась ни на шаг, а лишь отбивалась от наседавших на нее воинов Бруна, которые уже вполне пришли в себя и теперь действовали осмотрительно, не подставляясь под удары, хотя и несли потери, когда кто-то по запальчивости оказывался в пределах досягаемости смертоносных рук богини.

Жрец оглянулся на Рамсиса и мгновенно понял, что на самом деле все обстоит гораздо хуже, чем он думал. Хоть оружие нападавших и не могло причинить никакого вреда бронзовому телу Деркэто, но он с ужасом увидел, как при каждом удачном выпаде против нее содрогается тело стигийца, словно Рамсис получает удары, предназначенные статуе.

— Наверх!

Он увидел, что жрец замер, будто не рассыпал сказанного, и точно так же, не веря в передышку, замерли воины в зале, тяжело дыша и недоверчиво переглядываясь.

— Наверх, Рамсис! Наверх! И не подпускай к себе выродков, иначе погибнешь!

Стигиец вздрогнул и пошел вперед. Некоторое время Хараг не мог оторваться от необычного зрелища. Он видел, как рядом с ним медленно, размеренно шагает жрец, оставаясь в то же время на месте, а в Зрачке Затха наблюдал иную картину: бронзовая статуя Богини Страсти степенно шагала по залу, находящемуся в другом конце города.

Когда зловещая фигура внезапно замерла, воины, тяжело дыша, остановились, с тревогой и надеждой наблюдая за ней, втайне надеясь, что это конец.

— Господин!

И Тефилус, и Брун, и обе женщины как по команде опустили взгляды и замолчали.

— Что это значит? — прошептал сотник, но лишь только он произнес эти слова, как Деркэто развернулась и медленно, размеренным шагом направилась к лестнице.

— Ну, вот и все,— заключил сотник.

— Что... Все? — Тефилус был более прстыни на кровати, с которой его поднял шум боя.

— Спектакль кончился,— убежденно сказал воин.— Они поняли, что так ничего не добьются.

— И что теперь? — Сиотвия гордо вскинула голову.

Брун не сомневался в том, что старая женщина боится, но не собирается ни раскисать, ни тем более сдаваться. Она нравилась опытному воину.

— У них есть план дома.— Брун был спокоен.— Я думаю, она направилась в покой Мелии.

— Бежим! — закричал Тефилус и бросился к двери.

— Мы с вами! — отозвались женщины.

Обе хозяйки были настроены вполне решительно, сотник угрюмо глянул на них, и они замолчали.

— Прошу прощения, но помочь вы не сможете ничем, а только усложните нашу задачу. Господин, я думаю, тебе нужно позаботиться о женщинах.

— Там моя дочь! — Тефилус упрямо сжал губы.

— Нам нельзя быть вместе.— Брун начинал закипать. Его наняли для охраны этих людей, но он не собирался плясать под их дудку, когда речь шла о жизни и смерти.— Уходите, или я

вело своим людям увести вас силой!

Их взгляды встретились, и на какое-то время воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерной поступью бронзового божества.

— Идем, Тефилус.— Сиотвия редко обращалась напрямую к своему зятю.— Брун прав, тебе лучше подумать о том, как помочь дочери спуститься из окна и где ее спрятать.

Тефилус понял, наконец, что бы ни нашептывали ему отцовские чувства, но драку лучше оставить воинам.

Он посмотрел на поднимавшуюся по лестнице бронзовую богиню и быстро спустился по второму крылу лестницы, забрав с собой обеих женщин.

Брун скользнул в дверь, из которой выглядывали его люди, и, захлопнув ее за спиной, быстро огляделся: два десятка воинов, но ничего из мебели, которой можно было бы завалить дверь. Лишь пара легких диванчиков, но и это лучше, чем ничего.

— Вперед! — махнул рукой Брун, наспех закрепив дверь.

Двадцать воинов бросились к покоям Мелии, полные решимости защитить ее даже ценой собственной жизни.

Они вошли в просторную гостиную, когда услышали первый сокрушительный удар, от которого содрогнулись стены дома.

Тефилус спустился вниз и посмотрел на замерших в ожидании его приказа людей.

— Шом, возьми десять человек и быстро под окна Мелии.

Сейчас Брун разбудит мою дочь, и ты должен будешь поймать ее, когда она прыгнет вниз.

Шом отправился было выполнять приказ, но в это время раздался первый тяжелый удар. Людям показалось, что стены дома рушатся прямо у них над головами. Они отбежали к середине зала и молча смотрели, как прекрасная Богиня Страсти мощными размашистыми ударами крашит дверь. Щепки летели во все стороны, но дверь еще держалась.

— Что ты стоишь?! — разъярился Дознаватель.— Марш!

Воин опрометью бросился выполнять приказ, а сам Тефилус вновь посмотрел на дверь, от которой теперь остались лишь изломанные доски, безобразными кусками болтавшиеся на петлях.

— Ну, возьми еще десять человек и, когда эта тварь пойдет обратно, постарайся помешать ей.

Наконец он повернулся к жене:

— Я думаю, вам обеим следует найти рабынь, привести их в чувство, и пусть займутся ранеными. Сдается мне, что в них недостатка не будет.

Брун вошел в небольшую гостиную и постучал в дверь спальни не очень сильно, но вполне, на его взгляд, достаточно для того, чтобы разбудить мирно спящую девушку, хотя и удивился, что ужасный грохот ломаемой двери уже не сделал этого за него. Однако и на его стук ответа не последовало. Он постучал еще раз, но с тем же результатом.

Внезапно удары за спиной смолкли.

— Брун! Она вошла! — крикнул кто-то из его людей.

— Ломайте дверь! — приказал сотник, понимая, что дольше ждать нельзя.

За спиной уже слышались тяжелые шаги. Два дюжих плеча ударили в двустворчатую резную дверь, распахнув ее с первого раза, однако внутри никого не оказалось. Постель была аккуратно застелена, но в нее никто и не думал ложиться.

— Заприте вход!

Они едва успели сделать это и подпереть дверь тяжелым дубовым шкафом, когда снаружи вновь обрушились удары.

Окно распахнулось, и Брун выглянул наружу, на поджидавших его с факелами в руках

воинов во главе с Тефилусом.

Два десятка бойцов попрыгали вниз, не очень-то заботясь о ногах — то, что надвигалось сзади, казалось неизмеримо опаснее.

— Ее нет, господин,— спокойно сказал пожилой сотник, поднявшись с земли, словно такие полеты были для него не в диковинку.

— Как нет?

Тефилус побледнел еще больше и начал испуганно озираться. Он не знал, что и думать. Нужно спасать дочь, а как это сделать, если никто даже не знает, где она. Он обернулся к воинам:

— Быстро...

Неизвестно, какое приказание он собирался отдать, если бы сотник не прервал его:

— Ты забыл, господин, твоя дочь наверняка с Конаном.

— Значит, нужно найти его. Если эта тварь доберется до них, без нас ему не справиться.

— С нами тоже,— возразил сотник.— Сила не на нашей стороне, хоть нас и много. Вся надежда на хитрость...

— Правильно,— раздался за их спинами чей-то голос.

Тефилус обернулся и увидел подошедшего Мэгила, которого любил ничуть не больше Конана. Впрочем, сейчас ему было не до того.

— Я знаю, где Конан и Мелия,— продолжил бывший жрец.— Мы должны увести эту тварь подальше от них.

Надо выиграть время, ибо ни одно колдовство не может длиться бесконечно.

Рамсис рвался вперед. Тело жреца горело огнем от боли многочисленных ран, нанесенных проклятыми людьми. Раны не могли убить его, но были весьма болезненны. Он уже не помнил себя от ярости, лишь крушил все на своем пути.

Он не нуждался в подсказках Харата, хотя один из его советов и оказался полезен, когда стигиец слишком увлекся, ввязавшись в бессмысленную драку. Он прекрасно помнил план дома. Второй этаж, крайняя дверь в левом крыле.

Рамсис проломился сквозь жалкий заслон и пошел дальше. Перед ним был коридор, и он знал, что теперь его ничто не остановит. Еще несколько мгновений, и он у цели.

Нужная дверь оказалась запертой, но он вышиб ее со второго удара, отбросив прислоненный с внутренней стороны шкаф с такой силой, что тот вышиб окно и только чудом не вылетел наружу.

Именно в этот миг он обратил внимание на чей-то голос, назойливо звучавший в мозгу. Он прислушался и едва сдержался, чтобы не зарычать от злости.

— Рамсис! Ее нет там! Ее нет! Она во флигеле!

Мэгил ворвался в нижний зал как раз в то мгновение, когда Нук со своими людьми заканчивал работу. Теперь оба крыла роскошной лестницы больше походили на горы хлама, пробраться через которые было бы непросто.

— Уходите быстрее, сейчас она вернется

Люди замерли, на миг прекратив работу, и в наступившей тишине услышали приближающиеся тяжелые шаги.

Они тут же вновь заторопились, укладывая в кучу последние стулья, диваны — все то, что нашли в ближайших к залу комнатах и сумели быстро перетащить сюда. Едва спина последнего из них скрылась в широком проеме входной двери и створки ее закрылись, как изнутри послышался нарастающий грохот — Деркэто начала расчищать себе путь.

— Скорее! Несите все, что попадется под руку!

Люди бросились врассыпную, и Мэгил, оглянувшись, увидел лишь суровое лицо Тефилуса.

— Быть может, все-таки стоит предупредить их?

Жрец усмехнулся и покачал головой:

— Я думаю, этот грохот поднял на ноги если не половину Шадизара, то ближайшие несколько домов точно.

Пространство между рядом колонн и дверью начало быстро наполняться ненужной утварью, в основном старой мебелью. Кто-то догадался забраться на второй этаж, и теперь в открытое окно летели роскошные предметы убранства.

Гора быстро росла, грозя если не остановить, то надолго задержать взбесившуюся статую, и Тефилус облегченно вздохнул, но Мэгил вдруг нахмурился.

— Ты что? — невольно насторожился Дознаватель.

— Слышишь, как стало тихо? — Мэгил резкими движениями поворачивал голову и прислушивался.— Не нравится мне это.

— Что ты хочешь сказать?

Жрец так и не успел рассказать о своих опасениях, когда из дома донесся оглушительный удар, а вслед за ним треск и скрежет. Лицо Мэгила налилось кровью.

— Проклятие Сета на мою голову! — закричал он.— Мы забыли о заднем выходе!

Они опрометью бросились вокруг дома к флигелю, расположенному как раз напротив, за домом.

* * *

Мелия не видела лица Конана, но образ любимого стоял перед глазами девушки, и слезы счастья катились по ее щекам. Она больше не чувствовала ни наслаждения, неотличимого от боли, ни боли, причиняемой наслаждением — все слилось воедино. Ее тело парило в потоках блаженства, словно невесомая пушинка под ласковыми лучами солнца в баюкающих ладонях едва слышного ветра. Само время остановило свой бег, и девушке показалось, что это будет длиться вечно.

О, Конан...

Где-то глубоко в недрах ее лона начало нарастать, казалось, давно забытое ощущение, которого ее измученное тело уже не могло выдержать. Мелия глубоко вздохнула и попыталась сдержать себя, но вместо этого последняя волна, которой она так боялась и так желала, стремительно нахлынула, захлестнув сознание, накрыв его черным бархатным покрывалом беспамятства. На лице девушки застыло выражение блаженства, и она протяжно застонала.

Долго ли длилось блаженное беспамятство, Мелия не знала, но очнуться ее заставили нараставшие удары пульсирующей в висках крови. Они становились все громче и громче, пока не стали болезненными, и она поняла, что это не кровь. Она не чувствовала, а слышала эти удары, роковым набатом сотрясавшие тело.

Тревога еще не коснулась ее души, но беспокойство, пока смутное и ленивое, уже родилось, и она, преодолевая расслабленность, открыла глаза и улыбнулась. Первым, кого она увидела, был он, Конан. Она вновь закрыла глаза, мгновенно забыв обо всем. Ах! Чего бы только она ни отдала, чтобы так начинался каждый день!

Однако тревожный набат не унимался, снова напомнив о себе. Мелия вновь посмотрела на своего избранника, на этот раз уже осмысленно, и не на шутку встревожилась: киммериец стоял почти полностью одетый, с тяжелым двуручным мечом в руках и смотрел в окно.

— Что случилось, милый?

Мелия была не на шутку встревожена, но в голосе звучала только любовь. Конан посмотрел на нее и вздохнул с облегчением:

— Хорошо, что ты проснулась. Похоже, за тобой пришли.

Слова эти подействовали на нее, словно ушат холодной воды. Сердце девушки, только что замиравшее от любовного томления, тревожно забилось. Она быстро оделась и встала рядом с возлюбленным, схватив его за руку. Издалека доносились крики людей и треск ломаемого дерева, но ничего не было видно из-за дома, громадой высившегося в паре десятков локтей от флигеля и загораживавшего собой все пространство.

— Что там происходит? — прошептала девушка и теснее прижалась к своему защитнику.

— Не знаю. Северянин покачал головой, не сводя внимательного взгляда с двери для прислуги, через которую две ночи назад забрался первый посланец Харата. Раздался мощнейший удар, и дверь затрещала. Конан почувствовал, как вздрогнула прижавшаяся к нему Мелия, а следующий удар заставил ее тело мелко задрожать.

— О, пресветлая Иштар, спаси меня, спаси Конана! — лихорадочно зашептали губы девушки.

Она попыталась найти маленькую фигурку, утром подаренную ей Мэгилом, но не находила, и это приводило ее в отчаяние.

— Кром! — прошептал киммериец и на миг замер, увидев, как вылетела выбитая невероятно мощным ударом дверь и вслед за ней на пороге появилась бронзовая фигура богини Деркэто, еще утром мирно стоявшая в овальном зале дома. Однако замешательство его длилось лишь краткий миг. В следующее мгновение он молниеносным движением закинул меч в ножны за спиной и, подняв голову, быстро осмотрелся.

— О, всемогущая Иштар, помоги, спаси нас! — продолжала шептать, стоя рядом с ним, Мелия.

Конан явно не был склонен полагаться на помощь прекрасной богини. Он верил лишь в Крома, но знал, что и его суровый бог пальцем не шевельнет, разве что, услышав молитву, посмотрит, не зря ли он двадцать весен назад оставил жизнь этому парню? Киммериец готов был доказать, что не зря. Он понимал, что драться с бронзовой богиней может лишь глупец, и уже принял решение, но, посмотрев в окно, неприятно поразился.

Деркэто была уже здесь. Еще пара шагов — и она войдет во флигель. Где-то вдалеке послышались приближающиеся крики воинов Бруна, спешивших на выручку. Помощь близка, вот только что они смогут?

Он подхватил девушку на руки и бросился в соседнюю комнату.

Рамсис рвался вперед. Он чувствовал себя способным на что угодно. Как жаль, что эта легкость не пришла к нему сразу, когда люди были напуганы и растеряны! Он не потерял бы понапрасну столько драгоценного времени! Но ничего! Теперь они от него не уйдут! Вот он — флигель, где прячется проклятая девка со своим варваром. Сперва он свернет шею мужчине, посмевшему досаждать ему своим сопротивлением, потом возьмет девушку и...

Внезапно жрец почувствовал, что его бронзовое тело налетело на каменную стену. Мысли оборвались, он едва удержался на ногах, не в силах понять, что же произошло, пока взгляд его не уперся в маленькую фигурку, повешенную за цепочку на ручку двери...

Не может быть!

Злоба вскипела в нем с новой силой. Прочь! Он махнул рукой, пытаясь сбить крохотную фигурку Иштар, осмелившуюся преградить ему путь, но не достал, и тут произошло немыслимое: жалкое костяное изваяние словно выросло, обернувшись прекрасной богиней, грозной в гневе.

— Как смеешь ты противиться моей воле, жалкий червь?!

Она сурово свела брови, и глаза ее недобро сверкнули, хотя мягкий голос звучал ровно.

— Прочь с дороги! — прорычал Рамсис.— Я следую воле Сета!

Он вновь махнул рукой, но, как и в первый раз, не достал.

— Вон отсюда!

Призрачная фигура махнула рукой, и Рамсис, жрец Сета, могущественный маг, почувствовал, как мир перед глазами поблек и закружился. Он падал, и мир вращался перед глазами, а падение длилось бесконечно долго, так долго, что, казалось, не кончится никогда. Планеты и звезды неслись мимо, а среди них бесчисленные сны миров, прекрасных или ужасных, но живых. Он чувствовал, как ссыхается кожа на его лице и иссушается плоть, превращаясь в ничто. Скоро и сам он станет ничем, повергнутый в прах... Последним всплеском мысли обратился он к повелителю своему, могущественному Сету, требуя, взывая, моля его о помощи.

И в этот миг все прекратилось.

Он снова почувствовал, что падает, но на этот раз падение было обычным. Звезды исчезли. Он падал в святилище, где в полночь свершилось его колдовство. В падении он налетел на стол, и если бы не помощь Харага, свернул бы его.

Жрец Затха усадил стигийца в кресло и налил в кубок вина. Преодолевая боль, Рамсис открыл глаза и с трудом принял протянутый кубок. Болело все, словно он и в самом деле почти достиг царства Нергала и лишь благодаря силе своего властелина в последний миг избежал смерти.

— Не получилось,— слабо прошептали его губы.

— Я знаю,— кивнул Хараг.— Но почему?

— Ты разве не понял? — чуть слышно прошептал стигиец и устало закрыл глаза.— Стояла глубокая ночь, а в доме горели огни, да и люди были на ногах.— Он помолчал какое-то время и, открыв глаза, мрачно посмотрел на Харага: — Нас ждали.

— Не хочешь ли ты сказать...

— Да, кто-то из твоих или моих людей предал нас.

* * *

— Ну и что ты скажешь обо всем этом?

Конан пожал плечами:

— А что тут скажешь? Все и так понятно.

Он протянул руку к покрытому многочисленными рубцами бронзовому телу Деркэто, но Мелия испуганно повисла на нем, изо всех сил стараясь удержать. Киммериец усмехнулся:

— Ну, ну, милая! Не стоит беспокоиться. Это всего лишь статуя.

Девушка зябко поежилась. Так-то оно так, но она только что собственными глазами видела, как эта статуя вышагивала, направляясь к ним в гости!

— Но что ее остановило? — Тефилус осматривался, словно ждал, что богиня сейчас оживет и двинется дальше, чтобы закончить прерванную работу.

— Кто знает? — Конан вновь пожал плечами.

— По-моему, я могу ответить.

Мэгил нагнулся и снял с ручки двери маленькую фигурку слоновой кости. Мелия вспыхнула

и подхватила ее.

— О, Иштар! Ты услышала меня! — Она прижала фигурку к груди.— Я молилась ей, просила о помощи, но не помнила, где оставила ее!

— Ты оставила ее в подходящем месте,— усмехнулся Мэгил,— и нечасто бывает, чтобы боги откликнулись на просьбу смертного о помощи!

— Ах, дочка!

Они не заметили, как Аниэла с Сиотвией, узнав о том, что все кончилось благополучно, пришли и теперь бросились к Мелии, рыдая от счастья.

— Конан, ты не забыл? — Мэгил кивнул на спавшую девушку.— Я уже отправил Фана.

Киммериец выругался про себя. Ему вовсе не хотелось уходить от Мелии в эту прекрасную ночь, когда все было так восхитительно, а опасности остались позади, но поделать ничего не мог. Он подхватил Сурию на руки.

— Накиньте на нее что-нибудь, чтобы лица не было видно.

Вдалеке уже нарастал топот копыт и грохот колес по камню мостовой, далеко разносившиеся в ночной тишине.

Конан побежал.

— Куда это он? И куда он понес Сурию? — забеспокоилась Мелия.

— Успокойся, госпожа.— Мэгил мягко тронул ее за руку.— Пусть думают, что тебя похитили. Пока Рамсис и Хараг разберутся друг с другом, пройдет немало времени, а это как раз то, что нам нужно.

* * *

Хараг вышел из святилища Сета, о котором мало кто знал в городе. Его сопровождали десять воинов, двое из которых несли Зрачок Затха, накрытый куском плотной материи. Остальные охраняли их, хотя опасность того, что какой-то безумец отважится, пусть даже ночью, напасть на служителя бога-паука, была ничтожна мала.

Паланкин уже ждал его, и двое рабов согнулись в поклоне, отодвинув боковые занавеси. Он не спеша подошел и собирался уже сесть, когда какой-то звук привлек его внимание. Он прислушался. Сомнений быть не могло — стремительно нараставший топот копыт трудно спутать в чем-то иным.

Жрецу стало интересно, кто это затеял ночью скачки в центре города?

Он повернулся в сторону, откуда доносился, теперь уже и грохот повозки, и через мгновение увидел показавшуюся из-за поворота колесницу, запряженную парой вороных. Возница нещадно погонял, но, увидев его, словно испугался чего-то и свернул в сторону, за дом, из которого только что вышел Хараг. Внезапно стало тихо.

«Странно,— подумал жрец Затха, усаживаясь на удобное мягкое сиденье и принимая из рук охранников драгоценный груз.— Очень странно, похоже, к моему другу Рамсису прибыл гонец. Интересно было бы узнать, что за новости привез он? Как жаль, что я ушел так рано! Быть может, вернуться, притворившись, что забыл сообщить нечто важное.

Некоторое время он размышлял об этом, но потом решил, что не стоит: возница наверняка уже сказал Рамсису о том, что его заметили, и тот придумает отговорку. Жаль, жаль... Но делать нечего. Он вздохнул, и вяло махнул рукой:

— К дому.

Мягким, тщательно отработанным движением, так что занавеси даже не шелохнулись, рабы подняли паланкин и плавно понесли его прочь.

Оставшись один, Рамсис долго сидел в кресле, размышая о случившемся. Он, кряхтя, встал и направился в свои покои. Он шел, как обычно, сдержаным, неторопливым шагом, хотя все кости ныли и мышцы болели, а вокруг не было никого, кто мог бы увидеть его слабость.

Он остановился у огромного зеркала, вделанного в стену, и скинул на пол одежду. Плохо дело. Все тело превратилось в сплошной синяк. В пылу борьбы он не обращал внимания на удары, но теперь нужно что-то срочно сделать, если он не хочет к утру слечь. Тогда все планы его пойдут прахом.

Он подошел к столу и трижды ударил в маленький бронзовый гонг.

— О, господин!

Лекарь склонился в низком поклоне, не в силах отвести от жреца испуганного взгляда. «Мог бы нагнуться и пониже», — отметил про себя Рамсис, но решил не обращать внимания на этот маленький промах.

— К утру я должен быть на ногах, — коротко сказал он.

— Ты должен лечь, господин, — мягко ответил лекарь.

— К утру я должен быть на ногах, — повторил жрец.

— Я поставлю тебя на ноги, — лекарь вновь склонился в поклоне, — но ты должен лечь, господин.

Свеча успела додрогнуть до половины, когда лекарь, пятясь, вышел в дверь. Рамсис засыпал, наслаждаясь тем, что боль отступала.

Мысли его путались, и он уже давно уснул бы, если бы один вопрос: не зря ли он затеял все это? В конце концов, девушка нужна не ему, а Харагу. Стоило ли тратить свои силы, чтобы потерпеть столь болезненную неудачу? Конечно, если бы все закончилось благополучно, то после двух неудачных попыток Харата он несомненно заслужил бы еще большее уважение с его стороны, но он не подумал, что сам может проиграть.

Интересно, кому он обязан этой потерей? Потерей особенно заметной на фоне этого триумфа, на который он не без оснований надеялся. Он непременно узнает имя виновного, и тогда горе ему!

Это была сладкая мысль, и с ней Рамсис погрузился в блаженный сон, не сомневаясь, что завтрашний или, в крайнем случае, послезавтрашний день — все равно, какой из них, — непременно возместит ему все потери.

Ведь он, Рамсис, жрец Великого Сета!

— Повелитель, повелитель!

— Ну что еще?

Рамсис приходил в себя с трудом, словно после тяжелой, изнурительной болезни, и это было неудивительно. Хотя лекарь своими притираниями и снял боль с его тела, но раны оставались ранами.

— Войди!

Безымянный слуга пал перед ним на колени, коснулся лбом пола:

— Беда! Беда, господин! Большая беда!

— Что такое?! — нахмурился жрец. — Говори яснее!

— Наших людей убивают! — вскричал тот и протянул к нему руки, словно моля о защите.

— Что?! — Рамсис мгновенно забыл о боли, и остатки сна выветрились из его головы. — Кто смеет поднять руку на слуг Великого Змея Ночи?!

— Не знаю, господин, но сегодня утром, как всегда, рабы в сопровождении двух воинов и одного жреца отправились за снедью, а вернулся лишь один из воинов, да и тот ранен.

— Пришли его ко мне!

Слуга, пятясь, вышел, а жрец встал и, ожидая, пока рабыни облачат его тело в одежды, задумался. Кто посмел? Он задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Гнев начал овладевать им, но он по-прежнему не знал, что и думать.

Неужели Конан, этот жалкий червь осмелился тягаться с ним? Если так, он заставит варвара жестоко пожалеть об этом, и очень скоро, а на легкую смерть пусть не надеется!

Глава восьмая

Хараг почти не спал в эту ночь.

Он хорошо знал распорядок дня Рамсиса и поднялся значительно раньше стигийца, как раз настолько, чтобы успеть приготовить своему бывшему союзнику неприятную неожиданность» к пробуждению. Теперь он, по своему обыкновению, в нетерпении ходил из угла в угол, ожидая известий от своих людей, отправившихся на рынок.

После третьей ночи, которая, как и две предыдущие, принесла неудачу, он вернулся поздно или, скорее уж, рано. Небо над Шадизаром просветлело, еще когда он покинул дом Рамсиса. Домой же Хараг вернулся еще позже, потому что не любил тряской и шумной езды, предпочитая бережные руки рабов резким рывкам лошадей, хотя такое передвижение имело и отрицательные стороны: людям не сравниться с конями в скорости бега.

Но нет худа без добра. Зато он вовремя узнал новость, успел отдать необходимые распоряжения и теперь ждал результатов. Да, новость была хуже некуда, но все-таки такие новости лучше узнавать как можно раньше. Хотя бы для того, чтобы достойно отвечать на них.

Его люди, следившие за домом Мелии, рассказали ему, что полночи оттуда доносились шум и звуки боя, а под утро к воротам подкатила колесница, запряженная парой гнедых, в сопровождении шестерых всадников, ворвавшихся внутрь и очень скоро вернувшихся обратно с девушкой на руках! Кони взяли с места в карьер и понеслись по улицам ночного города, а погоня, почти сразу пустившаяся следом, все-таки отстала, что, в общем-то, было и неудивительно, учитывая события, свидетелем которых Харагу довелось стать непосредственно перед этим.

Жрец вспомнил колесницу, во весь опор мчавшуюся к святилищу Сета, когда он покидал его, и ему все стало ясно. Быть может, если бы не эта сцена, полностью объяснявшая, что за гость прибыл к стигийцу, и таким образом подтверждавшая коварство его бывшего союзника, он еще сомневался бы.

Теперь же известные факты сочетались как нельзя лучше, все получалось очень гладко, и сейчас, по прошествии времени, он должен был признать, что Рамсис мастерски провел его, предусмотрев каждую мелочь. Все, кроме одной — его люди должны были возвращаться кружным путем. Тогда Хараг остался бы в полном неведении, хотя... Быть может, и это сделано не случайно? Быть может, так он решил известить бывшего товарища, что все кончено?

О, великий Затх! Каким идиотом он показал себя, поверив в то, что неповоротливая, бронзовая баба, которую можно запросто водить за собой хоть всю ночь, сумеет отобрать у сотни ловких, быстрых воинов девушку! Ведь неуязвимость бронзовой девки не сделала ее более ловкой, но зато оказалась столь впечатляющей, что заставила его не заметить очевидного!

А он, всегда гордившийся своим умом, попался на такой дешевый трюк! А главное, позволил себе поверить в порядочность двуличного по своей природе жреца! Правда, надо отдать должное и Рамсису. Змеепоклонник разыграл прекрасный, продуманный в деталях спектакль, в то время как его люди подкрадывались к дому, готовясь похитить девушку!

Харага никак не покидало ощущение, что Рамсис не просто обманул его, а еще и открыто посмеялся над своим сообщником. Ни в первом, ни во втором у заморийца не возникало теперь и тени сомнения.

Недаром проклятый Сетов выкормыш говорил о двух в попытках! Он и совершил их! Только одна прошла на его Харага глазах, и в ней Рамсис предстал героем, пожертвовавшим собой ради общего дела, а о второй жрец Затха узнал, лишь вернувшись, но обе достигли своих целей, ведь первая была всего-навсего спектаклем! Великолепно разыгранным спектаклем, который

полностью удался!

Поначалу он просто не поверил в это. Мыслимое ли дело? Его, Харага, обманули! Обвели вокруг пальца словно мальчишку. Правда, и сделал это не кто-нибудь, а сам Рамсис, но что с того? Поражение остается поражением. Даже думать не хотелось о том, что он станет говорить Грабаху, как оправдываться.

Нет, такого допустить нельзя. Пусть он проиграл начало сражения, но ведь бой еще не кончен! Время есть, Рамсис в Шадизаре и не выберется из города, пока не одумается, а если не одумается... Что ж, тем хуже для него! Здесь Замора, а не Стигия. Это Хараг сказал при их первой встрече и готов повторить теперь! Скоро, очень скоро он заставит надменного стигийца горько пожалеть о содеянном, и произойдет это гораздо раньше, чем оживет бог-паук!

И все-таки что-то тревожило Харага, а потому он решил повременить и не наносить удар в полную силу, оставить Рамсису возможность исправить допущенную ошибку. Пусть явится просить мира! Тогда, быть может... Жрец улыбнулся своим мыслям. Если же нет... Что ж, сначала предатель лишится рабов, потом слуг и так дальше, пока не останется один! Там посмотрим, что с ним делать!

Здесь Замора, а не Стигия!

* * *

В доме Тефилуса царило вполне понятное оживление.

Дом больше всего напоминал собой руины, а не жилище Главного Королевского Дознавателя. Многие двери оказались выбитыми, равно как и окна, а о драгоценной мебели, которая шла на возведение преград, и говорить не приходилось. Редкая вещь из тех, что пошли в дело, осталась целой. В основном все превратилось в груду дров, и слуги, поднявшиеся раньше хозяев, уже начали разбирать завалы, откладывая отдельно то, что еще можно было починить, бросая остальное, годившееся лишь на растопку, в общую кучу.

Те же семь человек, что участвовали в вечернем обсуждении, собрались вновь, но теперь настроение собравшихся было иным. Даже Тефилус старался не замечать, что дочь его не сводит восторженного взгляда с проклятого варвара, который не казался теперь Королевскому Дознавателю столь отвратительным, как еще накануне.

Это было тем удивительнее, что Конан не участвовал в ночном сражении, а стало быть, и не мог рассчитывать на признательность Тефилуса, хотя и охранял Мелию. Обо всем этом почтенный глава семейства не задумывался. Несколько раз он даже обратился к Конану с какими-то вопросами, чем окончательно покорил сердце дочери.

Мелия, как, впрочем, и Аниэла с Сиотвией, витали в облаках, считая, что все уже кончилось, тем более что и Тефилус разделял их точку зрения, полагая, что теперь нечего бояться. Конану с Мэгилом с большим трудом удалось убедить их, что это далеко не так, хотя противники их и получили хороший урок.

— Конан, но чего ты опасаешься?

Мелия, которая прежде не удостаивала киммерийца и взглядом, теперь щебетала без умолку.

— Того же, чего и прежде.

Северянин оставался спокоен и сосредоточен, хотя и радовался вместе со всеми.

— Но ведь три дня, о которых говорил жрец, уже истекли. Разве теперь мы не можем чувствовать себя спокойно?

Она одаривала всех сияющими улыбками, распространяя вокруг себя атмосферу счастья и беззаботности.

— А-а, ты об этом...

Как ни старался, Конан не мог сохранить серьезность, постоянно ловя себя на том, что глупо улыбается.

— Конечно! — Мелия обрадовано всплеснула руками.

— В самом деле,— поддержала дочь сияющая от счастья Аниэла, которая, правда, выражала свою радость не столь бурно.— Разве мы не победили?!

— Кром! — выругался Конан, впрочем, совершенно беззлобно,— До полнолуния еще достаточно времени, чтобы выкрасть пол-Шадизара!

— Он прав,— поддержал друга Мэгил.— Рано расслабляться.

Однако женщины, казалось, пропустили его слова мимо ушей.

— Три ночи они пытались сделать свое черное дело,— заговорил Тефилус, — но все попытки кончились неудачно.

К тому же в ближайшие несколько дней им будет, чем заняться!

— Конан! — Мелия просияла и побежала к киммерийцу. Глаза ее лучились восторгом.— Как здорово, что ты придумал это похищение! Да они успеют поубивать друг друга, пока разберутся, что к чему.

— Если только они поверят, что это не наша проделка.

Северянину ужасно хотелось плюнуть на все и радоваться с ними вместе, но он не мог себе этого позволить.

— Поверят, поверят,— рассмеялся Тефилус, и даже его вечно хмурое лицо вдруг показалось симпатичным.— Не могут они не поверить! Что ни говори, а придумано все было здорово!

— Но и тогда у нас будет от силы пара дней передышки.— Мэгил упорно поддерживал Конана, понимая, что не время успокаиваться.— Так недалеко и до беды.

— Ну, хорошо,— заговорила, наконец, Сиотвия.— Давайте на этом и. остановимся — у нас есть два дня передышки.

— В течение которых не стоит расслабляться, — вновь вставил свое слово жрец.

— ...В течение которых мы не станем расслабляться,— улыбнувшись, повторила она.

* * *

Все шло хорошо. Еще утром пришел слуга с докладом о том, что людей Рамсиса подстерегли по пути на базар и, было условлено, одному из них дали вернуться: должен господин знать, куда девались его слуги! А для начала пусть попостится. Говорят, умеренный пост благотворно влияет на ясность рассуждка.

Хараг довольно расхохотался и налил себе вина. Он не сомневался, что ответный удар последует незамедлительно, а потому принял необходимые меры. Хорошо зная магические способности жреца Сета, а также точное число и выручку воинов, находившихся в его распоряжении, он трезво оценивал серьезность положения и представлял, каким может быть ответ. Он был готов ко всему.

Однако время шло, а ничего не происходило, и это было странно. Поначалу замориц подумал, что противник его просто испугался и решил затаиться в своем убежище, но почти сразу отбросил это предположение, как ни льстило оно его самолюбию: как бы ни относился

Хараг к своему противнику, но в трусости обвинить его не мог.

Тут было что-то иное. Он принялся рассуждать, стараясь учесть все мелочи, и внезапно его осенила великолепная в своей простоте догадка, одновременно и обрадовавшая, и оскорбившая его.

Все было легко и просто — Рамсис попросту считал происшедшее местью семейства Мелии, чей отец имел немалое влияние при дворе. То, что задумал стигиец,— дело нешуточное, ведь мало украсть дочь Королевского Дознавателя. Нужно еще суметь вывезти ее из Шадизара и добраться до Стигии!

Однако было в этом и что-то унизительное, ведь если рассуждать подобным образом, то получалось, что его, Харага, проклятый стигиец и вовсе не принимал в расчет!

Перестал обращать внимание, заранее уверенный в том, что жрец Затха вот так запросто примет эту пощечину! Оплеуху, которой, правда, не видел никто, кроме него самого, но которую он, тем не менее, получил! И оплеуху весьма увесистую, ибо она ломала все его планы!

Он вновь возбужденно заходил по комнате, стараясь свыкнуться с этой новой, неприятной мыслью, которая в корне меняла создавшееся положение. Новую ситуацию требовалось заново оценить, чтобы не допустить еще одной ошибки.

Он прикидывал и так, и этак, но чем больше размышлял, тем больше не нравилась ему картина, вырисовывавшаяся в его мозгу. Дело тут было даже не в том, что в изменившейся ситуации он выглядел более неприглядно, а прежние трудности лишь усугубились. Было еще что-то упорно ускользавшее от него, и он подспудно чувствовал, что оно должно сыграть важную роль, если вообще не разбить в пух и прах его прежние расчеты.

Он злился на себя, называя тутицей и бездарью, распаляясь все больше, пока не понял, что, если не успокоится, будет лишь ругаться и брызгать слюной, ничего путного придумать не сумеет. Тогда он налил себе вина и попытался отвлечься, наслаждаясь мыслями об уготованном ему величии.

Он верил в свое высокое предназначение. Он станет первым жрецом живого бога!

Да, это была достойная цель. Цель, ради которой стоило пойти на любые жертвы, на любой риск. Но для того, чтобы его мечта осуществилась, ему нужна девушка, и не какая-нибудь, а родная сестра Зиты, чье тело могло принять душу давно умершей колдуны!

Стоп! Сердце Харага учащенно забилось. Ну конечно! Как можно быть таким идиотом, ведь все так просто! Зрачок Затха! Как он мог забыть про него! Сейчас он все узнает

В дверь постучали, и вошел младший жрец.

— Пришла Сурия, повелитель.

Он согнулся в почтительном поклоне и отступил на шаг, пропуская вперед девушку.

* * *

Конан бежал к дому, и Мэгил едва поспевал за ним.

День начался прекрасно, и кто мог подумать, что непройдет еще и половины его, а все обернется хуже некуда!

Придя проведать девушку, увезенную ночью из дома, они обнаружил лужу крови на полу, а в ней приятеля Зула, заколотого собственным кинжалом. Комната была пуста, девушка пропала.

Конан в ярости сжал кулаки, но птичка улетела, оставив о себе кровавую память, и тому могло быть только одно объяснение — именно она была соглядатаем жрецов в доме Тефилуса!

Знай, он об этом раньше, и в подвале дома нашлось бы местечко, достойное того, чтобы приютить ее на несколько дней, пока опасность не минует и девушку можно будет сбить с рук. Но что толку теперь сожалеть об этом? Сделанного не воротишь.

Никто из них не подумал, что эта смазливая мерзавка соблазнит молодого парня, которому только и нужно было, что, попивая винцо, посторожить ее за приличную плату, но он захотел большего! В результате несчастный дурень вместо обещанного искусила девушку наслаждения получил отправивший его на Серые Равнины удар клинка в спину — удовольствие весьма сомнительное.

Теперь все пошло наスマрку, и положение усугублялось тем, что они не знали, когда это произошло — перед самым их приходом, в полдень или рано утром? Впрочем, судя по тому, что парень успел уже остыть, а кровь на полу засохнуть, убили его давненько.

В том, что должно произойти дальше, особых сомнений у Конана не было. Пройдет совсем немного времени, и девчонка окажется либо у Харага, либо у Рамсиса, смотря кому она служит, и великолепная хитрость киммерийца окажется не более чем пошлой, неудавшейся шуткой.

Он тут же поймал себя на том, что думает об этом, как о предстоящей угрозе, а ведь все давно произошло! Зная злобный нрав Рамсиса и амбиции Харага, нетрудно предположить, что последует за этим...

Конан был уверен, что злость придаст им наглости и теперь можно ждать чего угодно. Мэгил не считал случившееся непоправимым, но и он соглашался с тем, что намечавшейся передышки им не видать.

Киммериец бежал, словно ураган, расшвыривая прохожих, бесцеремонно распихивая людей, не успевших увернуться при виде огромного и грозного, стремительно надвигающегося варвара. Его могучее тело, будто чудовищный таран, прокладывало путь в толпе, и там, где он прошел, оставалось свободное пространство, в которое боялись ступить оторопевшие прохожие. Жрец поспешал следом. Ему никто не мешал, и бежать было несравненно легче, но он начал задыхаться, хотя и старался не отставать, что удавалось ему с трудом.

Звон мечей, ржание лошадей, крики людей — все то, что обычно сопутствовало жестокой схватке, оба услышали еще за несколько кварталов от дома, и это подтверждало худшие опасения.

Конан стиснул зубы и прибавил шагу.

Еще издалека он увидел, что случилось то, чего он опасался больше всего, — у ворот шел бой, а он явно не успевал вовремя.

Несколько коней гарцевали по мостовой. Колесница — но не та, на которой ночью увозили Сирию, — ждала, и возница сдерживал нервно переминавшихся лошадей, готовый в любой миг пустить их вскачь.

Не останавливаясь, Конан сдернул с пояса бухту крепкого тонкого каната с укрепленными на обоих концахaborдажными кошками и цепными вставками в пять локтей (с этим приспособлением он в последнее время не расставался) и на бегу начал раскручивать над головой один из крюков.

Он все-таки не опоздал. Из ворот выбежали трое, неся отчаянно отбивавшуюся Мелию, и с разбегу запрыгнули в колесницу. Возница стеганул коней.

Цепь со свистом рассекала воздух над головой киммерийца, когда кони обиженно заржали, оглушенные резкой болью, и рванули вперед. В тот же миг варвар разжал руку, и заостренный четырехпалый крюк стремительно понесся вдогонку, неумолимо настигая беглецов.

Киммериец продолжал бежать, наблюдая за полетом, тянувшимся несколько бесконечных мгновений. Два когтя из четырех впились в дерево. Конан ощутил резкий рывок. Его сбило с ног и потащило по мостовой. Один из воинов обернулся и, увидев стальные пальцы, мертвой хваткой

вцепившиеся в колесницу, выхватил меч и принялся рубить цепь, но напрасно.

Северянин повторил бросок, избрав целью ближайшее дерево. Лапа, закрепленная на втором конце троса, надежно ухватилась за ствол, и Конан выпустил бухту.

Всего несколько мгновений понадобилось для того, чтобы канат натянулся, Рывок, и четверо воинов, сидевших в колеснице, словно выпущенные из пращи камни, полетели на спины коням. Лишь девушка, лежавшая на полу, осталась внутри. Раздался оглушительный треск, и кони понесли, не сдерживаемые более ничем.

Конан вскочил и побежал вдогонку, на бегу выхватывая из-за спины меч. Он успел срубить голову одному из подоспевших на подмогу, когда услышал отчаянный крик Мелии, правда, почему-то совсем с другой стороны...

У него мгновенно похолодело в груди, тело покрылось липким потом, но на размышления не было времени. Он подхватил коня под уздцы и лихорадочно осмотрелся, пытаясь понять, что же происходит. Далеко позади осталась усадьба, и люди бегали непонятно куда и непонятно зачем.

— Ко-на-ан! — услышал он далекий крик и сразу понял все.

Его бросило в жар. Как он мог быть таким идиотом, позабыв, с кем имеет дело! Он, сам того не ведая, показал этим сучьим выродкам, что надо делать, и Харагу или Рамсису, или обоим вместе. Им осталось только выбрать подходящее время для последнего, сокрушительного удара!

Он вскочил в седло и ударил плашмя клинком по крупу. Огромный черный конь поднялся на дыбы и, оглушительно заряв, неудержимым вихрем понесся вперед.

Киммериец не думал о том, успеет или нет. Он должен успеть!

В несколько прыжков он оказался у высокого каменного забора, три дня служившего им крепостью, а теперь не сумевшего сдержать врагов.

Конан натянул повод. Скользя подковами по камням мостовой, конь свернул за угол и тут же, словно зная, что от него требуется, вновь рванулся вперед. Туда, где виднелись беглецы, увозившие отчаянно отбивавшуюся Мелию.

И на этот раз то была действительно она!

Словно черный демон Сета, могучий конь понесся огромными скачками, и Конан не сомневался, что готовое вырваться из груди сердце его не успеет отсчитать и десятка ударов, как он настигнет подонков. Пусть тогда молятся Сету, Нергалу или кому другому — ни один из богов не удержит его меч!

И горе тому, кто осмелится встать у него на пути.